

7-8

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВОЗАЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHT DEFENDING JOURNAL

Прощай, демократия?

Российский независимый исторический и правозащитный журнал

Адрес:

390000, Россия,
г. Рязань, пл. Костюшко, 3.

Для писем:

390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.

Телефон: (0912) 77-51-17.

E-mail: karta@glas.apc.org

Учредитель:

Редакция независимой газеты "Рязанский вестник".

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации 29.12.1992.

Свидетельство о регистрации N 01949.

Главный редактор

Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа

Сергей Романов

Олег Шубин

Петр Митцнер

Виктор Лазинский

Мнения авторов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции. Сохранность рукописей, фотоматериалов и документов гарантируется.

Над номером работали:

А. Блинушов, В. Лозинский,
В. Романов, С. Романов,
Ю. Середа, Т. Паспелова.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"

Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г"

Заказ №9.

Подписано в печать 3.01.1995.

Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

Всеобщая Декларация прав человека	3
Л. ЛЕВИН «Человек имеет право...» <i>Механизмы правозащиты</i>	5
Правозащитные организации мира <i>Банк данных «Карты»</i>	7
Харьковская правозащитная группа	10
Украинский Центр прав человека.	11
«Гражданская связь – Центр прав человека»	11
Двадцать лет назад в Советском Союзе впервые отмечался День политзаключенного (1974)	12
О. ЕЛАНЦЕВА «БАМ: страницы трудной истории» (1932-1941)	13
С. ПЛЮЩЕНКОВ «Западный БАМ: факты без комментариев» (1945-1964)	23
А. ПАШКОВ, Г. ДУДАРЕЦ Секретная стройка 506 (1950-1953) <i>Сахалинский БАМ</i>	24
Ю. МАНОВ «Это было хуже, чем на зоне...» (1981-1983) <i>БАМ восемидесятых</i>	26
«Права людии в Україні» <i>Презентація українського правозащитного бюллетеня</i>	29
С. ГЛУЗМАН «Крестьянин, сын крестьянина» <i>Із історії інакомыслия</i>	29
«Юрий Галанов» <i>Презентація книги</i>	32
Ю. ГАЛАНСКОВ «Можете начинать...», «Письмо из лагеря» <i>Із історії інакомыслия (1966-1969)</i>	33
И. БЕРГЕР «Крушение поколения» (1936-1937) <i>Юрий Есенин в заключении</i>	34
В. БУКОВСКИЙ «Кусочек свободы» (1961-1972) <i>Правозащитник Александр Есенин-Вольгин</i>	36
А. ЕСЕНИН-ВОЛЬГИН «Законы выше власти!» (1968-1994) <i>Із історії інакомыслия</i>	37
Л. АЛЕКСЕЕВА «Социалисты» (1956-1970) <i>Із історії інакомыслия</i>	39
И. ЧЕЛИКАНОВА «Дело «Вудки» (1967-1970) <i>Молодежные группы «истинных марксистов»</i>	39
О. ПОЛОВ «Хроника текущих событий. Авторы и герои» (1967-1970) <i>Із історії інакомыслия</i>	48
«ХТС: Подробности рязанского процесса» (1970) <i>Дело «Марксистской партии нового типа»</i>	49
«Рязань-Саратов-Петrozаводск» (1967-1974) <i>Із історії інакомыслия</i>	50
«Кто слышал «Трубы свободы?» (1967-1993) <i>Із історії інакомыслия</i>	51
Ю. ВУДКА «Московщина» (1969-1972) <i>Воспоминания диссидента</i>	52
О. СЕНИН «Это были мои лучшие годы...» (1965-1991) <i>Інтервю с руководителем группы «истинных марксистов»</i>	56
Дело «Вудки»: вместо послесловия» (1992-1994) <i>Із історії інакомыслия</i>	68
Е. ЗАХАРОВ «Попытка сравнения диссидентского движения в России и на Украине» (1932-1990)	70
М. ПОПОВСКИЙ «Предательство» <i>Репрессии против ученых (1932-1962)</i>	74
И. МАРДАРЬ «Хроника необъявленного убийства» (1962-1993) <i>Новоочеркасский расстрел 1962 года</i>	78
В. КИРИЛЛОВ «Законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства в период 1920-50-х годов»	82
Ю. ВДОВИН «Они не захотели стать караателями» <i>Берлинское восстание 7 июня 1953 года</i>	85
Содержание N 1-6 журнала «Карта»	86

На 1 стр. обложки фото П. КАССИНА, на 4 стр. – С. ПОДЛЕСНОВА

Афганистан... Чечня... Далее везде?

Журнал "Карта" издается при содействии:

Фонда Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Полиграфической фирмы
Петера Леммана (Мюнстер)

Международного историко-
просветительского и
правозащитного
общества "Мемориал"

Института Демократии в Восточной
Европе (Вашингтон-Варшава)

Полиграфической фирмы
ТОО "Сервис" (Рязань)

Агентства США по
Международному Развитию

Фонда "Евразия"
(Вашингтон)

The Eurasia
Foundation

Фонда Форда (Вашингтон)

Немецкого Народного Союза
по уходу за могилами жертв
войны и репрессий (Кассель)

Всеобщая декларация прав человека

Принята и провозглашена резолюцией 217 А (III)
Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года.

Преамбула

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных неотъемлемых прав является основой свободы, справедливости в всеобщем мире; и

Принимая во внимание, что пренебрежение и презрение к правам человека привели к варварским актам, которые возмущают совесть человечества, и что создание такого мира, в котором люди будут иметь свободу слова и убеждений и будут свободны от страха и нужды, провозглашено как высокое стремление людей; и

Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения; и

Принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между народами; и

Принимая во внимание, что народы Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе; и

Принимая во внимание, что государства-члены обязались содействовать, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод; и

Принимая во внимание, что описание характера этих прав и свобод имеет огромное значение для полного выполнения этого обязательства,

Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую Декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства, с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея ввиду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обесsecению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди народов государств-членов Организации, так и среди народов территорий, находящихся под их юрисдикцией.

Статья 1

Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства.

Статья 2

Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, несамоуправляющейся или как-либо ограниченной в своем суверените.

Статья 3

Каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Статья 4

Никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство или работоговля запрещаются во всех видах.

Статья 5

Никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинства обращению или наказанию.

Статья 6

Каждый человек, где бы он не находился, имеет право на признание его правосубъектности.

Статья 7

Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Статья 8

Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его прав, предоставленных ему конституцией или законом.

Статья 9

Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию.

Статья 10

Каждый человек, для определения его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему уголовного обвинения, имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом.

Статья 11

1. Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты.

2. Никто не может быть осужден за преступление на основании совершения какого-либо действия или за бездействие, которые во время их совершения не составляли преступления по национальным законам или по международному праву. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в то время, когда преступление было совершено.

Статья 12

Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, производимым посягательством на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств.

Статья 13

1. Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительства в пределах каждого государства.

2. Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в свою страну.

Статья 14

1. Каждый человек имеет право искаать убежища от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем.

2. Это право не может быть использовано в случае преследования, в действительности основанного на совершение

Всеобщая декларация прав человека

нии неполитического преступления, или деяния, противоречащего целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 15

1. Каждый человек имеет право на гражданство.
2. Никто не может быть произвольно лишен своего гражданства или права изменить свое гражданство.

Статья 16

1. Мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия, имеют право без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии вступать в брак и основывать семью. Они пользуются одинаковыми правами в отполнении вступления в брак, во время состояния в браке и во время его расторжения.

2. Брак может быть заключен только при свободном и полном согласии обеих вступающих в брак сторон.

3. Семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства.

Статья 17

1. Каждый человек имеет право владеть имуществом как единолично, так и совместно с другими.

2. Никто не должен быть произвольно лишен своего имущества.

Статья 18

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным людям, в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков.

Статья 19

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами независимо от государственных границ.

Статья 20

1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и ассоциаций.

2. Никто не может быть принужден вступать в какую-либо ассоциацию.

Статья 21

Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей.

2. Каждый человек имеет право равного доступа к государственной службе в своей стране.

3. Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицируемых выборах, которые должны проводиться при всеобщем равном избирательном праве, путем тайного голосования, или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

Статья 22

Каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства.

Статья 23

1. Каждый человек имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы.

2. Каждый человек, без какой-либо дискриминации, имеет право на равную оплату за равный труд.

3. Каждый работающий имеет право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное существование для него самого и его семьи, дополняемое, при необходимости, другими средствами социального обеспечения.

4. Каждый человек имеет право создавать профессиональные союзы и входить в профессиональные союзы для защиты своих интересов.

Статья 24

Каждый человек имеет право на отдых и досуг, включая право на разумное ограничение рабочего дня и на оплачиваемый ежегодный отпуск.

Статья 25

1. Каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по независящим от него обстоятельствам.

2. Материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь. Все дети, родившиеся вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой.

Статья 26

1. Каждый человек имеет право на образование. Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том,

что касается начального и общего образования. Начальное образование должно быть обязательным. Техническое и профессиональное образование должно быть общедоступным, высшее образование должно быть одинаково доступным для всех на основе способностей каждого.

2. Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимоониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира.

3. Родители имеют право приоритета в выборе вида образования для своих малолетних детей.

Статья 27

1. Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами.

2. Каждый человек имеет право на защиту его моральных и материальных интересов, являющихся результатом научных, литературных или художественных трудов, автором которых он является.

Статья 28

Каждый человек имеет право на социальный и международный порядок, при котором права и свободы, изложенные в настоящей Декларации, могут быть полностью осуществлены.

Статья 29

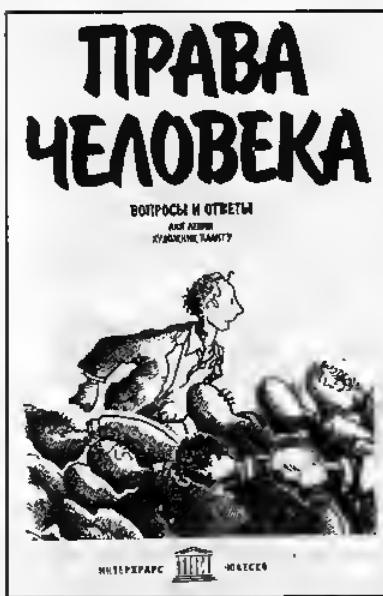
1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка, и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод или в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных Наций.

Статья 30

Ничто в настоящей Декларации не может быть истолковано, как представление какому-нибудь государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации.

В прошлом году по заказу ЮНЕСКО впервые на русском языке была выпущена книга «Права человека. Вопросы и ответы.» Она является, пожалуй, лучшим популярным просветительским изданием такого рода, которое, кроме того, может быть использовано в качестве методического пособия при преподавании курса прав человека.

Книга была подготовлена директором отдела правосудия Британской секции Международной комиссии юристов Лией ЛЕВИН совместно с известным французским художником ПЛАНТУ.

ЮНЕСКО надеется, что данное издание будет способствовать распространению знаний о правах человека, что, в конечном итоге, является основным условием соблюдения таких прав.

Книгу «Права человека. Вопросы и ответы.» можно приобрести в киоске «Экспресс-хроника» в Москве, на Пушкинской площади, напротив кинотеатра «Россия».

Лия ЛЕВИН

Человек имеет право...

Что подразумевается под правами человека?

Концепция прав человека включает в себя два основных понятия. Первое состоит в том, что неотъемлемые и неотчуждаемые права присущи человеку только потому, что он человек. Это МОРАЛЬНЫЕ ПРАВА, которые вытекают из самой человеческой природы каждого индивидуума, и назначение их в том, чтобы поддерживать в человеке чувство собственного достоинства.

Ко второму понятию концепции прав человека относятся ЮРИДИЧЕСКИЕ ПРАВА, устанавливаемые в соответствии с нормотворческими процессами, происходящими как на национальном, так и на международном уровнях. Основой подобных прав является согласие тех, на кого они распространяются, то есть согласие субъектов права, тогда как основу первой группы прав составляет естественный порядок.

Имеет ли Всеобщая декларация обязательную юридическую силу в отношении государства?

Декларация как таковая не является юридически обязательным документом, однако государства своими действиями и применением Декларации показывают, что принимают ее в качестве правового документа, что позволяет использовать ее в юридическом, моральном, и политическом плане как внутри страны, так и за рубежом. В 1962 году юрисконсульт Организации Объединенных Наций, говоря о практике Организации, назвал Декларацию «важнейшим документом, на который ссылаются в исключительно редких случаях, связанных с решением вопросов глобального значения, когда требуется достичь полного согласия».

На проходившей в 1968 году Тегеранской конференции по правам человека международное сообщество достигло консенсуса, согласно которому Всеобщая декларация «отражает общую договоренность народов мира и является обязательством для членов международного сообщества». Юридических санкций, которые понуждали бы государства соблюдать такие обязательства, не существует. Как и в других обла-

стях международного права и международной практики, единственной санкцией, имеющейся в распоряжении международного сообщества, является выражение недоверия тем государствам, которые уклоняются от выполнения взятых на себя обязательств по соблюдению положений Декларации.

Какие еще документы входят в Международный билль о правах человека?

Всеобщая декларация прав человека является первой составляющей документа, подразделенного на три части.

Вторая и третья части Международного билия о правах человека были приняты Генеральной Ассамблей ООН 16 декабря 1966 года. Они включают в себя два пакта — Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах, к которому относится также Факультативный протокол. При принятии этих документов члены международного сообщества достигли согласия не только в отношении смыслового содержания каждой из изложенных во Всеобщей декларации норм права, но и в отношении условий, при которых государства могут отказываться от представления этих прав или ограничивать их.

Каким образом реализуются положения вышеназванных документов по правам человека?

В статье 28 Пакта о гражданских и политических правах предусматривается создание Комитета по правам человека, состоящего из восемнадцати независимых экспертов, выдвигаемых и избираемых государствами — участниками Пакта. Эти эксперты работают в личном качестве.

Комитет имеет право осуществлять контроль за соблюдением положений пактов, руководствуясь следующими тремя моментами: а) согласно 40 статье, Комитет рассматривает периодические доклады, предоставляемые государствами — участниками Пакта; б) в соответствии со статьей 41, Комитет рассматривает жалобы одного государства на другое

при том условии, что оба государства сделали специальное заявление о признании подобной роли Комитета; в) с учетом положений Факультативного протокола Комитет может принимать и рассматривать жалобы отдельных лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения данным государству-участником какого-либо из прав, закрепленных в Пакте.

Согласно 40 статье Пакта, каждое государство обязуется предоставлять доклады в течение первого года после вступления для них в силу настоящего Пакта, а после этого по требованию Комитета. Комитет, изучив доклады, высказывает свою точку зрения и направляет свои ежегодные доклады Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций и Экономическому и Социальному Совету.

Доклады рассматриваются на открытых заседаниях и в присутствии представителя заинтересованного государства, которому могут быть заданы вопросы. Комитет вправе адресовать свои соображения непосредственно правительству.

Каким образом Комитет по правам человека рассматривает жалобы отдельных лиц?

Исходя из положений Факультативного протокола к Пакту о гражданских и политических правах, Комитет вправе рассматривать жалобы отдельных лиц, которые утверждают, что нарушаются их права, изложенные в Пакте. Такие письменные сообщения в адрес Комитета могут направляться лишь граждане государств, ратифицировавших Факультативный протокол. Подать жалобу может и лицо, действующее по поручению жертвы нарушения, если сам пострадавший не в состоянии лично обратиться в Комитет.

Комитет рассматривает жалобу поэтапно: сначала с точки зрения ее «состоятельности», а затем «по существу». Соответствующие решения Комитет принимает на закрытых заседаниях. Для определения состоятельности жалобы Комитет исходит из следующих критериев: жалоба не должна быть анонимной; она не должна представлять собой попытку злоупотребить правом на подачу таких сообщений; не должна рассматриваться одновременно в соответствии с другой процедурой международного разбирательства, а само лицо, подавшее жалобу, должно исчерпать к тому времени все доступные средства внутренней правовой защиты.

Комитет наделен полномочиями доводить любую жалобу, поступившую от частного лица, если он нашел ее состоятельной, до сведения соответствующего государства-участника, которое, со своей стороны, должно в течение шести месяцев дать Комитету письменные объяснения по затронутому вопросу и уведомить его о решении, если таковое имеется. Комитет принимает к сведению всю полученную им письменную информацию от первоначального подателя заявления, предлагающей «жертвы» и заинтересованного государства-участника.

После конфиденциального рассмотрения поступившего сообщения Комитет выносит решение в отношении состоятельности жалобы и процедурных вопросов, а также высказывает соображения по существу дела, о чем уведомляются соответствующее государство-участник и конкретное лицо. Все принимаемые им решения и высказанные соображения Комитет предает гласности.

Может ли частное лицо обращаться в Организацию Объединенных Наций, если полагает, что нарушаются его права человека?

Со времени своего создания Организация Объединенных Наций получила сотни тысяч жалоб от отдельных лиц и организаций, заявлявших о нарушениях прав человека. В последнее время ежегодно в ООН поступает 40 тысяч таких сообщений.

Как же рассматриваются подобные жалобы?

Комиссия по правам человека, которая является вспомогательным органом Экономического и Социального Совета, непосредственно отвечает за работу с жалобами, но в ее полномочия по правилам процедуры не входят никакие конкретные действия в отношении жалоб, поступающих от отдельных лиц.

При создании Комиссии ни в одном положении не говорилось о механизме, обеспечивающем удовлетворение исков отдельных лиц или групп, заявлявших о нарушении прав человека. Сама Комиссия неоднократно признавала, что она «не вправе предпринимать какие-либо действия в связи с жалобами, касающимися прав человека». И всё-таки процедура была разработана. Из числа получаемых сообщений получаются 2 списка жалоб: открытый, неконфиденциальный список — содержит жалобы о нарушении принципов защиты и обеспечения

прав человека, и закрытый, конфиденциальный список, — содержит жалобы в отношении государств.

Конфиденциальные списки жалоб вручаются членам Комиссии. Государства же уведомляются о содержании сообщений, однако ответы, получаемые от государства, не передаются лицам или организациям, направлявшим эти жалобы.

Может ли ЮНЕСКО получать жалобы, в которых утверждается, что права человека нарушаются?

ЮНЕСКО располагает процедурой разбора жалоб лиц, являющихся жертвами нарушений прав человека, или любого лица, группы лиц, национальных и международных неправительственных организаций, имеющих достоверную информацию о нарушениях прав человека, находящихся в компетенции ЮНЕСКО, а именно: в области образования, науки, культуры и информации. Если подавший жалобу не возражает против оглашения его имени, то правительство ставится в известность о жалобе и сму предлагается представить письменные разъяснения по существу жалобы, называемой «сообщением». Подобные сообщения вместе с соответствующими ответами правительства, если такие были получены, рассматриваются при закрытых дверях Комитетом по Конвенциям и Рекомендациям Исполнительного Совета. Представители заинтересованных правительств имеют право присутствовать на заседаниях Комитета с тем, чтобы представить дополнительную информацию или дать ответы на вопросы членов Комитета.

Процедуры ЮНЕСКО при рассмотрении предполагаемых нарушений прав человека в некоторых отношениях в меньшей степени зависят от обязательных предварительных условий, нежели некоторые другие международные или региональные. Например, процедуры ЮНЕСКО не требуют, чтобы внутренние средства защиты порядка были исчерпаны. Требуется лишь доказательство того, что была предпринята попытка подобного рода.

Существуют ли другие международные системы, ставящие своей целью защиту прав человека?

В мире существуют две региональные организации, которые имеют в своем распоряжении постоянные учреждения, призванные защищать права человека.

Речь идет о Совете Европы и Организации американских государств.

Совет Европы опередил всех в деле разработки и применения механизма защиты прав человека, предусмотренного Европейской конвенцией по правам человека, вступившей в силу 3 сентября 1953 года. Все западноевропейские государства — члены Совета Европы ратифицировали конвенцию и, таким образом, стали ее участниками. Конвенция, в основном, затрагивает проблему гражданских и политических прав. Забота о гражданских и политических правах проистекает из того факта, отраженного в Пreamble Конвенции, что «правительства европейских стран, придерживающихся одинаковых убеждений и имеющих общее наследие в виде политических традиций, идеалов, свобод и законодательств...» решили «сделать первый шаг в направлении коллективного осуществления некоторых прав, изложенных во Всеобщей декларации прав человека».

Механизм, гарантирующий осуществление прав человека, обеспечивают: Европейская Комиссия по правам человека, Европейский Суд по правам человека и Кабинет министров. Комиссия изучает жалобы государств-участников в отношении других государств-участников, а также жалобы отдельных лиц в отношении государств-участников. Что касается последнего случая, то жалобы рассматриваются лишь тогда, когда соответствующее правительство признает это факультативное право на индивидуальную жалобу.

Комиссия, в случае принятия жалобы к рассмотрению, разбирает ее, а затем пытается разрешить спор. Если спор не разрешается, Комиссия подготавливает полный доклад, включая свою точку зрения на вопрос — имело ли место нарушение положений Конвенции или нет. Заседания Комиссии носят закрытый характер, а впоследствии издается краткий отчет о данном деле. Подробный отчет Комиссия представляет Кабинету министров Совета Европы, после чего решение данного дела может осуществляться двумя способами. Первый заключается в том, что данный вопрос в течение трех месяцев может быть передан на решение Суда. Это может быть сделано либо Комиссией, либо государством, против которого было выдвинуто обвинение, при условии, что оно признает юрисдикцию Суда.

Лондон

Правозащитные организации мира

(Продолжение. Начало в «Карте» N6)

UN Centre for Human Rights
Dokumentation Centre 8-14 Avenue de la Paix 1211 Geneva 10 fax: +41 22 917 0092

Amnesty International
International Secretariat 1 Easton Street
London WC1X 8 BJ fax: +44 71 956 1157

Andrysek Oldrich, UNHCR Vienna
Austria tel: +43 1 211 314 052

Dabhe Maria Human Rights House
Foundation Urtegala 50 0187 Oslo Norway

tel: +47 22 571 220

Dutour Brigitte, International Helsinki Federation for Human Rights
Rummelhardtg. 2/18 A 1090 Vienna Austria

tel: +43 1 402 73 87 402 88 22 fax: +408

74 44

Gomien Donna, Norwegian Institute of Human Rights Grensen 18 0169 Oslo Norway tel: +47 22 42 13 60 fax: +47 22 42 25 42

Jagues Isobelle, Directorate of Human Rights Council Of Europe F – 67075 Strasbourg Cedex France tel: +33 88 41 20 00 fax: +33 88 41 27 93

Lewis Richard, European Commission Human Rights and Democratisation Unit Rue Montoyer 34 (6/25) 1049 Brussels Belgium tel: +32 2 295 75 91 fax: +32 2 295 78 50

Petovar Tanja, Civic Link – Human Rights Center Cyril Metodov trg 1/I/II 61000 Lubljana Slovenia tel: +386 61 133 51 11 fax: +386 61 133 41 91

Playfair Emma, Interights – International Center for the Legal Protection of Human Rights London Great Britain tel: +44 71 278 3230 fax: +44 71 278 4334

Wacko Tomasz, The Norwegian Helsinki Committee Urtegata 50 0187 Oslo Norway tel: +47 22 570 070 fax: +47 22 570 088

Winship L. Elizabeth, CSCE-Office for Democratic Institutions and Human Rights Krucza 36 – Wspolna 6 00-522 Warsaw Poland tel: +48 2 625 7040 fax: +48 2 482 625

Art Sandler, St. Louis MO USA 63122 W: (314) 968-7055 (Human Rights Education Project) rights, Guatemala

Sabina Astete, Seattle WA USA 98115 (University of Washington) Peru, indigenous, counterinsurgency, foreign, policy, peace Personal: human rights

Bartram Brown, 565 W Adams St Chicago IL USA 60661 W: (312) 906-5046 H: (312) 922-0059 (Chicago-Kent College of Law; Amnesty International) Personal: human rights, international law

Bob Dinan, PO Box 311 Winooski VT USA 05404 (802) 863-6046 (VCIHR; Vermont Committee for Irish Human Rights)

BILL Koehlein, New York NY USA 10003 FAX: (212) 674-6506 (The New York Marxist School) marxism, Brazil, Russia, anarchism, labor, radical, history, opera Personal: US Committee for Democratic and Human Rights in Russia

Donna Sullivan, 1601 Connecticut Ave #700 Washington DC USA 20009 (202) 232-8500 (International Human Rights Law Group)

Laurence R. Birns, 724 9th St. NW #401 Washington DC USA 20001 (202) 393-

3322 (Council on Hemispheric Affairs)
Personal: Latin America, human rights, democracy

Evan Douphit, 3411 W Diversey Suite 1 Chicago IL USA 60647 (312) 384-8827 (Columbia Human Rights Committee)

Paul Meek, 1056 Thomas Jefferson St. NW Washington DC USA 20007 (202) 333-1407 (The Congressional Human Rights Foundation) human, rights, worldwide

Wallie Mason, 1601 Connecticut Av NW #612 Washington DC USA 20009 (202) 265-8712 (Center for Human Rights Legal Action) human, rights, Central, America

Charlie Roberts, 3325 17th St NW Washington DC USA 20010 (202) 462-8175 FAX: (202) 462-4724 (Colombia Human Rights Committee) Colombia, humanrights, translation, Brazil

Apartado Postal, 3189 Tegucigalpa, M.D.C. HONDURAS (CODEH, Honduras) Central, America, CARNet, human, rights Personal: Com. de Derechos Humanos, Honduras (Human Rights Commission)

Brian Allen, Washington DC USA 20036-1503 environment, energy, computers Personal: International Affairs, Human Rights, Native Americans

Dan Hodel, Seattle WA USA 98103 (Tibetan Rights Campaign) tibet, human rights

Blake Wright, P. O. Box 27 Longboat Key FL USA 34228 (813) 383-1075 Fax: (813) 383-8428 (Radio for Peace; Canadian Tribute to Human Rights) unced, ethics, dharma, media, native, human rights, ecotechnology, Personal: Center for Sustainable Development and Alternative World Futures

Dale Bricker, 823 United Nations Plaza, Suite 712 New York NY USA 10017 FAX: (212) 661-5904 or (718) 768-3364 (Fund for Peace/Human Rights Program) human rights, education, Africa, Sudan, Ethiopia, Djibouti, Eritrea Personal: Horn of Africa\Somaliland\Somalia

James S. Mulholland, 150 Wermus St. Hillsdale NJ USA 07642 (201) 664-2148 fax: (201) 664-2261 (Freedom Justice & Peace Society) Personal: World Day of Prayer for Human Rights

Alice Zachman, 3321 12th St. NE Washington DC USA 20017 (202) 244-6872 (Guatemala Human Rights Commission) Central America, CARNet

Gary Trujillo, 43 Jackson Road Somerville MA USA 02145 (617) 776-0121 Central, America, CARNet, rainforest, environment, ecology Personal: indigenous people, eastern Europe, human rights

Hilary Naylor, Oakland CA USA 94618 (Amnesty International) human rights, death, penalty, western, europe

Laurie Wiseberg, University of Ottawa, 57 Louis Pasteur Ottawa Ontario CANADA K1N 6N5 (613) 564-3492 Fax: (613) 564-4054 Telex: 053-3338 (c/o Human Rights Centre) Personal: Human Rights Internet

Juan Mendez, 1522 K Street N.W. #910 Washington DC USA 20005 (202) 371-6592 (Human Rights Watch)

Ellen Lutz, 10951 West Pico Blvd.,

Suite 203 Los Angeles CA USA 90064
(Director - Human Rights Watch)

Mark Rector, 485 5th Avenue 3rd Floor New York NY USA 10017-6104
(212)972-8400 (Human Rights Watch)

Narry E. Salzberg, 122 State St. Madison WI USA 53703 (608)251-4616 (Salzberg Equal Justice Foundation)
international human rights, Central America, UN Personal: National Lawyers Guild (NLG)

Jafer Shayeb, 960-B National Press Bldg. Washington DC USA 20045 (202) 879-6767 (International Committee for Human Rights) prisoners, saudi, arabia, torture

520 Castro St San Francisco CA USA 94114 (415)255-8680 (International Gay Lesbian Human Rights Commission) gay, lesbian, human rights

James Binder, 2215R Market St. San Francisco CA USA 94114-1612 (Gay and Lesbian Human Rights Commission) gay, lesbian, human rights Personal:
International Gay & Lesbian Human Rights Commission

John MacArthur, San Francisco CA USA 94107 (UCSF/SFGH; Physicians for Human Rights) Burma, humanrights, medicine

Janet Perry, Accord NY USA 12404 (914)687-0834 environment Personal:
human rights

Karin Edlund, 1601 Connecticut Ave. #700 Washington DC USA 20009 202-232-8500 (International Human Rights Law Group) human, rights, cambodia, guatemala, ethiopia, burma, kurds, paraguay

P.O. Box 4231 Boulder CO USA 80306 303-939-9450 (Colorado Rapid Response Network) alerts, human, rights, latin, america, telexes Personal: we are urgent action human rights group

Douglas A. Johnson, 717 East River Road Minneapolis MN USA 55455 (612)626-1400 (Center for Victims of Torture)
Personal: International Network for Mental Health & Human Rights

Matthew Lorin, 153 East 32nd Street, 14th Floor New York NY USA 10016 (212)889-1040 (The Student Human Rights Exchange; Student Human Rights; John Kennedy School) human, rights, SHARE

Jeffrey Davis, 731 Market St. Suite 800 San Francisco CA USA 94103 Tel: (415) 665-6637 Fax: (415) 665-6696 (Mother Jones) media, human rights, investigative reporting

Lawrence M. Probes, M.D., 2960 Guillotard Lowell MI USA 49331-9514 H: (616)897-5402 W: (616)940-9001 Fax: (616)940-7355 (PSR, American Red Cross, Physicians for Human Rights) medicine, Russian, language, human rights Personal: American Association for the Advancement of Slavic Studies

Orlando Brugnola, 515 W. 59th Street Apt. 32A New York NY USA 10019 (212)582-2537 (Institute for the Study of Genocide) human rights

Claire Frances, 100 Boylston Street, Suite 702 Boston MA USA 02116 (617)695-0041 (Physicians For Human Rights) human rights, medical, international, landmines, peace, women's,

Vincent Iacopino, MD, PhD, 1684 Bellevue Way Sunnyvale CA USA 94087 (408) 730-1800 (Physicians for Human Rights, Western Regional Ofc)
documentation, education, policy, asylum, treatment, torture, Personal: human rights

Peter Schey, 256 S Occidental Blvd

Los Angeles CA USA 90057 (213)338-8693 FAX: 386-9484 (Center for Human Rights and Constitutional Law; National Lawyers Guild)

Paula Van Gelder, 100 Technology Center Drive Stoughton MA USA 02072 (617)341-7967 (Reebok Human Rights Program; amnesty international; human rights; business for social responsi) human rights activists

Edwin Rekosh, 1601 Connecticut Ave #700 Washington DC USA 20009 (202)232-8500 (International Human Rights Law Group)

Robert N. Kirschner, Chicago IL USA 60649 (Physician for Human Rights; Physicians for Human Rights; American Association for Advancement) human rights, torture, forensics, death, penalty

Robin Munro, Hong Kong HONG KONG (852) 574-8275 (Asia Watch; human rights watch; fund for free expression)
human rights, asia Human Rights Watch, Fund for Free Expression

Rick Saling, 5425 57th Avenue South Seattle WA USA 98118 (206)723-9465

Guatemala, Nicaragua, El Salvador, human rights, Central America

Kristi Rudelius-Palmer, 229-19th Avenue South, 437 Law Center Minneapolis MN USA 55455 (612) 626-0041 Fax: (612) 625-2011 (University of Minnesota Human Rights; Amnesty International; Resource Center for the Americas; Minnesot) human rights, education

Shawn Giese, Kent WA USA 98032 (University of Washington student; Amnesty International) AIUSA Personal: student activism, human rights

Sherly Natissian, 853 Broadway, Ste 902 New York City NY USA 10003 212-460-8862 Personal: peace, human rights

Torben Retboll, Falstersgade 3 Aarhus DENMARK DK-8000 toxics, waste, forest, human rights, media Personal:
Asia, Africa, Latin America, Middle East, Pacific Rim

James Isbister, 96 Provincial Road, Lindfield NSW AUSTRALIA 2070 Human Rights, Central America, Environment

Brisbane Catholic, Education, Box 1201, GPO Brisbane QLD AUSTRALIA 4001 (07)397 8715(H) (07)8400564(W) (07)844 5101(F) (Rev. R McKeirhan) Education, Human Rights, Ecology

G. M. Friel, 38 Stobo Crescent, Alawa NT AUSTRALIA 0810 (089)854 020(H) environment, population, human rights, politics, FOE

Christian Ramillo, PO Box 93, Marrickville SYDNEY NSW 2204 (02) 560 3793 w philippines, self determination, arts, human rights, migrants, environ

Robyn Boyd, Box 186W, Ballarat West VIC AUSTRALIA 3350 053 341707 342 607 fax (Division of Further Education, Central Highlands,, pegasus) Adult education, Human rights, Peace groups, Religion

Andrew Chin, Parliament House Canberra ACT AUSTRALIA 2600 (06) 277 2523(W) (06) 277 5286(F) (Department of the Parliamentary Library, Foreign Affairs Information Specialist) foreign affairs, politics, UN, human rights, disarmament

David Tynan, Parade College Plenty Road Bundoora VIC AUSTRALIA 3083 467 1777(H) children, education, human rights, technical & computers, energy

Elizabeth Dodds, PO Box 122, New Farm Brisbane QLD AUSTRALIA 4005 (07) 391 4669(W) (07) 391 4373(F) Social Justice, Human Rights, Catholic Church

Nazeer Poulo, P O Box 26, Lakemba

Sydney NSW AUSTRALIA 2195 (02) 740 4581(W) (Islamic Cultural & Information Network) Asia/Pacific, east/west, green politics, human rights, Middle East

James Dunn, 13 Percy Davis Drive, Moruya NSW 2537 044 743 484 (EarthNet) journalist, media, humanrights, asia, politics, environment Personal: Member of International League for Human Rights, Human Right

Merrill Findlay, PO Box 2112, ST Kilda West Melbourne Vic AUSTRALIA 3182 (03)534 6999(H) Environment, Social Justice, Human Rights

Bred Taylor, 21 Swanston St, Erskineville Sydney NSW AUSTRALIA 2043 (02)519 6394(W) (MSC Justice & Welfare Office, Earthnet) socialjustice, human rights, environment, catholic issues

Paul Balnaves, 8 Mortlock Crt, Kaleen Canberra ACT AUSTRALIA 2617 (061) 241 4671(H) (06) 241 4671(W) wildlife/conservation/computing/nuclear/human rights/peace

Susan Knights, 13 Sutherland Avenue, Paddington Sydney NSW 2021 H: 02 326 1092 W: 02 217 9907 adult education, human rights, Latin America

Mike Forster, Mount Hamilton, Hamilton Avenue Bowral NSW AUSTRALIA 2576 (048) 621 001(W) (Interim Government - Bougainville) self determination, human rights

Vicki Uhlmann, 419 Newbeith Road, Greenbank Brisbane Qld AUSTRALIA 4124 (07)200 0754(H) (07)200 0754(W) (Nexus Australia) Human Rights, Democratic Participation, Social Justice, SocialChange

Warwick Sherring, PO Box 651 Lismore NSW AUSTRALIA 2480 (066)214 619(H) (066)250 532(W) science, human rights, computing, environment, health

Christina Wood, 1st Fl, Union House, University of Melbourne Parkville Vic AUSTRALIA 3042 (03)344 6626(W) (Melbourne University Student Union)

Environment, social justice, human rights
Jan Bauer, 60 Ann St. S., P.O. Box 489 Cannington ON Canada L0E 1E0 (Article 19 (Canada)) (IFEX), Article 19 – Internati freedom of expression, human rights, international law

736 Bathurst Toronto ON Canada M5S 2R4 416/531-6154 ACT (ACT for Disarmament) peace, disarmament, east-west, indonesia, east timor, human rights, nuclear power

Will Bryant, 130 Slater Street, Suite 900 Ottawa ON Canada K1P 6E2 613/563-1891 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, release of people detained anywhere, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Janice Burke, 130 Slater Street, Suite 900 Ottawa ON Canada K1P 6E2 613/563-1891 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

215 College St. – #238 Toronto ON Canada M5T 1R1 416/971-7195 (CASA RAN) amnesty international, human rights, central america, mexico

Susan Dunn, Halifax NS Canada A1 (Amnesty International) human right

Dan Fass, Centre for Systems

Carolyn Johnston Calgary, AB
Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, sex, religion, ethnic origin, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Jim Joyce Vanier, ON Canada K1L 1A4 human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide

Audrey McClellan, Vancouver BC
Canada V5R 1S7 human rights, alternative politics, arts, environment, networking Personal: Member of Amnesty International, editor at *New Star Books*.

Faith McKintyre Saskatoon, SK
Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, language, religion, non-violence, execution, disappearance, fair and prompt trial, justice

Barbara Motzney Vanier, ON Canada K1L 1A4 human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide

Najji Mouawad Kitchener, ON
Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of detained people anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

130 Slater Street, Suite 900 Ottawa ON Canada K1P 6E2 613/563-1891 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Ted Owens Calgary, AB Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Isabelle Patenaude Vanier, ON Canada K1L 1A4 human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide

1037 West Broadway, Suite 302 Vancouver BC Canada V6H 1E3 604/734-5150 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Regina SK, Canada S4T 3A1 (AI Regina Group) AI, human rights 130 Slater Street, Suite 900 Ottawa ON Canada K1P 6E2 613/563-1891 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

David Southern Victoria, BC Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners,

worldwide, impartial, release of detained people anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, language, religion, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

John Tackabury, 130 Slater Street, Suite 600 Ottawa ON Canada K1P 6E2 613/563-1891 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Donna Thieson, Saskatoon SK
Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

322 1/2 Bloor Street West Toronto ON Canada M5W 5 416/929-6892 AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Michael Wilkshire, St. John's NF
Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, worldwide, impartial, release of people detained anywhere, beliefs, ethnic origin, sex, religion, language, colour, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trial, justice

Iain Willsher Kanata, ON Canada AI (Amnesty International) human rights, torture, death penalty, political prisoners, impartial, worldwide, release of detained people anywhere, beliefs, colour, ethnic origin, sex, religion, language, non-violence, executions, disappearances, fair and prompt trials, justice

Alok Mukherjee, Toronto ON Canada (Doris Marshall Institute for Education and Action) Partners in Equality, adult educator, trainer, consultant, antiracial organizational change, educations, human rights, employment equity

John A. MacDougall, Lanham-Seabrook MD (Indonesia Publications (editor)/Task Force Indonesia (co-ordinator)) Indonesia, Southeast Asia, human rights, East Timor

Marlan White, 81 Prince Street Charlottetown PEI Canada C1A 4R3 902/676-2248 (Canadian Council for International Co-operation - Atlantic Region) Atlantic Canada, CCIC, council, NGOs, development, sustainable development, north-south, third world, voluntary, human rights, native, primary producers, central america, el salvador, learner centres, agriculture, fisheries

Ber Lazarus, 4838 de l'Esplanade Montreal PQ Canada H2T 2Y7 art, energy, immigration, refugees, human rights, development, justice Personal: philosophy, Spanish, wilderness

Brian Nelson, Toronto ON Canada consultant, writer, environment, development, developing world, people's movements, economy, environment, community development, human rights, pollution issues, education, communications

Chris Brown, General Delivery Moose

Factory ON Canada P0L 1W0 environment, health, human rights

Bob Thomson, Ottawa ON Canada human rights, central america, caribbean, Bridgehead, alternative trading, AlterNet, communications, international development, project evaluations, networking, small hosts, Oxfam, social transformation

Christina Quaglia, 40 St. Clair Avenue East, Suite 201 Toronto ON Canada M4T 1M4 416/921-4152 (Canadian Council of Churches) international development, human rights, economic justice, environment Personal: The Canadian Council of Churches co-ordinates and promulgates

Nick Fillmore, Toronto ON Canada CCPJ (Canadian Committee to Protect Journalists) human rights, media, Latin America, Guatemala

Carlos Moreira, Vancouver BC Canada GHRC (Guatemala Human Rights Commission, Canada) human rights, Guatemala, refugees, war

c/o Jane-Finch Mall, P.O. 21034 3975 Jane Street Downsview ON Canada M3N 3A3 431-3891 (CODIM: "Divino Salvador del Mundo") news central amer, human rights, development christian commitment

Rigzin Dolkar, P.O. Box 62 - 260 Adelaide Street East Toronto ON 416/363-3402 M5A 1N0 Canada CTC (Canada Tibet Committee - Toronto Chapter) fighting human rights abuses in Tibet, restoring the status of Tibet as an independent country, cross-Canada network, non-violence, human dignity

Jon Carrodus, Box 65899, Station F Vancouver BC Canada V5N 5L4 (Christian Task Force on Central America) justice, human rights, Central America, education, action Personal: CTFCA is an ecumenical coalition.

Ballauri Elsa, Human Rights Group, Tirana, Albania, tel/fax: ++370 2 42 90 36

Bing Albert, International Society for Human Rights, Croatia Chapter, Opatica 10, 41000, Zagreb, Croatia, tel: ++385 41 662 869, fax: ++385 41 450 715

Biserko Sonja, Helsinki Committee of Serbia, Obilicev venas 27/I, 11000, Belgrade, Serbia, tel: ++381 11 614 969, fax: ++381 11 180 116

Boader Milena, Center for Human Rights Promotion, Tkalciceva 38/2, 41000, Zagreb, Croatia, tel: ++385 41 422 495, fax: ++385 41 271 143

Cimpeanu Vera, Romanian Helsinki Committee, APADOR-Comitetul Helsinki Calea Victoriei nr. 120 - Sector 1, Bucharest, Romania, tel/fax: ++40 1 312 45 28

Cosic Vuk, RETINA Ciril Metodov trg 1/III, 61000, Ljubljana, Slovenia, tel: ++386 0609 615 681, fax: ++386 61 133 5250

Daniel Vincent, Slovak Helsinki Committee, Zabotova 2, 811 04, Bratislava, Slovakia, tel/fax: ++42 7 491 859

Draganic Gordana, Horizon, Antona Urbansa 8c, 21000, Novi Sad, Serbia, tel: ++381 11 21 391

Dzyuba Boris, Ukrainian Center for Human Rights, 64 Chervonoparmilska str., Kiev, 252005, Ukraine, tel/fax: ++7 044 277 2398

Flaker Gorana, Association for Preventive and Voluntary Work, Ciril Metodov trg 1/III, 61000, Ljubljana, Slovenia, tel: ++386 61 133 5111, fax: ++386 61 133 5250

ХАРЬКОВСКАЯ ПРАВОЗАЩИТНАЯ ГРУППА

Харьковская правозащитная группа (ХПГ) зарегистрирована Харьковским горисполкомом в ноябре 1992 г. ХПГ ставит своей целью добиться соблюдения на Украине прав человека, закрепленных международными пактами, и оказывать помощь гражданам в отстаивании своих прав.

Согласно уставу ХПГ ставит перед собой такие задачи:

- сбор информации о нарушении прав человека, передача этой информации заинтересованным гражданам, организациям, средствам массовой информации;
- проведение общественных расследований фактов нарушений прав человека;
- правовое просветительство, пропаганда правозащитных идей;
- экспертиза действующего законодательства и законопроектов на соответствие общепризнанным международным правовым нормам;
- обращение в законодательные, исполнительные и судебные органы по вопросам, касающимся прав человека;
- быть инициатором и прилагать участие в различных акциях, мероприятиях, конференциях по проблемам прав человека.

С 1988 г. ХПГ была известна как правозащитная группа Харьковского «Мемориала». Часть членов группы участвовала в правозащитном движении 60-80-х годов, некоторые были осуждены за это. В течение 1988-1990 годах группа боролась с нарушением прав граждан харьковскими правоохранительными органами. Во многом благодаря усилиям членов группы были прекращены преследования граждан за использование национальной символики, за распространение демократической прессы, прекращены начатые уголовные дела, 15-суючные административные наказания и т. д. Группа оказывала моральную, юридическую и материальную помощь лицам, осужденным по политическим мотивам.

В 1990 году некоторые члены группы были избраны депутатами Верховного Совета Украины (Генрих Алтунин), областного Совета (Анатолий Кадыров), городского Совета (Евгений Захаров, Григорий Марьяновский).

В 1991-1992 годах группа вела работу по разработке и реализации Закона «О реабилитации жертв политических репрессий на Украине», члены группы стали штатными работниками соответствующей комиссии при городском Совете. Удалось также добиться свобождения из мест лишения свободы нескольких человек, осужденных в результате несправедливых приговоров, снятия психиатрических диагнозов у нескольких здоровых людей, которые были на психиатрическом учете.

Факты о нарушениях прав человека предавались огласке через прессу и телевидение, о нарушениях в области психиатрии по материалам группы был снят и показан по телевидению 40-минутный документальный фильм.

13 января 1991 года группа организовала митинг в связи с литовскими событиями, а дни августа этого года оперативно обеспечивали городские власти и население города достоверной информацией о событиях в стране.

В 1993 году ХПГ начала заниматься право-

вым просветительством: организовала центр по подготовке изданий по правам человека, установила контакты с Институтом по правам человека ООН (Женева, Швейцария). Переведены на украинский язык двадцать выпусков серии FACT SHEETS, и брошюры АВС «Преподавание прав человека», подготовленные этим институтом. Были найдены спонсоры (издательство «Фолио») и организовано издание книги известного правозащитника и публициста Мирослава Марковича «Украина: дорога через пустыню» (тираж 10000 экз.), брошюры АВС (тираж 2000 экз.). В течение 1994 года выйдут в свет все выпуски серии FACT SHEETS. ХПГ принимает участие в подготовке к изданию серии «История инакомыслия в СССР» (вышли в свет три книги: Л. М. Алексеева «История инакомыслия в СССР. Новейший период»; А. Т. Марченко «Моя показания», «От Тарусы до Чуны», «Жизнь как все»; «Избранные материалы из журнала "Референдум"»; готовятся к изданию еще семь книг. Члены группы проводят факультативные занятия по правам человека в школах города, читают также спецкурс для студентов-историков Харьковского института культуры «История правозащитного движения в СССР».

Совместно с Украинско-Американским Бюро защиты прав человека начат выпуск ежемесячного журнала «Права человека на Украине» (вышло девять номеров). Создана Украинская правозащитная информационная сеть.

Члены группы получают много писем с просьбами о помощи, в основном, из мест лишения свободы. По данному поводу ХПГ обращается в Верховный Совет, Верховный Суд, Генеральную Прокуратуру, местные правоохранительные органы, посещает исправительно-трудовые учреждения, привлекает к со трудничеству адвокатов. Предполагается создание при ХПГ бюро по оказанию юридической помощи.

ХПГ координирует свои действия и ведет совместную работу с Украинско-Американским Бюро защиты прав человека, Московской Хельсинской Группой, правозащитным, Московским и Петербургским обществами «Мемориал», Дрогобычским отделением «Международной Амнистии», различными научно-исследовательскими центрами. Контактирует с региональными правозащитными группами Украины. ХПГ оказана финансовая поддержка международным фондом «Відродження», который передал оборудование для организации центра по подготовке изданий по правам человека и информационной правозащитной сети.

В 1991 году правозащитной группой была организована и проведена совместно с Московской Хельсинской Группой международная конференция «Национальные проблемы и права человека», в 1992 году были организованы на республиканская конференция региональных правозащитных групп, в 1993 году — международная конференция «Основные концепции преподавания прав человека для различных социальных и профессиональных групп». В 1994 году — международная конференция «Право на жизнь и смертная казнь».

Был подготовлен и выпущен в свет сборник материалов конференции «Национальные проблемы и права человека», готовится к изданию сборник материалов конференции по преподаванию прав человека.

В настоящее время в состав ХПГ входит более двадцати человек: журналисты, историки, филологи, математики, физики, программисты, учителя, инженеры, студент. Для работы привлекаются ученые-правоведы и адвокаты.

Работой ХПГ руководят три сопредседателя: Баранов В. Я., Захаров Е. Е., Марьяновский Г. А.

Баранов Виктор Яковлевич родился в 1954 году в п.с. Парафиевка Черниговской области. Учился в Киевском театральном институте на режиссерском отделении, на филологическом факультете и факультете журналистики Киевского университета, откуда окончался со своим вкладом, которые не совпадали с официальной точкой зрения. Работал журналистом в нескольких украинских газетах. В 1980 году был арестован и осужден по статье 187 «за создание и распространение материалов, направленных против государственного строя и руководства ЦК КПСС». В 1985 году получил новый срок по сфабрикованному уголовному делу. Пробыл в лагерях восемь лет, вышел на свободу в 1990 году. Полностью реабилитирован. С 1992 года — корреспондент газеты «Экспресс-Хроника».

Захаров Евгений Ефимович родился в 1952 году в с. Харькове. В 1975 году окончил механико-математический факультет харьковского университета, инженер-математик, кандидат технических наук, работает начальником бюро объединения «Харьковский электромеханический завод». Принимал участие в правозащитном движении в 70-80-е годы. С 1988 по 1992 год — корреспондент газеты «Экспресс-Хроника». Печатался в журналах «Гласность», «Референдум» и других независимых изданиях. С 1989 года — член Московской Хельсинской группы. В 1990-1994 годах был депутатом Харьковского городского Совета, заместитель председателя комиссии по восстановлению прав репрессированных. С 1989 по 1992 год — сопредседатель Харьковского «Мемориала». Член Общественного Совета Украинско-Американского Бюро защиты прав человека.

Марьяновский Григорий Абрамович родился в 1940 году в г. Одессе. В 1992 году окончил Харьковский политехнический институт, инженер- теплоэнергетик. Работает начальником бюро на предприятии «Укрэнергочермет». В 1968-1970-х годах служил офицером в армии. Окончил двухгодичные курсы при Харьковском юридическом институте. В 1990-94 годах был депутатом Харьковского городского Совета, заместитель председателя комиссии по охране гражданских прав, законочности и правопорядку. Регулярно встречался с осужденными в местах лишения свободы.

Адрес:
31002, Харків-2, а/с 10430,
Тел: (0572)97-89-60, 68-90-39.
E-mail: root@khggr.kharkov.ua

Харьков

УКРАИНСКИЙ ЦЕНТР ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

3 ноября 1993 года Украинским правовым фондом был создан Украинский центр прав человека. Целью и основными задачами Центра являются:

— утверждение принципов приоритета прав человека на территории Украины в соответствии с международными правовыми стандартами;

— способствование основанию на Украине национальной гражданской правозащитной организации;

— предупреждение, изучение и обобщение ситуаций относительно прав человека на Украине;

— экспертиза действующего законодательства Украины и внесение предложений в государственные органы для приведения норм действующего законодательства в соответствие с международными стандартами прав человека;

— основание просветительских и учебных программ, проведение конференций, семинаров, симпозиумов по вопросам прав человека;

— способствование проведению научно-исследовательской работы по проблемам прав человека;

— налаживание контактов с правозащитными группами и активистами правозащитного движения на Украине и координация их деятельности;

— создание базовой справочной библиотеки и формирование информационных материалов для постоянного использования;

— формирование базы данных о действующих на Украине и за ее пределами правозащитных групп.

Начальная деятельность Центра:

1. Центр был одним из инициаторов празднования впервые на Украине 10 декабря 1993 года Международного Дня прав человека. Состоились публичные чтения, в которых приняли участие защитники прав человека с Украины, из Болгарии, Вели-

коритании, Израиля, Казахстана, Канады, России, США и Венгрии.

2. Центр выступил соорганизатором встречи представителей правозащитных групп Украины с целью основания единого информационного пространства.

3. В декабре 1993 года Центр совместно с Всеукраинским комитетом защиты прав детей организовал круглый стол «Проблемы вынужденного сиротства».

4. Центр сотрудничает с Канадским Фондом Прав Человека и с Хельсинкским Фондом Прав Человека в Варшаве. Летом и осенью 1994 года Центр направил к ним своих стажеров.

Программа деятельности Центра:
Центр выпускает ежегодник «Права человека на Украине».

В Вестнике (бюллетене) Центра регулярно публикуются сообщения о правозащитной деятельности Центра на Украине. Целью выпуска Вестника является установление контактов и усиление связей между правозащитными группами, кружками, а также обмен информацией о состоянии и развитии ситуации с правами человека на Украине.

Центр планирует также издавать аналитико-просветительский журнал «Права человека». Это издание рассчитано на широкую публику, включая правозащитные группы, активистов-правозащитников, научных работников, юридические учебные заведения, правительственные учреждения, такие как Министерство юстиции, прокуратура, милиция и следственные подразделения.

Центр издает в переводах на украинский язык на кеты международных правовых документов и материалов по правам человека.

Центр планирует организовать цикл рабочих семинаров, круглых столов, конференций в разных регионах Украины по проблемам прав человека для активистов

правозащитного движения и других заинтересованных лиц.

Центр готовит для преподавания в украинских средних школах программу курса «Права человека». Эта работа включает также подготовку материалов для студентов высших и средних учебных заведений и преподавателей.

Центр накапливает информационно-исследовательские материалы для создания базовой библиотеки по проблемам прав человека, которая будет широко использоваться активистами правозащитного движения и гражданами Украины.

Центр планирует осуществить два следующих проекта. Первый — «Законы лечения и права психически больных пациентов и других лиц, имеющих проблемы с психическим здоровьем на Украине», организованный американским университетом (Вашингтон). Второй — «Исследование причин уникальной ситуации «этнического мира» на Украине» — организованный вместе с институтом «Open Society» (Будapest) и Институтом американского плюрализма американско-еврейского комитета (Чикаго).

Центр будет участвовать как неправительственная организация в подготовке очередного доклада Украинского правительства относительно состояния прав человека на Украине для представления в ООН в 1994 году.

Центр создает базу данных о всех существующих на Украине правозащитных группах, объединениях, которые действуют в области защиты прав человека.

Адрес:

252005, м. Киев, вул.

Червоноармійська, 64.

Украинский Центр прав человека.

Директор Владимир БУТКЕВИЧ,

заместитель директора

Валерий ШЕЛУДЬКО.

Киев

«ГРАЖДАНСКАЯ СВЯЗЬ — ЦЕНТР ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

«Гражданская связь — Центр прав человека» в Любляне (Словения) является независимой организацией, основанной в 1994 году. Она объединяет неправительственные организации (NGO) по всей Европе, которые отслеживают положение дел с правами человека и добиваются уважения к этим правам посредством разнообразной образовательной, культурной и художественной деятельности.

Образованная в сотрудничестве с Международной Хельсинкской Федерацией по правам человека в Вене, «Гражданская связь» является одним из четырех Европейских центров, связанных через Фонд по правам человека в Осло.

В качестве центра по обеспечению сетевой связи и обмена информацией «Гражданская связь» помогает продвигать исследования по проблемам прав человека в странах, в

которых происходит перестройка в направлении демократии.

Центр информации, существующий в рамках данной организации, содержит все необходимые материалы и решения соответствующих комитетов ООН, СБСЕ, Совета Европы и, особенно, Европейского Суда по правам человека, для использования юристами, активистами правозащитного движения, исследователями, журналистами и другими заинтересованными лицами.

Помимо этого, «Гражданская связь» организует конференции, исследовательские семинары по вопросам развития демократии и защиты прав человека.

«Гражданская связь» намерена публиковать наиболее важные международные документы по правам человека и проблемам юрисдикции, сопровождаемые критиче-

ским анализом и комментариями экспертов по вопросам применения этих документов, как на национальном, так и на международном уровнях.

«Гражданская связь» поддерживается Фондом прав человека в Осло, программой PHARE Совета Европы, грантами Хельсинкской Федерации Прав Человека.

«Гражданская связь» призывает к сотрудничеству неправительственные организации и заинтересованных лиц из Восточной Европы.

Адрес:

CIVIC LINK – HUMAN RIGHTS CENTRE

Civil Meidov trg 1 SLO 61000 Ljubljana

Tel/fax: (386 61) 133 4191

E-mail: civic-link@zamir-lj.ztn.zer.de

Любляна

Двадцать лет назад в Советском Союзе впервые отмечался День политзаключенного

Заявление Инициативной группы защиты прав человека в СССР

Стало известно, что узники нескольких лагерей Мордовии и Пермской области объявили сегодняшний день — 30 октября — «Днем политзаключенных в СССР».

Мы просим журналистов и независимые информационные агентства широко сообщить об этом и вновь напомнить своим читателям о страданиях наших друзей в тюрьмах, психиатрических больницах, лагерях и об их трудной борьбе за свое человеческое достоинство.

Мы просим также передать эти сведения международным организациям, провозгласившим своей целью заботу о правах личности на основе Всеобщей декларации.

Мы надеемся, что многие люди в разных странах не останутся безучастными к этим страданиям и этой борьбе и поддержат политзаключенных Советского Союза.

Понятие «политический заключенный» официально не употребляется у нас в стране; напротив, власти утверждают, что политических заключенных в Советском Союзе нет. Те, кого повсеместно называют политическими заключенными, осуждены по Уголовному кодексу как «особо опасные государственные преступники» или «преступники против порядка управления». Вероятно, одна из главных причин этого — лицемерно организуемые властями требования освободить политических заключенных в других странах, у нас же — некого освобождать.

Между тем, в судах звучат политические обвинения в распространении клеветнических измышлений, порочащих строй с целью подрыва или ослабления власти. Эти обвинения касаются значительной и все увеличивающейся части политзаключенных, так или иначе связанных с неподцензурной литературой — самиздатом, прямо не запрещенным законом. Неизвестно один случай, когда в суде было бы доказано или хотя бы подробно исследовано обвинение в клевете. Этот цинизм наших следственных органов и судов стал уже общезвестным и привел к тому, что в нашей стране уголовно наказуемы такие прозлывши творческой активности, как информационный обмен, стремление составить собственное мнение по сколько-нибудь острым социальным вопросам. Создалось наряду с якобы положение — суды приписывают человеку политические цели, но, осудив его за них, обзывают уголовным преступником.

Таким образом, эта группа политзаключенных — лица, репрессированные не за какие-либо политические акции, или, тем более, преступления, но в угоду политическим целям самих властей, не гнушающихся противоправными действиями, чтобы подавить независимую мысль.

Другая многочисленная категория пол-

итических заключенных, также репрессированных по политическим мотивам властей, — люди, осужденные всвязи с религиозными убеждениями, свободу которых официально провозглашена. Они осуждены за проведение богослужений в незарегистрированных религиозных общинах, изготовление и распространение религиозной литературы, подготовку детей к причастию и т. д. — то есть чаще всего за действия, прямо предписываемые религией или непосредственно вытекающие из ее догмиров.

Очень многие сидят за то, что добивались для себя и других разрешения покинуть СССР, или за попытку бежать из страны.

Наконец, в лагерях очень многочисленны представители национальных движений, преследующих весьма различные цели, например, возвращение на родину после принудительной депортации (крымские татары) или предоставление большей культурной независимости (украинская культурная оппозиция).

Наряду с представителями таких движений в лагерях находятся люди, совершившие прямые политические акции. Например, выступавшие с требованием выделения своей республики (Украина, Прибалтийские республики) из состава Союза на основе права на самоопределение — права, декларированного в Советском Союзе, но не обеспеченнего законной процедурой реализации.

Общее число политических заключенных в Советском Союзе, в условиях строгой секретности официальных сведений, точно определить нельзя. Только в трех лагерях Мордовии и двух пермских лагерях содержится около тысячи человек.

Нет определенных сведений о других лагерях Советского Союза, где тоже, несомненно, содержатся и политические заключенные. Нельзя учесть количество политзаключенных, содержащихся в так называемых лагерях «общего типа», — осужденных за «преступления против порядка управления», многих верующих, осужденных, например, за отказ от службы в армии или (на малые сроки) в связи с другими религиозными проявлениями. Кроме того, известны случаи фальсифицированных обвинений неугодных властям лиц по чисто уголовным или бытовым статьям УК (наиболее известный, но далеко не единственный пример — осуждение А. Фельдмана за хулиганство).

Учитывая все это, можно думать, что действительное число политзаключенных во много раз превышает приведенную здесь цифру.

Мы не будем говорить о режиме содержания заключенных. Подробные сведения

о нем содержатся в заявлении самих заключенных и других лагерных материалах, которые мы сочли своим долгом опубликовать. Такие сведения приведены также в недавно выпущенном А. Н. Твердохлебовым сборнике «О содержании заключенных».

Укажем только, что вопреки лицемерному утверждению ИТК РСФСР о том, что лишение свободы не имеет целью причинение физических или правственных мучений, тот же самый кодекс и другие регламентирующие режим в местах заключения инструкции и приказы предусматривают наказание голодом. В карцерах, при так полутолдом существовании, заключенные получают горячую пищу через день, а через день — только хлеб и воду. По тому же кодексу заключенных в карцере не получают постельного белья, значит, и одеяла на ночь. Но они в каком кодексе не сказано, что многие карцеры не отапливаются.

Лучшее доказательство бесчеловечности режима заключения предоставлено самими властями — сообщение любых сведений о внутреннем распорядке, условиях труда и жизни в лагерях категорически запрещено.

Сегодня наши друзья в нескольких мордовских и пермских лагерях объявили однодневные и двухдневные голодовки.

Известны некоторые требования голодающих. Среди этих требований: признать статус политзаключенного; отдельить от политзаключенных военных преступников и уголовников; отменить ограничения в переписке, в том числе с за границей; отменить принудительный труд и обязательное выполнение нормы; отменить ограничение в посылках и передачах; обеспечить полноценное медицинское обслуживание с участием специалистов, в том числе иностранных; выделить медицинскую службу из подчинения МВД; обеспечить возможность творческой работы литераторам, ученым, художникам; увеличить число свиданий с родственниками; разрешить свидания с друзьями; разрешить регистрацию браков; разрешить говорить на родном языке в лагере и на свиданиях.

Передавая журналистам сведения о лагерях, и, главное, документы, с немалым трудом и огромным риском переправленные заключенными на свободу, мы просим помнить о том, что их авторам угрожает месть карательных органов. Наши друзья сознательно идут на этот риск. Публикация заявлений и писем — их воля, попытка отградить их от жестокой кары — долг тех, кто на свободе — наша и ваша обязанность.

Инициативная группа защиты прав человека в СССР.

**Татьяна Велканова,
Сергей Ковалев,
Григорий Подьяпольский,
Татьяна Ходорович.**

Ольга ЕЛАНЦЕВА

БАМ — Байкало-Амурская магистраль. Начатое в 1933 году строительство железной дороги, которая должна была соединить Тайшет на транссибирской магистрали с Комсомольском-на-Амуре через район к северу от Байкала.

В 1934 году туда завезли заключенных, построивших Беломорканал.

В конце 19В4 года, полстолетия спустя, советская пропаганда громогласно объявила о досрочном окончании строительства БАМа.

БАМЛАГ — исправительно-трудовые лагеря по строительству Байкало-Амурской магистрали НКВД СССР. Вместе с реорганизацией ГУЛАГА, был в 1953 году «реорганизован» и БАМЛАГ.

В конце 50-х годов в БАМЛАГе было около 350-400 тысяч заключенных.

*Jacques Rossi
“THE GULAG HANDBOOK”*

Весной 1932 года Совет Народных Комиссаров СССР принял решение о строительстве Байкало-Амурской железной дороги. На Дальнем Востоке (1), огромном по своей площади и ресурсам, но малонаселенном, через мари и болота, вечную мерзлоту, многочисленные водные преграды и горные хребты предстояло проложить 1650-2000 км рельсовых путей. Связующими пунктами магистрали назывались: село Пермское-на-Амуре (будущий г. Комсомольск) на востоке, зимовье Тында на севере и станция Уруша на Забайкальской железной дороге.

Приблизительно, ориентируясь на данные по постройке Амурской железной дороги, назывались объемы предстоящих работ по возведению Байкало-Амурской магистрали. Первый начальник строительства БАМа Сергей Витальевич Мрачковский (2) приводил такие цифры: земляные работы — 70 млн. куб.м., в том числе скальных и мерзлых грунтах 49 млн. куб.м.; общее протяжение тоннелей — 9 тыс. м.пог.; деревянных мостов — 15 тыс. м.пог.; 1575 тыс. куб.м. кладки при строительстве мостов и регуляционных сооружений при них; возведение

жилых домов, казарм и служебных зданий — 1030 млн. кв.м.; красных уголков, яслей, больниц и т.п. — 175 тыс. кв.м. Но прежде всего предстояло «сверхударными» и «сверхскоростными» методами осуществить изыскания трассы БАМа и составить проект строительства новой дороги. (3)

Наркомат путей сообщения, которому поручалось сооружение транспортной артиллерии, должен был выполнить все задание в кратчайшие сроки — за 3,5-4 года. Однако отсутствие сводной технической документации, перебои в финансировании и снабжении новостроек, огромнейший дефицит материально-технических, людских и иных ресурсов показали нереальность поставленной задачи и невозможность ее осуществления силами НКПС. В октябре 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось с предложением Совета труда и обороны передать строительство в ведение ОГПУ. (4) Таким образом, был совершен один из первых шагов в деле распределения объемов железнодорожного строительства между наркоматом путей сообщения и ОГПУ-НКВД. Капитальные вложения в эту сферу во второй пяти-

летке по линии НКПС должны были составить 4,2 млрд. руб., по планам ОГПУ-НКВД — 1,5 млрд. руб. (5) Последний показатель превысил затраты на новое железнодорожное строительство в годы первой пятилетки. (6)

На основании приказа ОГПУ от 10 ноября 1932 года и приказа НКПС от 15 ноября 1932 года управление строительства БАМ НКПС расформировалось и создавалось управление строительства БАМ ОГПУ и Байкало-Амурский ИТЛ ОГПУ. (7) В адрес нового лагеря потянулись самарские, минские, вишерские, московские, карагандинские, ленинградские, свердловские, киевские, иркутские, западно-сибирские и другие этапы. Они мало отличались друг от друга. В качестве примера приведем вятский этап, находившийся на пути с 18 января по 24 февраля 1934 года. Прибыло 707 человек: 670 мужчин и 37 женщин. По социальному происхождению: 430 — крестьяне, 254 — рабочие, 23 — служащие. Среди нового пополнения БАМ-лага 50% раздетых и без головных уборов, 25% — в лаптях, 30% обуви требовало ремонта. 20 этапников — с признаками резкого истощения, еще 45 человек — вообще «малокровные и истощенные».

Прибыл сборный сибирский этап — 1053 человека, в том числе 984 мужчины и 69 женщин. Состав партии по возрасту: до 20 лет — 81 чел., от 20 до 30 лет — 641 чел., от 30 до 40 лет — 210 чел., от 40 до 50 лет — 95, свыше 50 лет — 26. По социальному составу: крестьян-кулаков — 31, крестьян-середняков — 132, крестьян-бедняков — 297, колхозников — 37, рабочих — 426, служащих — 80, прочих — 50. Ведомости приемо-сдачи этапа свидетельствуют: на 60% заключенных «отсутствовала обувь», 30% — в одном белье. Физическое состояние этапа плохое, есть заболевшие цингой, малярией, расстройством желудочно-кишечного тракта. (8)

Среди этапников — люди самых разных специальностей: плотники, кузнецы, чернорабочие, кочегары, сапожники, счетоводы, электрики, пекари, котельщики, возчики, пильщики, продавцы, каменщики, прачки, огородницы, санитарки, портные...

Байкало-Амурский ИТЛ стремительно набирал силу. Если в декабре 1932 года общее количество рабочей силы на строительстве Байкало-Амурской магистрали составляло 9608 человек, из них 3652 заключенных, то на 1 февраля 1933 года показатели уже такие: всего рабочих 11330 человек, заключенных — 7009, а на 1 мая, соответственно: 32411 и 31415 человек. (9) Итак, за несколько месяцев число вольнонаемных рабочих на БАМе сократилось в шесть раз, в то же время количество заключенных увеличилось почти в десять раз. Еще через два года Байкало-Амурский ИТЛ представлял огромнейшее образование, втянувшее в свою орбиту свыше 160 тыс. заключенных, более 2 тыс. вольнонаемных и 6,5 тыс. вахтовцев. (10)

Большим динамизмом характеризовалась структура лагеря. В конце 1932 года для выполнения строительных работ непосредственно на линии трассы БАМа, взамен существующих районных участков, решили организовать четыре отделения БАМлага ОГПУ с центрами в населенных пунктах: Тах-

тамыгда, Зея, Стойба и Пермское. Иными словами, основные структурные единицы Байкало-Амурского ИТЛ намечали распределить вдоль предполагаемой линии новой железной дороги. Однако отсутствие комплексных результатов изысканий и, следовательно, технического проекта строительства рельсового пути привело к кардинальному пересмотру производственных задач БАМлага. Если в ноябре 1932 года на лагерь возлагалась задача сооружения Байкало-Амурской магистрали, то, следуя директивным распоряжениям весны 1933 года (11), лагерь должен был осуществлять не только и не столько строительство БАМа, сколько сооружение вторых путей транзитной сибирской железной дороги.

Расширение производственной деятельности лагеря привело к его структурным преобразованиям. На 1 января 1933 года в состав БАМлага входило управление и штабной лагпункт в г. Свободном и 1-е Тахтамыгинское отделение. Прочая периферия состояла из небольших точек в Норске и Зее. В феврале 1933 года появляется 6-е Нюккинское отделение со штабом в Тынде, а в конце марта — 7-е отделение с центром на ст. Ксеньевская; в июне создается 8-е Якутское отделение (приск Незаметный), предоставлявшее рабочую силу для предприятий «Алданзолота». Очень скоро строительство вторых путей потребовало разукрупнения только что созданных подразделений: 7-е отделение разделили на 3-е и 4-е; создали 5-е в Тахтамыгде; Свободненский отдельный лагпункт преобразовали в 7-е отделение. В целом, в конце 1933 года на сооружении вторых путей Транссиба были задействованы Шилкинское, Ксеньевское, Ерофеевское, Тахтамыгинское отделения. Часть работ по вторым путям выполняло Свободненское отделение.

Строительство Байкало-Амурской магистрали осуществляли два отделения: 1-е Муртыгидское и 6-е Нюккинское. Располагались они на линии головного участка БАМ: Тахтамыгда — Тында. В 1935 году БАМлаг имел 12 отделений, 11 отдельных лагпунктов, свыше 500 лагерных точек.

Также активно менялась, приспосабливаясь к выполнению производственных заданий, структура отделений Байкало-Амурского ИТЛ, в том числе 1-го отделения, созданного раньше всех остальных. Его штаб первоначально находился в Тахтамыгде, а с ноября 1933 года — в Муртыгиде, расположеннем на 51-м километре головного участка БАМа. Позднее его перевели на север линии, в Красную Зарю. Это в 620 км от управления БАМлага в г. Свободном.

Итак, в 1933 году в 1-м отделении БАМлага было 17 лагерных пунктов, командировок, разъездов и прочих структурных единиц. За два последующих года произошли изменения: появился кирпичный завод, центральный лаз-

рет «Орлы», лазарет «М.Нюкжа», комендровка выздоравливающих «Дита», три изолятора, из них два — венерологических («Сох» и «Пурикан»), куда поступали больные со всех концов Байкало-Амурского ИТЛ, и штрафной изолятор «Силинга». Если в июле 1933 года данное отделение имело 11343 заключенных, то в 1935 году несколько меньше — 10817 человек. Зато же время в два раза уменьшилось количество вольнонаемных работников: со 126 чел. до 56 чел. Отряд военизированной охраны сократился с 417 чел. до 350 чел. Байкало-Амурский ИТЛ функционировал пять с половиной лет, до июня 1938 года. (12)

1937-1938 годы стали временем принятия серии партийно-государственных документов относительно строительства БАМа. В соответствии с ними Байкало-Амурская железная дорога трактуется, как рельсовый путь от Тайшета до Советской Гавани протяженностью — 5000 км. Срок окончания постройки — 1945 год. (13)

Огромнейший объем работ в области развития рельсовых путей привел к образованию специального железнодорожного строительного управления ГУЛАГа НКВД на Дальнем Востоке, подчинившего себе Западный, Южный, Амурский, Буреинский, Восточный, Юго-Восточный лагеря. Через некоторое время к этому списку добавились Нижне-Амурский и Приморский ИТЛ. Мощность лагерей была разной. Амурский, как самый внушительный, состоял из 15 от-

делений и имел 317 колонн. А Западный располагал лишь одним отделением и 40 колоннами. Всего в 1938 году на шесть лагерей Управления железнодорожного строительства (УЖДС) ГУЛАГ НКВД на Дальнем Востоке приходилось 32 отделения и 766 колонн. Кроме того почти 80 производственных единиц находились на самостоятельном балансе. Общая численность заключенных в лагерях УЖДС составляла: в январе 1938 года — 200907 чел., в мае того же года — 255294 чел.; в январе 1939 года — 263276 чел., в мае 1939 года — 291384 чел.

Объекты железнодорожного строительства распределили таким образом. Юго-Восточному лагерю, штаб которого находился в Волочаевке, поручили строительство дороги от Волочаевки до Комсомольска-на-Амуре. Буреинский лагерь (штаб на ст. Известковая) занимался сооружением линии Известковая — Усть-Ниман (Ургал). Восточный лагерь (штаб в г. Комсомольске) прокладывал трассу от Комсомольска на запад, к Усть-Ниману. Западный лагерь, дислоцировавшийся в Тайшете, вел работы на линии Тайшет — Падун. Южный ИТЛ осуществлял строительство номерной линии, а на рубеже 1940-1941 годах переключился на участок Тайшет — Братья, Амурский лагерь, с центром в г. Свободном, выполнял работы по окончанию вторых путей на участке Карымская — Ворошилов (ныне г. Уссурийск) и достраивал головную линию БАМа от Трассиба до Тынды, а также участок Тында — Зея.

Но данная структура просуществовала недолго. В начале 1940 года произошли изменения в системе лагерей и строительства. На базе Юго-Восточного, Восточного и Нижне-Амурского лагерей создали один лагерь — Нижне-Амурский. Фактическое объединение произошло в конце января 1940 года. Центры четырех из шести его отделений располагались на трассе восточного участка

БАМа — в Соягане, Хунгари, Пивани, Комсомольске и т.д. К концу года лагерь имел 12 отделений по железнодорожному строительству и отпуску рабочей силы для выполнения заданий по титулам других наркоматов. В этом же году Нижне-Амурский лагерь осуществлял строительство тоннеля около г. Комсомольска, строил переходы через реки Амур и Тунгуска, сооружал линии Комсомольск — Сояган и Волочаевка — Комсомольск.

Главным преемником УЖДС НКВД на Дальнем Востоке стал Амурский лагерь. В его составе числились линии Бам — Тында, Тында — Зея, вторые пути Транссиба и несколько железнодорожных линий относительно небольшой протяженности, но большого стратегического значения. ИТЛ был огромен. Его отделения находились в Тынде, Завитой, Урульге, Ерофееве Павловиче, Свободном,

Прачечная в землянке лагпункта Свободный.
АРХИВНОЕ ФОТО

Командировка Сох. Обед.
АРХИВНОЕ ФОТО

Биробиджане, Хабаровске, Бикине, Воршилове и т.д. В границах Амурлага функционировали: Биробиджанский, Известковый, Бушуйский отдельные лагпункты; Карадубинский, Эльдугинский лесозаготовительные ОЛП; Аргинский сельскохозяйственный ОЛП... Управлению Амурлага подчинились такие предприятия, как центральные ремонтные мастерские в Тахтамыгде, центральные авторемонтные и механические мастерские в г. Свободном, кирпичный завод на ст. Бам, лесокомбинат в г. Свободном, две монтажно-мостовые конторы (ст. Эльдуга и п. Тында), кессонно-мостовая контора и т.д.

В рамках довоенного десятилетия строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали занимался БАМлаг, а после его ликвидации ряд других лагерей. Сделано было немало. Но вместе с тем сооружение новой дороги, ее соединительных веток с Транссибом характеризовалось определенной фрагментарностью и незавершенностью. Вот как сложилась ситуация на участке от Тахтамыгды (позже от ст. Бам) до Тынды. Постановление СНК СССР (1933 год), а затем и решение бюро Далькрайкома ВКП(б) потребовали уложить рельсовые пути до 1 января 1934 года. (14) Из-за недостатка материалов укладку пути длиной 64 км произвели старогодними рельсами, подлежащими замене. То же самое относится и к десяткам тысяч штук шпал. Из 148 искусственных сооружений лишь 45 являлись постоянными, остальные, выполненные из дерева, требовали ремонта и замены. Только в конце 1937 года на головном участке БАМа завершили укладку пути, а 1941 году сдали линию в эксплуатацию, но спустя некоторое время — демонтировали.

В 1937 году началось возведение железной дороги от Известковой до Ургала со станциями Кульдур, Яурин, Таланжа, Хилкан, Тырма, Мошка, Ягдинья, Чекунда. В 1942 году линия с большими недоделками вступила в эксплуатацию. Здесь нужно было осуществлять досыпку насыпей, подводку русел рек, искусственных сооружений. Своего часа ждали работы по гражданским объектам и путевым зданиям. Все это возлагалось на Нижне-Амурский лагерь, а Дальневосточную железную дорогу обязывали отремонтировать и восстановить жилье дома, завершить балластировку главных и станционных путей, произвести замену не-

годных шпал. (15) Устранение этих недоделок позволяло довести пропускную способность по всем сооружениям до 8 пар поездов в сутки. Великая Отечественная война внесла коррективы: линию демонтировали. В частности, 200 км рельсов, оборудование средств связи, система водоснабжения, металлические фермы мостов подлежали переброске на сооружение «пятисотки» — линии Комсомольск — Советская Гавань. Уже к 1 декабря 1943 года было разобрано 186 км главных путей, 42 км станционных и карьерных путей. (16)

В конце 30-х годов развернули, а в начале войны законсервировали строительство БАМа от Ургала до Комсомольска. К этому моменту на путях выполнили свыше 4 млн. 430 тыс. куб.м. земляных работ, уложили 123 км рельсовых путей. (17)

В мае 1939 года специально созданное 1-е отделение Нижне-Амурского лагеря приступило к выполнению строительных мероприятий от Созгалана в сторону Комсомольска. Другое отделение шло от Комсомольска навстречу. Через полтора года, когда уже шло обустройство тоннелей, возводились гражданские здания на ст. Пивань, Хунгари и др., когда уже было проложено 150 км автогужевой и первые километры рельсовой дороги, — последовало указание о свертывании работ с тем, чтобы к июлю 1941 года весь строительный процесс прекратить, лагерь ликвидировать, оставив лишь охрану объектов консервации.

1938-1941 годы отводились для сооружения БАМа от Тайшета до Братска. Вместо намеченных 350 км проложили менее 70 км. Помешала приостановка строительства в 1939-1940 годах и тот ущерб, который она нанесла. Так, за время консервации лежневая дорога, предназначавшаяся для завоза грузов строителям, не только не поддерживалась в нужном состоянии, а даже наоборот, была приведена в непригодное состояние. Южный ИТЛ, переброшенный на линию Тайшет — Братск, смог выполнить задание 1-го полугодия 1941 года лишь частично: 75,5% земляных работ и 70% по кладке искусственных сооружений. Начальник Южлага объяснял неудовлетворительные результаты обстоятельствами, которые могли привести и руководители других лагерей железнодорожного строительства. В первую очередь тем, что лучшую рабочую силу

изъяли из этого ИТЛ на более ответственные стройки. Контингент, поступивший на строительство Тайшет — Братск, в своей значительной части «являлся неподгощенным, непригодным к тяжелому физическому труду и ухудшал и без того плохое состояние трудового фонда лагеря...» Работники Южлага, с которых больше всего спрашивали за плановые показатели, занимались «только производством, совершенно не интересуясь бытом заключенных». (18) Даже в стахановских бригадах, где жили «лучшие люди стройки», отмечались грязь и запущенность, неопрятное состояние кухонь, недоброкачественная пища. О многом говорят приказы по Южному ИТЛ, изданные в 1941 году: «О проведении двухнедельника по ликвидации вшивости среди лагерников», «Об организации команд слабосильных», «О форсировании строительства недостающих и недооборудованных жилых, санитарно-бытовых, хозяйственных и лечебных учреждений», «О быте колонн, очистке территорий, помещений, уборных, обеспечении лагерников кипяченой водой и ликвидации вшивости», «О проведении санитарно-противоэпидемических и лечебно-профилактических мероприятий по борьбе с острыми желудочно-кишечными заболеваниями» и т.д. Так же как и на других участках Байкало-Амурской магистрали, здесь ощущались перебои в доставке продовольствия, наблюдался остройший дефицит лопат, топоров, пил, гвоздей, арматуры, железа, тракторов, экскаваторов, машин.

Успех или неудача возведения транспортных объектов далеко не всегда зависели от лагерей. Многие определяли директивные документы СНК СССР, ЦК ВКП(б), СТО. Они санкционировали начало строительно-технического цикла на БАМе без сводной технической документации, без соответствующей материально-производственной базы. Они устанавливали жесткие, подчас совершенно нереальные сроки сооружения объектов, не считаясь с возможностями ведомства, которому давалось поручение, и уж тем более не думая о жизнях заключенных. Они вносили существенные изменения в ранее принятые решения. Возьмем постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О железнодорожном строительстве Наркомвнудела на Дальнем Востоке» (1939 год). Оно направило основные капиталовложения по БАМу не на

западный участок, как предполагалось решениями этих же органов двумя годами раньше, а на восточный.

Перед наркоматом внутренних дел, перед ГУЛАГом стояла задача не просто создать тот или иной ИТЛ, а организовать дело так, чтобы лагерь выполнял конкретные производственные поручения, т.е. чтобы «государственно-необходимый труд» заключенных был результативным. Для этого стремились к строительству и лагерь обеспечить «специалистами» и «организаторами». В ОГПУ-НКВД действовала практика, установленная еще Феликсом Дзержинским. Байкало-Амурский ИТЛ, как отмечено выше, имел в 1935 году свыше 160 тыс. заключенных, а вольнонаемных почти в 70 раз меньше — всего 2,4 тыс. человек. Понятно, что в управляемые структуры и на периферии и в центре привлекались осужденные. В конце 1933 года, то есть через год после своего создания, управляемый аппарат строительства БАМа и БАМлага насчитывал 500 чел., в том числе вольнонаемных 146 чел., заключенных — 354 чел. На следующий год штат увеличился до 585 чел. Специалисты-заключенные составили в нем более двух третей сотрудников. (19)

На строительство Байкало-Амурской магистрали и вторых путей Транссиба приехали бывшие заключенные Белбалтлага, получившие досрочное освобождение. Назовем некоторых: А.К. Рождественский, профессор, известный специалист по мостам и гидротехническим сооружениям, входивший в свое время в состав техсоветов Волховстроя, Свирьстроя, Беломорстроя и руководивший проектированием затворов станции Свирь-2; инженеры П.Н. Верховский и А.В. Дели, награжденные орденами «Трудового Красного Знамени» за участие в строительстве Беломорканала. (20)

28 января 1933 года в г. Свободный были доставлены заключенные инженеры-железнодорожники Павел Иванович Шилов, Сергей Сергеевич Гросман, Александр Николаевич Протасьев, Василий Васильевич Каллинг, Валентин Иванович Левановский. Среди прибывших был и Евгений Давыдович Герценштейн, инженер-путеец, профессор БТУ. В этой группе выделялся Константин Станиславович Лесневский, осужденный к 10 годам ИТЛ. Он окончил институт инженеров путей сообщения в Санкт-Петербурге

по специальности «изыскания и постройка железных дорог». Владел английским, немецким, французским, польским, итальянским языками. Попал в БАМлаг, имея за плечами свыше 30 лет производственного стажа. Начинал службу помощником начальника пути Сибирской железной дороги на ст. Богослов; участвовал в изысканиях железных дорог Нижний Новгород — Котельнич; Черноморской, Перевальской через Кавказский хребет, Амурской и др. Так что в Дальнем Востоке знал не понаслышке, но, видимо, никогда не думал, что в таком качестве придется вновь сюда приехать.

Чрезвычайно ценным для строительства работником стал заключенный Константин Николаевич Кашкин. Было ему 67 лет. За плечами — два высших образования: в 1888 году окончил Московский университет, получив звание кандидата математических наук, а затем учился в Санкт-Петербургском институте инженеров путей сообщения, который окончил в 1891 году. С того времени К.Н. Кашкин служил на постройке ряда железных дорог, в том числе Сибирской и Ташкентской, а также на изысканиях разных линий. В 1911-1912 годах был начальником окончательных изысканий линии Новосибирск — Семипалатинск, в течение следующих пяти лет — главным инженером общества железнодорожных ветвей и т.д. В 20-е годы совмещал преподавательскую работу с деятельностью в НКПС, в частности, в 1924 году получил кафедру изысканий железных дорог в ЛИИЖТе и занимал ее до дня своего ареста — 21 ноября 1930 года. Вместе с К.С. Лесневским и др. после ареста работал в техническом бюро ОГПУ (Москва-Одинцово).

Все названные выше инженеры и десятки и сотни других специалистов — невольников ГУЛАГа — не названные на этих страницах обладали большим интеллектуальным потенциалом, знаниями и практическим опытом осуществления производственно-хозяйственных задач в сфере железнодорожного строительства, навыками работы с людьми. Они вошли в «мозговой центр» строительства и решали сложнейшие инженерно-технические задачи. Так в 20-30-е годы на станциях Забайкальской и Уссурийской железных дорог можно было видеть длинные составы с цистернами. Поездам-водовозам за сотни километров доставляли во-

ду для паровозов. В дореволюционной России при сооружении Транссиба проблему водоснабжения ряда станций Дальнего Востока посчитали неразрешимой, или, во всяком случае, связанный с огромными трудностями. Источниками водоснабжения обычно являются реки. На Дальнем Востоке реки, за исключением Амура, Шилки и им подобных, зимой промерзают до дна. Замерзают и грунтовые воды. ИТРовцы БАМлага отыскали вблизи станций выходы глубинных вод, поднимающихся на поверхность из-под слоя вечной мерзлоты. Эти источники оказались очень надежными и постоянными по количеству и качеству воды.

Заключенные-специалисты постоянно чувствовали «приводные ремни» ОГПУ-НКВД. Чего стоили один лишь циркуляр «Объявление порядка выдачи паспортов семьям заключенных-специалистов, содержащихся в лагерях»! В соответствии с ним паспорта следовало выдавать «в виде особого поощрения семьям только тех заключенных-специалистов, которые за время пребывания в лагерях ... ударным трудом на деле доказали свою готовность честно работать». (21)

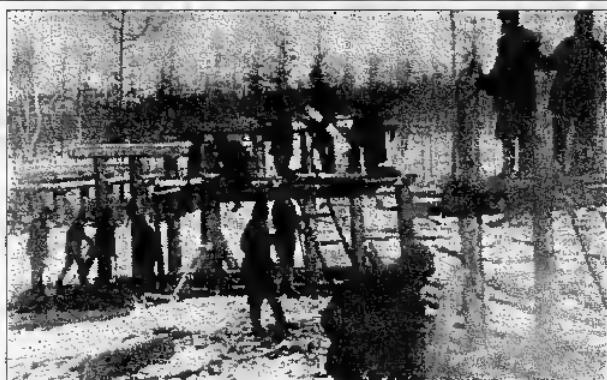
А чего стоили постоянные призыва к бдительности, к выявлению и уничтожению классовых врагов, направленные прежде всего против интеллигенции, против специалистов. И это были не только призыва. Как и по всей стране, террор в БАМлаге и других лагерях железнодорожного строительства то набирал силу, то несколько стихал, но постоянно присутствовал. Среди многих громких «дел», которые расследовали чекисты БАМлага, выделяется так называемое «Большое дело БАМа», начатое в 1937 году. Фабула его такова: на строительстве железной дороги действовала право-троцкистская, диверсионно-шпионская, вредительская и террористическая организация, являющаяся ветвью право-троцкистского центра в Дальневосточном крае и ветвью агентуры японской разведки на востоке СССР. Свою лепту в создание данной организации «внес» троцкист С.В. Мрачковский (22), настаивавший на ведении дел на строительстве таким образом, «чтобы общий ход работ замедлялся». На протяжении ряда лет организация проводила подрывную работу, охватившая своей контрреволюционной деятельностью основные участки строительства:

Землянка — жилье вольнонаемных. БАМ. 1933 год.
АРХИВНОЕ ФОТО

Второй выпуск курсов подрывников. 27 июля 1933 года.
АРХИВНОЕ ФОТО

Лагпункт Коровиха. 11 апреля 1933 года.
АРХИВНОЕ ФОТО

Командировка Подутесная. Сентябрь 1933 года.
АРХИВНОЕ ФОТО

проектно-сметное дело, транспорт, связь, работу по колонизации, медико-санитарное обслуживание лагерей, строительство технических сооружений, механизацию, техническое снабжение, финансирование и финансовый аппарат. Организация ставила своей задачей всемерное ухудшение качества стройки, удешевление ее себестоимости, оттягивание сроков сдачи железнодорожных путей в эксплуатацию и создание условий, «максимально снижающих их пропускную способность».(23)

Для ревизии строительства создали техническую комиссию. Ее материалы составляли девять внушительных томов, но они бедны доказательствами конкретных вредительств. Все сводилось к тому, что в течение пяти-шести лет на строительстве были случаи удешевления возведимых объектов. В течение этого же времени имели место перерасходы на сумму 92 млн.руб и дополнительные дотации в размере 52 млн.руб. Произошло несколько аварий и крушений поездов. Но на общем фоне грандиознейшего железнодорожного строительства, раскинувшегося на диких восточных пространствах страны, при наличии тысяч больших и малых объектов стройки, колосальных, многомилиардных ассигнованиях, собранные чекистами доказательства «преступной деятельности» (а дело насчитывало свыше двадцати томов следственных материалов!) поражали своей ничтожностью. Они тем более маль и незначительны, если принять во внимание утверждение работников НКВД о многочисленном составе вредительской организации на стройке. По «Большому делу БАМа» арестовали Ю.В. Давыдова, начальника электромеханического отдела БАМлага; Я.В. Бухальцева, начальника транспортного отдела; А.Г. Спектра, заместителя начальника транспортного отдела; Н.Н. Филиппова, помощника начальника отдела технического снабжения БАМлага; А.В. Мороза, и.о. начальника проектного отдела; С.Е. Боборыкина, начальника переселенческого отдела; Д.В. Шустера, начальника санитарного отдела БАМлага; О.В. Шедвика, заместителя начальника управления БАМлага и начальника 3-го отдела лагеря; Н.А. Небесовой, руководителя группы верхнего строения; а также В.И. Левановского, К.К. Крикль, А.Р. Пашкова, М.И. Голдина и десятки других ведущих специалистов транспортно-

го строительства, в том числе профессоров, инженеров, геологов...

Следователи упорно добивались, чтобы в списке шпионов-вредителей, троцкистов-контрреволюционеров фигурировал бы Н.А. Френкель. На него просто-напросто охотились, стремились любой ценой дотянуться до него и с этой целью создавали целые следственные дела. В ход был лозунг: «Через крупные дела, через ряд повстанческих дел — до Френкеля!» 28 декабря 1938 года даже заготовили специальное постановление об его аресте, гласившее: «Френкеля Нафталия Ароновича привлечь к уголовной ответственности по ст. 58-1а, 58-6, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР. Мерой пресечения способов уклонения от следствия избрать содержание под стражей». (24) Попавших под «Большое дело БАМа» — арестованных и находившихся в мучительных ожиданиях ареста — было так много, что аппарат лагеря и строительства находился в деморализованном состоянии, терял свою работоспособность; выполнение производственных заданий срывалось.

Для арестованных, подследственных, проходивших по «Большому делу БАМа» и другим «делам», связанным со строительством железнодорожных объектов, не хватало никаких изоляторов и иных специальных помещений. Пришлось создать так называемую следственную колонну. В ней в невероятных условиях содержалось свыше 700 чел. И почти вся эта масса арестованных, значительный процент которой падал на вольнонаемных работников, через полтора-два года получила освобождение по причине полной недоказанности предъявленных обвинений. «Дело» оказалось надуманным.

Специалисты, задействованные на железнодорожном строительстве, труждались с огромнейшим напряжением, помногу часов, практически без выходных и отпусков. К.С. Лесневский получил свой первый отпуск, проработав на строительстве почти четыре года. Свое ходатайство об отпуске он объяснял «усталостью и необходимостью поправить здоровье». Красноречивы его слова: «Приношу искреннюю благодарность за разрешенный мне отпуск. Отдохну и вернусь на строительство со свежими силами. Заботит меня только один вопрос, разрешат ли мне, как бывшему заключенному по статье 58-7-11 пребывание в Ленинграде?»

К.Н. Кашкин проработал в БАМлаге без отпуска пять с половиной лет и в течение всего времени — командировки, комиссионные обезды возведимых линий, напряженный трудовой ритм, ненормированный рабочий день, большая ответственность. Несмотря на досрочное освобождение, на то, что перевалило уже за 70 лет, что врачебно-экспертная комиссия при управлении БАМлага, осматривавшая профессора, поставила диагноз «кардио-артериосклероз, расширение аорты, старческая дряхлость» и заключила: «к службе в БАМлаге не годен», несмотря на просьбы родственников, Константина Николаевича Кашкину не разрешали вернуться в Ленинград. Только летом 1938 года он вместе с женой, получив за счет Байкало-Амурского ИТЛ путевки в Кисловодск, уехал. В отпуске сильно заболел и в начале 1939 года умер. Накопившееся напряжение, усталость и все пережитое дали о себе знать.

Подобно всем остальным лагерникам, специалисты подвергались жесточайшему контролю. По отношению к ним действовала аттестационная комиссия, а работники 3-х отделов лагерей собирали сведения о политических настроениях. И даже тогда, когда специалист переходил в ранг досрочно освободившихся, он оставался подконтрольным ГУЛАГовской системе. Тот же Константин Николаевич Кашкин попытался устроиться на преподавательскую работу в Новосибирский институт военных инженеров железнодорожного транспорта. Командование института через секретную часть обратилось в отдел кадров БАМлага с просьбой прислать на Кашкина «политделовую характеристику и сообщить возможность его использования на преподавательской работе» и получило ответ: «К.Н. Кашкин в прошлом судим по ст. 58-7-11-14 УК РСФСР, поэтому прием его на преподавательскую работу в военный институт считаем нецелесообразным». (25) Работникам, давшим такой ответ, было хорошо известно, что К.Н. Кашкин не был судим и приговор ему не был объявлен.

Политика ГУЛАГа была направлена на активное использование труда не только специалистов-заключенных, но и тех, кто выполнял тяжелейшие земляные и балластировочные работы, строил искусственные сооружения. И здесь вполне определенное место

отводилось идеино-политическому, морально-нравственному прессингу на лагерников. Он должен был привести к «классовому раслоению» заключенных и к признанию ими своей большой или малой вины перед государством диктатуры пролетариата, к искуплению ее ударным трудом.

Значительное давление на лагерников оказывали приказы, распоряжения, циркуляры, директивно-распорядительные документы главного управления лагерей и каждого лагеря в отдельности. Они обещали, манили, внушали, наказывали, жестоко карали, учили, регламентировали вопросы жизнедеятельности лагерей и их обитателей, регламентировали так, что не оставляли заключенным времени и места для уединения. С болью писал А.Ф. Лосев: «...думать о себе приходится мало, так как, за исключением одиночки, я уже два года ни разу не оставался один». (26) Вспомним, как бамлаговец, а в настоящее время известный санкт-петербургский писатель С. Воронин, воспринял возможность поселиться в общем бараке, но за перегородкой, в углке, закрытом от посторонних глаз. (27)

Многие формы, посредством которых осуществлялось давление на заключенных, пришли с воли, где они уже были априорированы: издание книг и брошюр вполне определенной тематической направленности; издание газет, журналов, плакатов, листовок; проведение лекций, бесед, митингов, собраний; активное использование кино, театров, выступлений агитбригад и т.п. Только за 1933-1934 годы театр БАМлага поставил 226 спектаклей, дал 195 концертов и более 60 представлений кукольного театра. Шли комедии В. Шкаркина «Нужной ребеною», сатирическая комедия «Милион Антониев», «Чудесный сплав» Киршона, «Слуга двух господ» К. Гальдона, «Моцарт и Сальери» А. Пушкина...

С выверенным репертуаром выступали агитбригады. И тогда звучали такие стихи: «Строим, клины вгоняя в таежные дали. Строим БАМ и вторые пути. Чтоб тому, что сказал на семинации СТАЛИН. Нам быстрее, чем в пять подойти!» (28) Был сочинен и часто исполнялся «Марш фалангиста» на мотив авиационного марша «Все выше и выше, и выше...»:

Вставай, боец, пойдем, боец, на трассу
Атаковать рекордом новый план
Уложим в новый километр насыль
И приведем к победе строй фаланг.
Припев:
На трассу! На трассу! На трассу!
Лопату, кирку и бур...
Мы вывезем тачкой на насыль
Рекорды своих кубатур.
Труд — дело чести, доблести и славы —
Перекует и переплавит нас.
Боец путей получит крепкий навык
Могучих темпов и ударных трасс.
Мы поведем товаров караваны
В далекий путь, в таежный край глухой,
В далекий путь навстречу океану
И нам тайгу откроет путь второй.
Грохочет гром орудий на востоке.
Будь начеку, Советская страна,
Дадим тебе в невиданные сроки
Вторых путей стальные провода. (29)

Подразделения БАМлага были разбросаны на многие сотни и тысячи километров и друг от друга и от управления строительством, дислоцировавшегося в г. Свободном. Вот почему чекисты придавали особое значение печатной агитации и пропаганде. Для ее постановки на широкую ногу создали внушительную материально-техническую базу. В первую очередь это касается литотипографии БАМлага, а затем Амурлага — крупнейшего предприятия подобного рода на Дальнем Востоке в 30-е годы. Значительная часть оборудования Байкало-Амурскому ИТЛ досталась «по наследству» от Беломоро-Балтийского строительства. 17 февраля 1933 года из Белбалаага в г. Свободный прибыла типография. Со временем, к двум машинам «американкам» добавились несколько типографских и литографических машин крупного размера, в том числе двухкрасочные машины. Пришло оборудование для переплетного, граверного, стереотипного, каучукового и других производств. Все это позволило создать шесть выездных типографий и приступить к выпуску отделочных производственных бюллетеней, плакатов и иной печатной продукции.

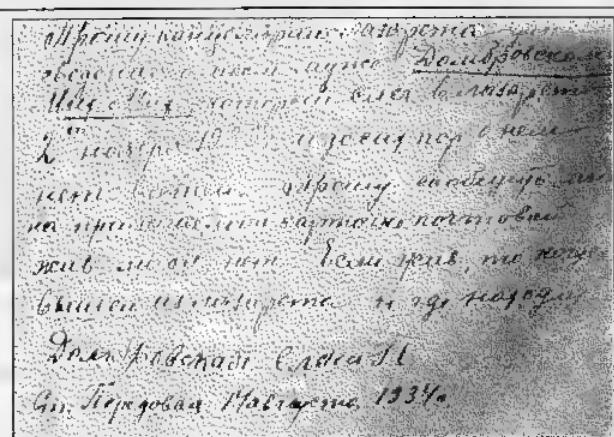
Начальником лито-типографии был назначен Михаил Васильевич Молчанов. Родился он в 1895 году. Получив среднее образование, устроился работать в одну из московских типографий. В конце 20-х был осужден, попал в лагерь. С 1930 года работал по своей специальности в Белбалааге. За ударный труд судимость сняли, но М.В. Молчанов остался в системе ГУЛАГа по вольному найму, был откомандирован на строительство БАМа и проработал на Дальнем Востоке до 1941 года, до своего отбытия в Северо-Двинский ИТЛ. В его подчинении в феврале 1933 года числилось всего 10 сотрудников. За год штат увеличился сначала до 85 человек, а затем — до 120. В 1936 году в этом коллективе было 136 чел., из них лишь 22 вольнонаемных, а остальные — заключенные. (30) Здесь трудились талантливые люди: гравер-печатник И.С. Рябов, наборщик С.В. Токарев, художник-график с высшим образованием Ф.И. Тихомиров, художники Н.И. Николенко, В. Полежаев. До середины 1936 года все рисунки, иллюстрировавшие страницы бамлаговских изданий, гравировал Аркадий Михайлович Куроверов.

Издания Байкало-Амурского ИТЛ насчитывали десятки названий: журнал «Финботник БАМ», литературно-художественный журнал «Путешественник», юмористический журнал «На тачку», «Репертуарный бюллетень», «Библиотека строителя БАМ», «Бюллетень консультативного бюро штаба ВОХР БАМлага НКВД», общелагерная газета «Строитель БАМ», газета для путеармейцев-националов «БАМтузучи», выходившая на узбекском, татарском и казахском языках, газета «Строим» орган парткома ИТЛ, газета «Литература и искусство БАМлага», газета «Станем грамотными», периферийные бюллетени. Таким образом, в круг обслуживания периодики были включены не-грамотные и малограмотные путеармейцы; печатным словом охватывались заключенные нерусской национальности. Периодические издания БАМлага делились по территориальному признаку: общелагерного масштаба и издания местных отделений, лагпунктов, важных объектов, а также поезда начальника строительства БАМа и БАМлага.

Но такая классификация периодики БАМлага неполная. Специальную группу представляли издания для военизированной охраны. Они выходили под грифами: «Не подлежит распространению за пределы ВОХР», «Не подлежит оглашению»,

Письмо жены заключенного БАМлага М.М. Домбровского. 14 августа 1934 года.

АРХИВНОЕ ФОТО

«Печатается только для ВОХР», «Подлежит распространению только среди ВОХР» и т.д. К ним относились газеты: «Чекист на страже БАМа», «Зоркий стрелок», «Зоркий стрелок на страже БАМа», «На страже великой стройки», «Военкор», «Сигнал», «На боевом посту» и др.

Огромными тиражами выпускалась иная печатная продукция — «Памятки» буряльщикам, десятникам, нормировщикам, электросварщикам и др.; сборники: «Выдвижение лагеря», «Песни БАМлага», «Искренность» и др.; плакаты, листовки. Например, отдельной листовкой тиражом 2,5 тыс. экземпляров, была выпущена и разослана по подразделениям БАМлага басня «Костер и кирка», написанная известным поэтом-бамлаговцем Сергеем Федотовым. Две заставки обрамляли текст: «Для лодыря и для врага — костер — услугливый слуга» и «Лень — родная сестра лодыря и костра». Заканчивалась она так: Смысл этой басенки такой: «Коль хочешь быть представлен к льготе, Так не kostрами, а киркой Ты согревайся на работе».

Еще один резерв «активизации» труда заключенных руководство Байкало-Амурского ИТЛ извлекло из организационной сферы. Н.А. Френкель впервые в практике лагерей звел фаланговую систему. Из истории известно, что фалангой называли боевой порядок тяжеловооруженной пехоты, представлявший собой сомкнутый строй в несколько шеренг. В учении утопического социалиста Ш.Фурье под фалангой понимается трудовая община, коллективное хозяйство. В Байкало-Амурском ИТЛ фалангой называлась небольшой хозяйственно-самостоятельный отряд заключенных, занятый на определенной работе. Например, нужно было сделать выемку скалы на 30-40 тыс. куб.м — объем рассчитанный на несколько месяцев работы 250-300 человек. Сюда и направлялась фаланга.

Вместе с тем, нельзя ограничивать эти структурные единицы только производством. Документы свидетельствуют об их использовании для концентрации «маларииков» (заключенных, заболевших малярией), хронических больных, инвалидов, отказчиков от работы и всякого «вредного элемента».

Количество фаланг в отделениях менялось. Разным было и число людей в фалангах. Они могли объединять и 100 и 400-500

человек. Н.А. Френкель выступал как против «скарликовых» фаланг с численным составом около сотни заключенных, так и против больших образований свыше 250 человек. Оптимальным считалось 200-250 человек. Такой состав старались сохранять более-менее стабильным.

Постепенно, с накоплением опыта, получила очертания другая немаловажная сторона системы — специализация. Если в первое время фалангам Байкало-Амурского ИТЛ давались названия, «отражавшие переживаемую революционную эпоху»: «17 лет Октября», «Даешь темпы!», «Вперед в тайгу», «Октябрьский штурм», «Куем будущее», «Большие темпы», «Победитель тайги», «Путь к исправлению», «Красный строитель», «Новый путь», «Штурм перевала» и т.д. и поручались различные по характеру задания, то с расширением масштабов производства и увеличением составных частей лагеря, когда фаланги насчитывались около 500, приняли общелагерную нумерацию в виде номера и буквенного индекса. Фаланги, выполнившие балластировочные работы, получали букву Б, земляные — З, производившие строительство искусственных сооружений — И, карьерные — К, лесные — Л, строительные — С, транспортные — Т, укладочные — У, сельскохозяйственные — Х, штабные — Ш и т.д.

С 1 декабря 1936 года все фаланги БАМлага переименованы в колонны. Вполне возможно, что переименование продиктовано было тем, что в 30-е годы фалангами назывались фашистские и правые реакционные организации в ряде стран, например, в Испании. С этого момента во всех учетных документах и во всякой переписке наименование «фаланги» не допускалось и заменилось наименованием «колонна» при сохранении прежней нумерации, производственной и административно-хозяйственной функции. Система колонн получила широкое распространение и использовалась на строительстве БАМа и других железных дорог в 40-е и начале 50-х годах. В этой связи отметим еще одно новшество Н.А. Френкеля, носившее ярко выраженный психологический и морально-нравственный оттенок: выдвижение женщин БАМлага на руководящую работу в фаланги-колонны. Среди них не только отбывавшие наказание, но и вольнонаемные — жены инженерно-технического пер-

сонала, вахровцев, чекистов: Н.Е. Беккер, З.П. Петрова, Е.С. Котова, М.С. Пилина, З.М. Колтепина, В.Ф. Сердечкина, Л.Ф. Нечаева, Е.И. Шелешко, Э.Х. Кусельман, А.Р. Абрамова, А.Г. Катаневская, М.И. Тюрина...

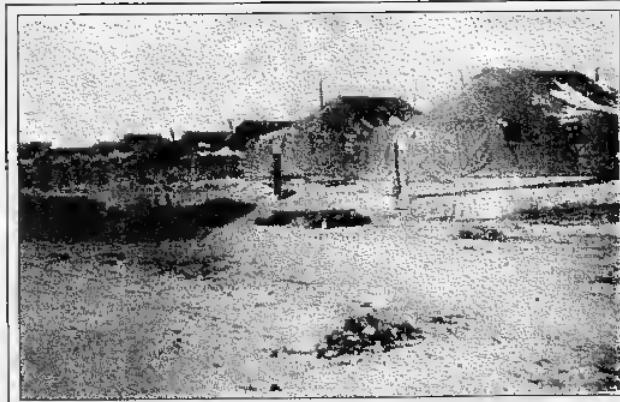
Газета «Правда» с восторгом писала: «...самое замечательное на строительстве — это женщины-командиры. Выдвижение женщин на стройке произведено с невиданным размахом» (31) и «целиком себя оправдало». (32) Женщины, осознавая «ответственность и гордость» за порученное дело, стремясь к освобождению, к семье, к детям, самоотверженно работали каменщиками, шоферами, бухгалтерами, воспитателями, организаторами по быту, начальниками колонн. Они заботились о лагерниках. Они же вполне или невольно устанавливали тот порядок, те рекорды трудовых показателей, которые становились ориентиром для путеармейцев-мужчин. В стихотворении «Девушка за рулем» бамлаговец К. Федотов писал так:

Со мной работает бригада
моих старательных ребят,
земля летит горячим градом,
сверкают лезвия лопат.
А из карьера, с песней звонкой
и голосистой не в пример,
бригаде грунт на пятитонке
привозят девушка-шофер.
Хоть грузовик еще далеко,
но каждый думает о нем
и думает о той, чей локон
горит на солнышке огнем.
Подъехала, — и борт отброшен,
упал с тяжелых якорей
и слышу голос я хороший:
— А ну, стахановцы, скорей!
— Не торопи, разгрузим скоро!
Земля летит с грузовика... (33)

Начальники фаланг, их помощники по культурно-воспитательной, административной и хозяйственной работе отвечали за выполнение производственных планов. Они должны были знать своих подчиненных. На каждого заключенного БАМлага заводилась карта зачета рабочих дней рабочего на производстве. Кроме общей информации — фамилия, имя, отчество, год рождения, когда и кем осужден, статья и срок, когда прибыл в БАМлаг и т.д. — в карте отмечались причины невыхода на работу: болезнь, этап, прогул, отказ, ШИЗО, подследственный и

Заключенные командировали Соч. 1933 год.
АРХИВНОЕ ФОТО

Лагпункт Свободный. Палатки заключенных..
АРХИВНОЕ ФОТО

Портновская мастерская БАМлага. Январь 1933 года.
АРХИВНОЕ ФОТО

Панорама лагпункта Тахтамыгда. Осень 1933 года.
АРХИВНОЕ ФОТО

т.п. Прораб вносил данные о качестве работы, отношении к инструменту, к обмундированию; помощник начальника фаланги по КВЧ (культурно-воспитательной части) — о посещении производственных совещаний, политзанятий, участии в соревновании, лагкоровской работе (34), в драмкружке, в музкружке; помощник начальника по быту оценивал поведение заключенного, отношение к солагерникам, вписывал взыскания и поощрения. Штаб фаланги, пользуясь трехбалевой системой, мог зачесть труд заключенного «по-ударному», «не по-ударному» и даже отказать в зачете рабочих дней. Фаланговая система (система колонн), при которой каждый человек был на виду, способствовала более жесткому контролю за количеством и качеством труда и его учету, позволяла добиваться четкости и слаженности в организации строительного производства.

Эта система давала возможность держать лагерников в абсолютной зависимости. О рядовых заключенных говорить не приходится. Если фаланга не выполняла задания, то ее руководство, в лучшем случае, лишалось каких-то льгот, а чаще всего привлекалось к уголовной ответственности. Так поступили, например, в 1935 году, когда 1-е отделение Байкало-Амурского ИТЛ не выполнило план. Начальников, прорабов и воспитателей 10-й, 17-й, 19-й и других колонн отдали под суд. (35) Вот почему даже при наличии в фалангах отказчиков, дезертиров, фilonов и т.п., задание старались выполнить любой ценой.

Фаланги-колонны позволили поставить на более высокий уровень такую форму политики «кнута и пряника», как ударничество. Еще в апреле 1933 года С.В. Мраковский утвердил положение «Об ударничестве и трудсоревновании на строительстве БАМа». Его главная цель — «использование активности, инициативы и энергии лучшей части лагерного населения для вовлечения ее в социалистические формы труда». (36) Организаторами руководства этой работой стали: Центральный штаб ударничества и трудсоревнования — штаб «Ц», и подобные же штабы при отделениях и лагпунктах (штабы «О» и «Л»), на предприятиях и сооружениях (штабы «Г» и «С»). Были созданы тройки ударничества и соревнования в ударных бригадах. Всем им хватало работы. Ударников в Байка-

ло-Амурском ИТЛ было немало. В 1-ом квартале 1933 года — чуть более 4-х тысяч, или каждый четвертый, в 4-м квартале — 31 тыс., или каждый второй.

Не отрицая наличия ударничества в БАМлаге, все-таки с большой осторожностью отнесемся к названным показателям. Сомневалась в них и заместитель начальника БАМлага Б.Н. Кузнецов: «...боюсь, что наши КВЧ не выполнили приказа о борьбе с очковтирательством и цифры с числе ударников и соревнующихся нуждаются в корректировании». (37) По мнению руководства лагеря следовало изменить качественную сторону движения.

Во-первых, от движения «одиночек» перейти к движению коллективов, что дало бы большой экономический эффект. Уже осенью 1933 года по инициативе Н.А. Френкеля стали появляться штурмовые фаланги, состоявшие из «лучших ударников, объединенных общим стремлением — штурмовыми темпами обеспечить окончание работ к намеченному сроку» на порученном объекте. Интереснейший рассказ о подобном коллективе, состоявшем из бытовиков, осужденных «за колоски», раскулаченных и уголовников, привел С. Воронин в повести «Наказание без преступления». (38) Д. Мазур в одноименном произведении рассказывает об ударной колонне на строительстве восточного крыла БАМа в 1939-1941 годах. (39) Люди в таких фалангах-колоннах, добиваясь досрочного освобождения, добавочной пайки, трудились на износ, по шестнадцать-восемнадцать часов в сутки. Многие не выдерживали, появлялись больные простудой, малярией, ревматизмом, «куриной слепотой» и т.д. Но в любом случае объект железнодорожного строительства сдавался вовремя. Распространений «Коллективного» ударничества способствовала практика, имевшая место в БАМлаге: лучшим фалангам, лучшим бригадам старались предоставить и лучшее жилье, питание, культурное обслуживание. Но это не всегда получалось.

Во-вторых, управление Байкало-Амурского ИТЛ было заинтересовано в воспитании «нового» ударника. Существующий передовик выполнял норму на 130-150%, но при этом совершенно не интересовался неподлаждками, простоями, «расхищением рабочей силы». БАМлагу, а позднее и другим лагерям, требовался ударник, который бы «ви-

кал в производственные вопросы, помогал их решать, боролся бы с лодырничеством, прогулами, трудодезертирством, лежанием у костров, освещал бы все эти вопросы в стенгазетах, газетах, бюллетенях, предъявляя повышенные требования к лагерной администрации». (40)

Большая агитационно-пропагандистская и разъяснительная работа в данном направлении проводилась на различных уровнях, в разных формах и прежде всего на отделенческих и общелагерных слетах ударников. Такие мероприятия были частыми, о них широко оповещались путеводители. Достаточно привести такой пример: слет ударников вторых путей Уссурийской дороги БАМа (май 1934 года) имел даже свой печатный орган — бюллетень слета, выходивший под названием «Строитель БАМа». С 18 мая по 21 мая появилось 5 номеров, каждый тиражом 1000 экземпляров. Ударники увезли бюллетень с собой в фаланги. На слетах лучшие производственники, общественники-активисты должны были «прямо, честно и открыто» рассказать обо всем, что мешает хорошей работе и взять на себя повышенные обязательства. В этом заключалась главная цель мероприятия. Организаторы специально создавали атмосферу праздничного, повышенного, эмоционального настроения, подчеркивали почетный характер задачи «стальной лентой проложить путь от Байкала до Амура». Получалось так: ты — заключенный, ты совершил преступление перед своим народом, перед своей Родиной (иначе не попал бы в ИТЛ) и все-таки тебе верят, тебе поручают не обыденное, простое дело, а дают почетное задание. И тут возник феномен массовой психологий — слияние энергий. Чувство единения побуждало отвечать на призывы лагерного руководства обещаниями и обязательствами, принимавшими характер обетов.

Именно в такой обстановке представители 1-го отделения БАМлага в 1933 году клялись «в срок развить громадные задачи БАМа»; заключенный Рыков призывал «бросить спичку, которая была до сего времени»; заключенный Казарин, выступавший от механических мастерских, заверял: «возложенные на нас обязательства будут выполнены на 150%»; звучали призывы: «Вперед! На строительство БАМа», «Да здравствует

великая стройка Байкало-Амурской магистрали».(41)

С окончанием мероприятия обязанности делегатов не прекращались. Они, наоборот, усложнялись. Вернувшись в свои фланги, путевармейцы должны были «подтвердить высокое звание ударника» производительным трудом и «живой практической работой» в качестве агитаторов и пропагандистов официальной линии, прозвучавшей на слете, а также стать «буксиром» для отстающих.

Сооружение головного участка новой железной дороги осуществлялось тяжело и медленно. 11 августа 1933 года первый паровоз прошел по широкой колее БАМа. Удалось «победить» 4,5 км тайги. (42) До 1 января 1934 года предстояло уложить еще почти 190 км пути. Даже значительно уменьшенное задание оказалось к концу года на грани полного срыва. Чтобы выполнить производственную программу, следовало добиться резкого перелома в работе каждого вольнонаемного и заключенного. 13 декабря 1933 года газета «Строитель БАМа», орган КВЧ и штаба «О» 1-го отделения Байкало-Амурского ИТЛ, поместила письмо Н.А.Френкеля, в котором вся ответственность «за позорный срыв плана» возлагалась на делегатов слета ударников. «Данные ими ответственные обязательства о перевыполнении плана не выполняются, — писал начальник строительства. — Вместо 120%, только 50%. Позор небывалый и невиданный до сих пор в практике лагерей!». Н.А.Френкель требовал: «...примите все необходимые меры для мобилизации всех сил и средств, раскачайте общественность, создайте обстановку подлинного ударничества и соревнования».

Обратим внимание на следующую деталь. В 1933-34 годах заключенных призывают взять высоту 110-150% задания. В следующем 1935 году в ССР получит распространение стахановское движение. Оно не обойдет стороной Байкало-Амурский ИТЛ. Производственные рекорды поднимутся до 500-600% и даже выше. 1936 год в БАМлаге будет знаменован движением «тысячников». Заключенные К. Ячков, Н. Басаков и др. достигли 1000% выполнения нормы. Наркомат внутренних дел своими приказами о награждении заключенных лагерей и колоний НКВД, работавших по-стахановски,

усилил эту тенденцию. Среди получивших досрочное освобождение были бамлаговцы: А.А. Никитин, землекоп, вместо 1,02 куб.м по норме давал выработку 6 куб.м (580%); А.В. Иванов, работая на погрузке вручную при норме 2,37 куб.м, выполнял 16,59 куб.м (700%); П.С. Румянцев, шофер на автовозке, вместо 30 рейсов делал 91 рейс (300%). Немало было тех, кто сомневался в возможности достижения таких показателей, но их тут же зачисляли в разряд «работы строительства магистрали со всеми вытекающими последствиями».

Агитационно-пропагандистская сторона поощрения была щадительно продумана. О получивших поощрение, о досрочно освобожденных сообщалось в приказах по лагерю, в листовках, плакатах, стенгазетах; в бамлаговской периодике появлялась серия материалов под заголовками: «Был штрафником и отказчиком, а теперь досрочно освобождаюсь», «Теперь я стал десятником», «Я досрочно освобождаюсь». Досрочно освободившимся вменялось в обязанность проехать по отделениям и колониям БАМлага и рассказать, «как благодаря своему честному труду и перевыполнению производственных заданий они получили льготы и свободу». Они же выступали в газетах со словами благодарности в адрес руководства строительства БАМа и БАМлага, в адрес «социалистической родины, которая твердой рукой чекистов-ленинцев перевекала, ... открыв прямую дорогу в счастливую жизнь». (47) «Тысячники» утверждали, что «работая по-стахановски, систематически перевыполняя норму в несколько раз, при безупречном качестве работ, мы идем верным путем к свободе, радостной жизни полноценных граждан Советского Союза». (48) Наступал день отъезда и передовики железнодорожного строительства — ударники и значкисты — должны были подчиниться совершенно секретному приказу управления строительства БАМа и БАМлага: «О порядке освобождения заключенных и организованных отправках их к местам избранного жительства». (49) Из большого распоряжения приведем всего лишь два пункта, комментарии к которым излишни. Параграф 7-ой гласил: «Отправку освобожденных производить исключительно организованно, предприняв все меры к недопущению бесцельных шатаний по станции,

поселку, рекомендовав освобожденным до прихода поезда находиться в спецпомещении. В случае нарушения отказать в содействии приобретения билетов, что производить также организованно через специального представителя. ... Направление на станцию производить командой под руководством спецбояца. ... Посадку в вагон производить под наблюдением работника отделения и спецбояца».

Пункт 8-ой требовал «вести, как правило, обязательные обыски освобожденных заключенных для изъятия незаконно приобретенных вещей лагерного образца, главным образом, бушлатов, валенок, одеял, белья».

Таким образом, способ вознаграждения заключенных в виде льгот, каких-то привилегий, преимущества являлся чрезвычайно удобным для лагерей. Путевармейцы, «правившие себя на работе, оказывались в огромной, может быть даже большей зависимости от ГУЛАГа, чем остальные невольники. В любой момент, за любой промах у них отнимали зачеты рабочих дней, льготы, значок «Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали», — все то, что зарабатывалось тяжелейшим, напряженнейшим трудом. Политика «кнута и пряника» сеяла вражду и ненависть среди лагерников, она прятывала свои щупальца даже к тем, кто находился вне исправительно-трудовых лагерей, к родственникам заключенных...

В данном материале представлены некоторые вопросы, раскрывающие строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали в довоенное десятилетие (1932 — 1941 годы).

История этой транспортной артерии была продолжена в 40-50-е годы. Прежде всего это относится к сооружению восточного крыла БАМа — от Комсомольска до Советской Гавани, получившему официальное название «Строительство № 500 НКВД СССР». Это относится и к строительству западного участка БАМа — дороги Тайшет — Братск — Усть-Кут. По формам и методам они существенно отличались от строительства БАМа до войны, прежде всего тем, что носили характер скоростного строительства, а посему заслуживают отдельного разговора.

Общий вид лагпункта Муртыгид.

АРХИВНОЕ ФОТО

Памятная доска БАМЛАГа. Откос вторых путей Транссиба.

АРХИВНОЕ ФОТО

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Под «Советским Дальним Востоком» понималась самая восточная часть РСФСР, вытянувшись от 42-й параллели северной широты до Северного ледовитого океана и на три тысячи километров с запада на восток, Дальневосточный край составлял почти 1/8 территории Советского Союза. Три моря и два океана омывали берега Дальнего Востока, пять государств граничили с ним — МНР, Китай, Корея, Япония, США. Плотность населения была низкой и составляла в конце 20-х годов 0,5–0,6 чел. на 1 кв. км. Обратясь к более узкому району прохождения Байкало-Амурской магистрали, эти цифры считались сильно завышёнными и не отражавшими действительность. Приведенные цифры явились средними показателями для громадной территории. Заселена она была неравномерно. Подавляющее большинство населения Дальнего Востока располагалось в его южной части. Отдаленный же район от оз. Байкала до Тынды имел, по переписи 1937 года плотность населения 6–7 чел. на 100 кв. км. На протяжении свыше 1300 км располагались всего 25 малых поселков. (Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.П.68. Оп.34. Д.28. Л.64,65.

(2) Мрачковский Сергей Витальевич (1888 — 1936 годы). Руководил строительством БАМа в 1932–1933 годы. 17 августа 1933 года СНК СССР принял постановление «О начальнике Байкало-Амурской магистрали», гласившее: «Освободить тог. Мрачковского от занимаемой им должности начальника Байкало-Амурской магистрали, назначив на эту должность Фрэнкеля Нафтали Ароновича» (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)). Ф.Р-5446. Оп.57. Д.25. Л.141.

(3) Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.Р-3625. Оп.1. Д.20. Л.1,3.

(4) Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.17. Оп.3. Д.904. Л.30.

(5) См.: Железнодорожный транспорт за 1932–1939 гг. М.1940. С.33.

(6) См.: Вульфсон Л., Данилов С., Шильников Н. Железнодорожный транспорт на рубеже двух пятилеток. М. 1934. С.49.

(7) РГИА ДВ. Ф.Р-3525. Оп.1. Д.14. Л.3,4.

(8) Там же. Д.3. Л.3-17,31.

(9) Там же. Оп.4. Д.19. Л.29,30,101.

(10) Численность лагеря в более поздний период автором пока точно не установлена, хотя, судя по учетным карточкам заключенных, БАМлаг вырос до 380–390 тыс. чел.

(11) Имеется в виду постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской магистрали и вторых путей Карымская — Уруша» от 9 марта 1933 года. В целях форсирования постройки вторых путей, а также в силу задержки готовности проекта строительства БАМа, признавалось необходимым работы по БАМу в 1933 году сосредоточить на головном участке Тахтамытда — Тында протяженностью 190 км, с укладкой рельсового пути к 1 января 1934 года и максимально

форсировать изыскания на участке Тында — Комсомольск. Ассигнования по БАМу значительно сократились. ГАРФ. Ф.5446. Оп.57. Д.23. Л.134.

(12) В этой связи нельзя не упомянуть еще одну дату — 15 октября 1938 года. С этого дня отменялось пользование гербовой печатью бывшего Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря ОГПУ-НКВД.

(13) РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.999. Л.88-90 и др.

(14) ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп.57. Д.23. Л.134; Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.П-2. Оп.1. Д.390. Л.180.

(15) ГАХК. Ф.П-35. Оп.1. Д.1175. Л.7,8,9.

(16) Там же. Д.1561. Л.73,74.

(17) Архив Дальнегорстрранса (г. Хабаровск). Комплект 48/15778. Л.4,5.

(18) Отдел спецфондов информационного фонда (ОСФ ИЦ) УВД Иркутской области. Ф.5. Оп.1. Д.196. Л.21,22.

(19) РГИА ДВ. Ф.Р-3625. Оп.1. Д.28. Л.13.

(20) РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.3. Д.926. Л.26.

(21) ОСФ ИЦ УВД Иркутской обл. Ф.5. Оп.1. Д.177. Л.8.

(22) С.В. Мрачковский проходил вместе с Л.Б. Каменским, Г.Е. Зиновьевым, Г.Е. Евдокимовым, И.П. Бакаевым, В.А. Тер-Ваганяном и др. по политическому процессу над «антисоветским объединенным троцкистско-зиновьевским центром» (август 1936 года). Суду предали 16 человек. Большинство из них, в том числе С.В. Мрачковский, в свое время являлись участниками троцкистской оппозиции. В 1936 году они были осуждены и расстреляны. Как сказано в приговоре: «за проведение антисоветской, шпионской, вредительской и террористической деятельности, причастность к убийству С.М. Кирова и подготовку террористических актов против руководителей партии и правительства». Пленум Верховного суда СССР в июле 1988 года удовлетворил протест Генерального прокурора СССР, приговор отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления.

(23) ОСФ ИЦ УВД Амурской обл. Коллекция документов по истории строительства Байкало-Амурской магистрали.

(24) Там же.

(25) Там же.

(26) Из лагеря в лагерь. Иаше наследие. 1989. №5. С.87.

(27) См.: Воронин С. Наказание без преступления. М. 1988. №7. С.47–49.

(28) Фиделев М. Строим. Газета «Строим» орган парткома и профкома БАМлага ОГПУ. 1934. 27 мая.

(29) «Строитель БАМа на вторых путях», орган КВЧ и штаба «О» 4-го отд. БАМлага. 1934. 2 августа.

(30) ОСФ ИЦ УВД Амурской обл. Оп.1. Св.5. Д.«Секретные приказы строительства БАМа и управления Байкало-Амурского ИТЛ. 1936 г.» Л.66.

(31) Около половины всех колонн в БАМлаге возглавляли женщины. См.: «Строитель

БАМа», орган КВО управления БАМлага НКВД. 1936. 23 декабря.

(32) См.: «Правда». 1936. 15 декабря.

(33) Федоров К. Девушка за рулем. «Строитель БАМа», орган КВО Управления БАМлага НКВД. 1936. 9 августа.

(34) От слова лагкор — лагерный корреспондент, человек, пишущий заметки и др. в периодические издания ИТЛ, в стендгазеты.

(35) См.: «Строитель БАМа», орган КВЧ и штаба «О» 1-го отд. БАМлага НКВД. 1935. 4 мая.

(36) РГИА ДВ. Ф.Р-3625. Оп.6. Д.2. Л.40-43.

(37) Там же. Д.15. Л.6.

(38) См.: Воронин С. Наказание без преступления. М. 1988. №7. С.47–50.

(39) См.: Мазур Д. Наказание без преступления: записи реабилитированного. Краснодар. 1992. С.223–225 и др.

(40) РГИА ДВ. Ф.Р-3625. Оп.6. Д.15. Л.6.

(41) Там же. Д.14. Л.91.

(42) См.: «Строитель БАМа», орган КВЧ и штаба «О» 1-го отд. БАМлага ОГПУ. 1933. 11 августа.

(43) Среди наград, которые присуждались по итогам трудового соревнования в Байкало-Амурском ИТЛ, были не только грамоты, благодарности, Красные знамена, но и «Орден рогожного знамени», «Орден мокрой курицы» и т.д.

(44) Образец значка «Лучшему ударнику Байкало-Амурской магистрали» был утвержден в ноябре 1933 года комиссией ЦИК Союза ССР. ГАРФ. Ф.Р-3316. Оп.42. Д.121. Л.27. Подобные награды использовались и в других лагерях. Каналоармейцев награждали «Жетоном строителя Беломорстроя»; в Дмитлаге в качестве поощрения использовался значок «Лучшему ударнику канала Москва — Волга».

(45) Со второй половины 30-х годов уже стачается контроль за информацией для заключенных исправительно-трудовых лагерей. Сокращается количество издаваемых газет и бюллетеней, ограничивается доступ к периодическим изданиям. Так «Положение о культурно-воспитательной работе в ИТЛ и колониях НКВД», утвержденное в январе 1939 года, в частности, предусматривало «осужденным за измену Родине, шпионаж, террор, диверсию, троцкизм, зиновьевщину, бухаринизм, участникам националистических контреволюционных организаций и другим членам антисоветских группировок и партий и иноподданым полигбеседы и читки газет не проводить». ГАПК. Ф.П-87. Оп.1. Д.1. Л.3,4.

(46) См.: «Строитель БАМа», орган КВЧ и штаба «О» 1-го отд. БАМлага НКВД. 1935. 22 мая.

(47) «Строитель БАМа», орган КВО управления БАМлага НКВД. 1936. 23 июня.

(48) Там же. 13 июля.

(49) ОСФ ИЦ УВД Амурской обл. Оп.1. Св.5. Д.«Секретные и совершенственно секретные приказы строительства БАМа и управления БАМлага НКВД. 1936 г.».

Сергей Плющенков

Западный БАМ: факты без комментариев

Строительство железных дорог МВД СССР начало осуществлять с 1932 года. В январе 1940 на базе отдела железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД и соответствующего управления на Дальнем Востоке на основании приказа наркома за № 0014 от 4 января было организовано Главное Управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) НКВД СССР.

Строительные работы на западном участке БАМа начались в соответствии с решением СНК и ЦК ВКП(б) за № 792/194 от 30 июня 1937 года. В 1942 году сооружение железнодорожной линии было прекращено и Южный лагерь БАлага ликвидирован.

30 августа 1945 года Государственный комитет обороны принял постановление за № 9936 «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, обязывающее НКВД СССР приступить с 1946 года к сооружению БАМа от станции Тайшет до Советской Гавани через Братск, Усть-Кут, Верхне-Ангарск, Тынду, Ургал и Комсомольск-на-Амуре протяженностью 5580 километров. В четвертом квартале 1945 года вновь было организовано Управление Тайшетского строительства, входящее в Западное Управление строительства БАМа.

Для выполнения этой задачи ГУЛЖДСу выделялось 200 тысяч военнопленных японцев, 4000 тысячи офицеров из числа репатриантов, возвращающихся на родину бывших военнослужащих Красной армии, 6000 офицеров инженерно-технической, интендантской и административной служб; 750 грузовых машин, 100 трехтонных прицепов, 100 тракторов, 50 передвижных автомастерских, 700 походных кухонь, 40 походных бань и 100 передвижных дезокамер; 100 тысяч лопат, 10 тысяч топоров, 10 тысяч кирко-мотыг, 2000 поперечных пил, 1000 ломов.

Управление Ангарского исправительно-трудового лагеря должно было возводить железную дорогу на участке Братск — Усть-Кут. Начальником Ангарлага в 1946–1953 годах был подполковник М.В. Филимонов, в 1953–1960 годах — подполковник Г.А. Лефтеев; начальником Управления строительства в 1954–1961 годах — В.И. Прядко. Стойка имела номер 500.

В феврале 1957 года, когда Ангарстрой непосредственно приступил к производственной деятельности, в его ведении находилось 479 автомашин, 34 паровоза, 612 вагонов и платформ, 50 тракторов, 2111 лошадей и волов. К концу года Ангарстрой отгрузил различным организациям 14451 кубометр круглого леса. В конце 1947 — начале 1948 годов в Ангарлаг из тюрем поступило до 15 тысяч человек. Стоимость содержания одного заключенного составляла 15

рублей 21 копейку в день (при плане 14 рублей 7 копеек). Фактические расходы на содержание лагеря достигли 195 миллионов рублей (при плане 181 миллион). В том числе затраты на военнопленных составляли 101,1 миллиона рублей. Охрану «пронумерованных строителей» осуществлял 428-й конвойный полк.

1 июня 1948 года бывшее Западное Управление разделили на Тайшетский и Ангарский ИТЛ. Рельсы от Тайшета к Братску укладывали тайшетстроевцы, а от Братска до Усть-Кута и от Братска к Тайшету — ангарстроевцы. В октябре Тайшетский ИТЛ был ликвидирован, управление временно перебазировалось в Братск, пока в Заярске велось строительство административного городка. За 1948 год было построено 30 колоннных городков для размещения «континента». Списочный состав ИТЛ включал 3395 вольнонаемных, 24424 заключенных, 11779 военнопленных, всего 39599 человек, в том числе 7203 женщины. В женской колонне ЦПМ (Б. Мамырь) занимались ремонтом вещевого довольствия, шили рукавицы, телогрейки, бушлаты, крытые шубы из обрезков монгольского сырья, душегрейки; работали на заготовке дров.

На 1 января 1949 года на участке Тайшет — Усть-Кут действовали три строительных, одно мостовое, два лесозаготовительных отделения. Кроме того, при ликвидации Управления Тайшетского ИТЛ в ведение Ангарского ИТЛ были переданы: Центральный авторемонтно-механический завод (ЦАРМЗ, Тайшет), Топорковский комбинат ширпотреба, Центральные ремонтные мастерские на 68-м километре (ЦРМ-68), комбинат домостроения на 142-м километре, ЦРМ (Братск), Управление железнодорожной линии Тайшет-Братск со строительно-эксплуатационными районами. Всего управление имело 29 крупных хозяйственных единиц. С февраля по май 1949 года принесли еще 18 этапов по 1000 человек в каждом, общая численность заключенных Ангарлага возросла до 59981 человека. За год силами заключенных было изготовлено 10658 тысяч штук кирпича, 50000 кубометров гравия, 13000 кубометров щебня, 89000 кубометров бутового камня, 13000 кубометров бетона, 149000 кубометров пиломатериалов, заготовлено 644000 кубометров древесины.

Заярский ЛЗО был организован 1 июля 1949 года в районе строящейся трассы между 357-м и 396-м километрами, второе строительное отделение — в апреле 1949 года, третий район УЖДЛ — в конце декабря 1949 года, две специализированные лесные колонны — в Каймоново и Шестаково — в 1949 году.

Штаб первого строительного отделения находился на станции Кула, 18 колонн с

9456 заключенными располагались на трассе протяженностью в 99 километров. Штаб второго строительного отделения — на станции Видим, 13 колонн с 5044 заключенными — на трассе протяженностью 98 километров. Штаб третьего строительного отделения — на станции Мостовая около Братска, 13 колонн с 6457 заключенными — на трассе протяженностью 63 километра. Штаб четвертого строительного отделения — на станции Лена, 11 колонн с 4565 заключенными — на трассе протяженностью 28 километров. Штаб пятого строительного отделения — на станции Илим, 17 колонн с 8173 заключенными — на трассе протяженностью 80 километров. Штаб ЛЗО — на разъезде Волоковой около Заярска, 7 колонн с 3334 заключенными на трассе протяженностью 38 километров. ЦПМ — на станции Илим, 604 заключенных. ЦАРМ — на станции Заярск, 582 заключенных. В пяти лагерных отделениях находилась 91 колонна.

Продолжительность рабочего дня заключенного с 16 февраля 1950 года составляла 9 часов со следующим распорядком дня: подъем в 6 часов утра, туалет с 6 до 6.20, завтрак с 6.20 до 7, утренняя поверка с 7 до 7.15, развод с 7.15 до 7.30, начало работы с 8 часов, обед с 12.30 до 13.30, конец работы в 18 часов, санобработка и культработа с 20 до 22.30, вечерняя поверка с 22.30 до 23 часов, отбой в 23 часа.

Дневные нормы выработки для заключенных были тяжелыми: на заготовку леса — 2,7 кубометра, на ручной трелевке — 1,5 кубометра, на выноске — 2,5 кубометра, на разделке дров — 3,5 кубометра.

Средний рацион питания заключенных Ангарлага в 1953–1954 годах состоял из 800 граммов хлеба, 200 граммов жира, 120 граммов крупы или мучных изделий, 30 граммов мяса или 75 граммов рыбы, либо морского зверя, 27 граммов сахара. Эти нормы получали только выполнявшие план. Заключенные, выполнявшие нормы на физических работах или работавшие по специальности на основании приказа № 298 от 13.07.1950 года по ИТЛ, стали получать небольшое денежное вознаграждение. После вычетов выдавалось на руки от 40 до 200 рублей ежемесячно. Для сравнения — оклад начальника Ангарстроя равнялся 3400 рублей, шофер — 1100 рублей, уборщицы — 410 рублей, стрелка ВОХР — 240 рублей.

С апреля 1950 года вновь произошло разделение железной дороги на два участка: Озерлаговский и Ангарлаговский. Укладка главного пути на участке Братск — Усть-Кут была закончена досрочно 25 ноября 1950 года, с этого же времени открылось временное рабочее движение поездов на всем протяжении от Братска до Ле-

ны. Расчетная пропускная способность магистрали в первую очередь рассчитывалась на шесть пар поездов в сутки. За это время заключенными было уложено 514128 штук.

С 1 января 1951 года в составе Ангарского строительства приказом МВД СССР № 0800 организовано Управление железной дороги Тайшет-Лена. В августе 1954 года, в целях сокращения расходов на строительство, аппарат управления строительством МВД объединяется с аппаратом управления железной дороги. Штат этих сотрудников насчитывал 821 человек.

Приказом по МПС СССР за № 3001 от 18 декабря 1958 года железнодорожная линия протяженностью в 720 километров 20 декабря была передана в постоянную эксплуатацию общей сети дорог МПС и включена в состав Восточно-Сибирской железной дороги (ВСЖД). До этого времени построенный участок находился в ведении Красноярской железной дороги.

Ангарлаговцами за 1947-1958 годы было выполнено 24 миллиона кубометров земля-

ных работ, уложено 840 километров главных и стационарных путей, построено 56 станций и разъездов, 5 паровозных депо, 9 электростанций, 19 пунктов водоснабжения, построено 90 тысяч квадратных метров жилой площади.

В связи со строительством Братской ГЭС, в 1955-1961 годах заключенными выполнялись работы по выносу полотна железной дороги на участке в 176 километров между Могрудоном и Видимом. При этом было перемещено около 8 миллионов кубометров земли, уложено в искусственные сооружения 249 тысяч кубометров бетона, подсыпано 150 тысяч кубометров балласта.

После издания постановления от 30 августа 1954 года в Заярске работала комиссия по пересмотру дел заключенных, осужденных по преступлению 58-й статье. После 22 съезда КПСС начинается очередная реорганизация ГУЛАГа: Ангарлаг, успешно справившийся с возложенной на него задачей, в 1964 году был ликвидирован, его «контингент» этапировали в Дубровлаг

(Мордовия).

За время своего существования Ангарлаг носил следующие наименования: с февраля 1947 по июнь 1948 — Управление Ангарского ИТЛ Западного Управления Байкало-Амурской Железнодорожной Магистрали ГУЛЖДС НКВД СССР; в июне 1948 — март 1953 года — Управление Ангарского ИТЛ ГУЛЖДС МВД СССР; в апреле 1953-августе 1954 года — Управление Ангарского Строительства «Ангарстрой» ГУЛЖДС Дальнего Востока и Сибири МПС СССР; в августе 1954-июле 1957 — Управление Ангарского Строительства «Ангарстрой» ГУЛЖДС Востока и Сибири Минтрансстроя; в июле 1957-марте 1963 года — Управление Ангарского строительства ГУЛЖДС Урала и Сибири Минтрансстроя; в марте 1963-1964 года — Управление Ангарского строительства ГУЛЖДС Урала и Сибири государственного производственного комитета по транспортному строительству СССР. Почтовый адрес — п/я «ВП — 120».

г. Заярск.

Александр Пашков, Галина Дударец

СЕКРЕТНАЯ СТРОЙКА № 506

«Сталинское чудо»

О строительстве тоннеля под проливом Невельского, который по замыслу «вождя народов» должен был соединить мыс Лазарева с сахалинским поселком Погиби, пресса уже писала. Мы хотели бы рассказать о секретной стройке № 506. Она по своему замыслу, размаху привлечения рабочей силы и последствиям оказалась не менее авантюристической, не менее трагической для тысячи советских людей, чем другие подобные сталинские деяния.

Сохранившиеся в областном архиве документы стройки долгое время были недоступными. Но почему сохранилось их мало? (И в основном это технические и бухгалтерские бумаги). Почему старожилы молчат об этой стройке? Возможно велась целенаправленная дезинформация населения, или оно связана подпиской «строго хранить государственную тайну»? Завесу притворяют архивы.

Итак, в начале 50-х годов Совет Министров СССР принял строго секретное постановление о строительстве железнодорожной линии Погиби — Победино, протяженностью 332 км, и ветки Тымовское — Александровск — 48 км. Вдоль линии намечалось построить 9 станций с вокзалами, 4 депо, 17 разъездов. Планировалось в 1953 году открыть движение 9 пар поездов в сутки. Окончательная сдача в эксплуатацию железной дороги намечалась на конец 1955 года.

Завоз материалов и оборудования на остров предусматривался через порты Совгавань и Ванино. На Сахалине для при-

ема грузов были определены Александровский и Корсаковский порты. Строительство полностью возлагалось на Главное управление лагерей железнодорожного строительства (ГУЛЖДС). Ему вменялось в обязанность обеспечить стройку механизмы, транспортными средствами, рабочей силой.

Все средства хороши

На начало 1950 года в Сахалинской области имелось 7 исправительно-трудовых колоний общей численностью около 5 тысяч человек. ИТК находились в Южно-Сахалинске и поселках: Боншняково, Вахрушево, Муйка, Ильинское, Углезаводск. Их контингент использовался на работах в угольной, деревообрабатывающей отраслях промышленности и на строительстве. Для использования «неполноценной» рабочей силы — беременных и кормящих женщин — при колонии в Южно-Сахалинске были организованы швейные, сапожные и картонные мастерские. В мае 1950 года приказом МВД СССР весь контингент ИТК Сахалинской области был привлечен для строительства объекта № 506. Но этого оказалось мало. Опять, как много лет назад, во времена сахалинской каторги, на остров большими партиями стали доставлять осужденных. Теперь их называли не каторжанами, а зеками. С этого времени колонии преобразуются в лагпункты Сахалинского лагеря № 506-й стройки. К концу 1951 года в 26 лагпунктах, расположенных вдоль будущей железнодорожной линии,

уже было 12533 человека, в том числе 2258 женщин.

Несмотря на лагерный режим, нехватка автотранспорта, землеройных машин и механизмов, отсутствие должной дисциплины среди заключенных и управлением аппарата, правительственные задания по строительству объекта № 506 в основном выполнялись. За 1951 год заключенными было уложено более 26 км железнодорожного пути (вместо 23-х по плану), проложено 75 км автодорог, построены и введены в эксплуатацию кирпичный и известковый заводы, деревообрабатывающий комбинат, лесо- и шпалозаводы.

Домыслы и факты

Сколько же всего лагерных пунктов было на Сахалине? Остатки их строений кое-где сохранились в наше время. Отдельные краеведы, из-за слабой информированности, полагают, что это те лагеря, в которых содержались политические заключенные в конце 30-х годов. Факты свидетельствуют о том, что в 30-е и в 50-е годы политических заключенных содержали вместе с уголовниками. Считалось, что так легче и быстрее можно «перевоспитать» политических.

Сохранилась карта, где обозначены места дислокации лагерных пунктов. Все они имели нумерацию. Она часто менялась. Очевидно делалось это с целью дезинформации населения и для обеспечения секретности стройки. Иногда в официальных документах применялись условные названия лагерных пунктов, которые в той или

иной степени соответствовали роду работы заключенных. Не была еще одна условность — лагерные пункты обозначались цифрами, соответствующими километровому расстоянию либо от Потиби, либо от Победино, либо также по железодорожной линии Оха — Катангли. Поэтому неудивительно будет, если последующие исследователи и журналисты назовут лагерные пункты на Сахалине несколько иначе.

Итак, попытаемся впервые дать дислокацию лагпунктов и подразделений стройки N506 на начало 50-х годов: г. Оха — «строительный и контрагентский»; ст. Капник — «участок эксплуатации ж/д»; Восточно-Эхаби — «дом матери и ребенка» (женский лагпункт), а также «лесоразработка» и «участок эксплуатации ж/д»; р. Эрри — «трассовый»; р. Сабо — «участок строительства нефтепровода»; р. Кыдаланья — «участок добычи камня», «участок строительства нефтепровода»; р. Паромай — «участок строительства головного узла нефтепровода», «контрагентский»; р. Пильтун — «лесоразработка»; р. Гаромай — «участок балластировки пути»; п. Моксальво — «контрагентский»; 7-е озеро — «контрагентский», «участок строительства нефтепровода»; п. Ноглики — «общий» и «участок балластировки пути»; р. Аксай — «участок балластировки пути»; ст. Тапауна — «участок балластировки пути»; р. М. Вени — «участок балластировки пути»; порт Чемерни — «2 участок ж/д строительства»; ст. Имчины — «лесоразработка»; п. Катангли — «контрагентский»; порт Моль — «лесозаготовка»; лагпункт N101 — в районе ст. Победино; N102 — район разъезда Ю. Хандаса; N103 — район разъезда Слива; N104 — центральный штрафной пункт и N105 — район разъезда Хандаса; N107 — район разъезда Тоулан; N108 — район ст. Оноры; N109 — женский лагпункт в районе ст. Лангри; N110 — район ст. Оноры; NN 201,208 — С. Воскресеновка; N202 — 216 км ж/д в районе ст. Тымовская; NN 203,209 — р. Белая в районе ст. Палево; N204 — 238 км ж/д в районе разъезда Палево; N205 — район ст. Тымовская; N206 — строгого режима — 229 км ж/д в районе разъезда Кировский; N210 — район разъезда Усково; N212 — п. Нижний Армудан; N213 — свинохоз «Свиновод»; N105 — район ст. Палево; N207 — ст. Тымовская; N301 — 176 м ж/д в районе ст. Адо-Тымово; N302 — 156 км ж/д в районе ст. Альба; NN 304,305 — 129 км ж/д в районе ст. Ныш; N306 — 114 км ж/д в районе разъезда Лебединый; лазер на 150 коек находился в п. Арково.

Всего на 1 апреля 1952 года в Сахалинском лагере находилось 12684 заключенных.

По характеру обвинений заключенные делились: «шпионы, изменники Родины» — 9,3%; «другие контрреволюционные преступления» — 3,5%; «расхитители социалистической собственности» — 2,5%; осужденные по Указу Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года, известного в народе как указ «колосах» — 60%; бандитизм, разбой, грабеж — 3%; прочие преступления — 21,7%.

В постановлении Совмина о строительстве отмечалось: «...отправку заключенных на Сахалин произвести только годных к

тяжелому физическому труду в суровых климатических условиях». Наверное этим можно объяснить молодой возраст заключенных: от 18 до 25 — 43,5%, от 25 до 35 лет — 33,5%.

По срокам осуждения заключенные делились: до года — 0,5%; от 1 года до 3 лет — 3,5%; от 3 до 5 — 12%; от 5 до 10 — 49,3%; от 10 до 15 — 23,4%; от 15 до 20 — 5,3%; от 20 до 25 — 6%.

«...Всех этих людей, — отмечал начальник управления ИТЛ и строительства N506 МВД СССР полковник внутренней службы Н.Потемкин, — руководитель лагеря, как хороший продавец, должен разложить по полочкам, чтобы не смешивать ваксу сапожную и халву, варенье и деготь... с учетом всех особенностей контингента, разместить его, создать необходимые режимные условия и использовать на работе.»

Однако, как свидетельствуют архивные документы, на практике получалось далеко не так. Поэтому в ИТЛ существовала борьба враждующих групп, процветал лагерный бандитизм, жертвами которого становилась часть заключенных.

Пряник и кнут

В постановлении Совмина говорилось также о важности стройки и о льготах сотрудникам, инженерам, техникам, охране и заключенным. Воспроизведем некоторые из них:

— производить хорошо работающим заключенным зачеты рабочих дней: день работы — «три дня срока»;

— распространять на всех работников, занятых на строительстве, льготы БАМа;

— освободить от призыва в Советскую Армию на период строительства ж/д весь инженерно-технический состав.

Но, как свидетельствуют архивные документы, эти льготы «не срабатывали». Даже льготный зачет — день за три — не вдохновлял заключенных на тяжелый физический труд. Слособствовали этому и тяжелые бытовые условия. «Жилье и лечебные помещения, — говорится в объяснительной записке к отчету ИТЛ за 1951 год, — представляют из себя, преимущественно, жилые бараки, рубленые, каркасно-засыпные, частично — полуzemлянки... брезентовые палатки, утепленные помещения из жердей, фанеры и землянки...» Жилые помещения, как правило, оборудовались сплошными одноярусными, а чаще — двухярусными нарами.

Мужским обмундированием контингент заключенных был обеспечен полностью. Женским, кроме теплых вещей, на 50 процентов. Кроме того не хватало столов для приема пищи, табуреток, вешалок, умывальников и т.д.

Рыба гниет с головы

Сегодня нередко можно услышать, что вот-де при Сталине был порядок. Так ли это? Можно ли произвол, беззаконие, наути и, наконец, казнь миллионов наших соотечественников назвать порядком? Конечно нет.

Казалось бы в Сахалинской области, на объекте, созданном по прямому указанию Сталина, должен был быть порядок. Но обра-

тимся к фактам. Зам. начальника управления Сахалинского ИТЛ МВД СССР подполковник Крылов в конце 1953 года сообщал, что ИТЛ обслуживают 3056 человек, в том числе — лагерный сектор 2179 человек. По образованию кадры делятся: с высшим и н/в — 113 человек, со средним — 379, с незаконченным средним — 1331, с низшим образованием — 1233 человека. «Хронический некомплект начальствующего состава (253 чел.) крайне отрицательно отражается на воспитании личного состава ВСО, на охране, режиме и воспитании заключенных». Наверное, кадровик покривил совестью, указав только «хронический некомплект». Абсолютное большинство руководящих кадров имело незаконченное среднее и низшее образование. Уже только по этому можно представить уровень «воспитательной» работы в ИТЛ и на стройке N506.

Особенно неудовлетворительно комплектовались кадрами производственные сектора. Во многих лагерных подразделениях должности прорабов, десятников, экономистов, нормировщиков, бухгалтеров занимали либо практики с низшим образованием, либо заключенные, тоже с низшим образованием, либо бывшие заключенные уже отбывшие свой срок.

Часть работников, как по линии ГУЛАГа так и ИТЛ МВД СССР, как отмечается в документах, направлялась в Сахалинскую область без достаточной проверки их личных качеств. Хотя руководство принимало меры по очищению кадров от лиц морально разложившихся, негодных по своим деловым качествам, имевшим серьезные компроматериалы, тем не менее такая практика продолжала существовать. Очевидно руководству МВД СССР было выгодно иметь в ИТЛ кадры, которые бы бездумно подчинялись директивам сверху.

В марте 1953 года умер Сталин. Его смерть поставила точку на незавершенной стройке. Так называемый «штаб» очень спешно ликвидировал все дело, хотя до завершения и пуска дороги оставалось всего два года. В результате скоропалительной апрельской амнистии 1953 года число заключенных сократилось до 3,5 тыс. человек. Большая их часть, по распоряжению ГУЛАГа, направлялась в «распоряжение Дальнстроя». Стойка N506 была заброшена. Опустели бараки, землянки, плацы, огороженные колючей проволокой. Все это больше походило на бегство. Колossalные средства, подневольный труд наших соотечественников были затрачены впустую. Уроки истории, уроки насилиственной колонизации острова Сахалин ничему не научили.

...Прошли десятилетия. О 506-й стройке не забыли, хотя говорить об этом было не принято. Да и где можно было узнать обо всем этом? Архивы, публицистика, литература — безмолвствовали. Остатки лагерных сооружений, мостов, насыпей, бараков и землянок кое-где сохранились и в наше время, напоминая об адовой и бессмысленной стройке. Другой финал этого подневольного труда трудно представить...

Юрий МАНОВ:

«ЭТО БЫЛО ХУЖЕ, ЧЕМ НА ЗОНЕ...» БАМ ВОСЬМИДЕСЯТЫХ

С сержантом запаса
Юрием МАНОВЫМ беседует
корреспондент «КАРТЫ»
Сергей РОМАНОВ

— Ты помнишь как лично для тебя начали БАМ? Когда в твою жизнь вошло это понятие?

Юнико. Это было в школе, в десятом классе. Нам дали три темы на ровновском сочинении: первая, что-то дебильное, вторая — по «Малой земле», третья — комсомольские стройки, в скобочках — БАМ и т.д. Большинство писало «Малую землю» — меньше четверти не ставили, считалось что советский школьник не может знать на тройку книгу Л.И. Кожаленю, я «Малую землю» не читал вообще...

— К сожалению?

— Да, потому что сейчас как-то уже даже интересно... Ну так вот, взял я стройки, БАМ концепцию, потому что эпиграф хороший знал: «Веселей, ребята, выпадо нам строить путь железный, а короче БАМ» и так далее — песня была такая. И вот значит, я написал: комсомольцы, ударники в голубых костюмах прямо со съезда ВЛКСМ... Короче говоря, написал, получил пятерку (за тему — пять, за грамотность — четыре) и думать не думал, конечно, что когда-нибудь этот БАМ увижу воочию. Но пришлось...

В 81-м призвали в армию. Сначала попал в «учебку» сержантскую, в Дзержинск под Горьким, получил лычки и был отправлен на «стройку века». Первое впечатление... Трудно, конечно, сейчас вычленить впечатления тех лет. И все-таки, первое впечатление было такое — Господи! За что же меня сюда запина-

ли?! Мороз, бескорынца и дедовщина — полный набор...

Для меня это был первый серьезный удар по мировоззрению. По телевизору ведь говорили показывали: комсомольская ударная стройка, вертолеты, красивые парни в касках и т.п. А что на самом деле? На самом деле там был мрак! Западный БАМ строили гражданские, мы называли их «бичи», — это участок, куда еще более-менее можно было посыпать людей (и где можно было заработать). Восточный же БАМ строили зэки-лагерники и солдаты. Причем на самых трудных участках именно солдаты, потому что зэки еще могли не выйти на работу, отказаться, им терять уже нечего, а солдаты... попробуй. На Восточном были лагеря, были «столыпины», но мы — желдорвойска, с этим ис со-прикасалась. Нам запрещалось. Но ребята ездили, видели и лесоповал и вынуж с пулеметами.

Сейчас я считаю, что социалистическое государство того типа, в котором мы жили, не может обойтись без лагерей в принципе. Будь то сталинские лагеря, будь то современные, будь то армия, в которой мы служили. Потому что именно в армии я узнал, что такое лагерь.

Законы все у нас были именно лагерные. Система такая: у них — «вор в законе», у нас — «дед-авторитет». Не было сержантов, старшины, была группа «дедов», которые «правили закон». Они казнили и миловали. Не знаю, где-то может быть и придерживались армейских законов, устава, но у нас был беспредел. Как «дед» сказал, так и должно быть. Молодые солдаты были низведены до ранга «мужиков» на зоне. С той лишь разницей,

что если «мужик» нормально работает, его не трогают, а «молодого» все равно все бьют и гоняют...

Я всего полгода был «молодым» — после «учебки», и несмотря на лычки свое получили... Изdevались, цинные вицы отнимали, перевод получили — могут отнять. Премию за работу получишь — обязательно «старики» отнимут — это сто процентов. Уже знали кто у кого отирает. Когда год отслужишь, не-много полегче, но все равно не жизнь.

— В чем же выражалось это «полегче»?

— Ну, во-первых, тебя не бьют. Год отслужил ты — «фазан», значит должен «молодых» гонять, чтобы порядок был, чтоб не жаловались и т.д. И при случае даже бить их, но вообще-то бить имели право только «старики». Человек пять-шесть из роты могли быть, а кто не хотел... сам мог получить. Все как у зэков. Я бить не мог, мерзко это... и потому никогда «в авторитете» не был.

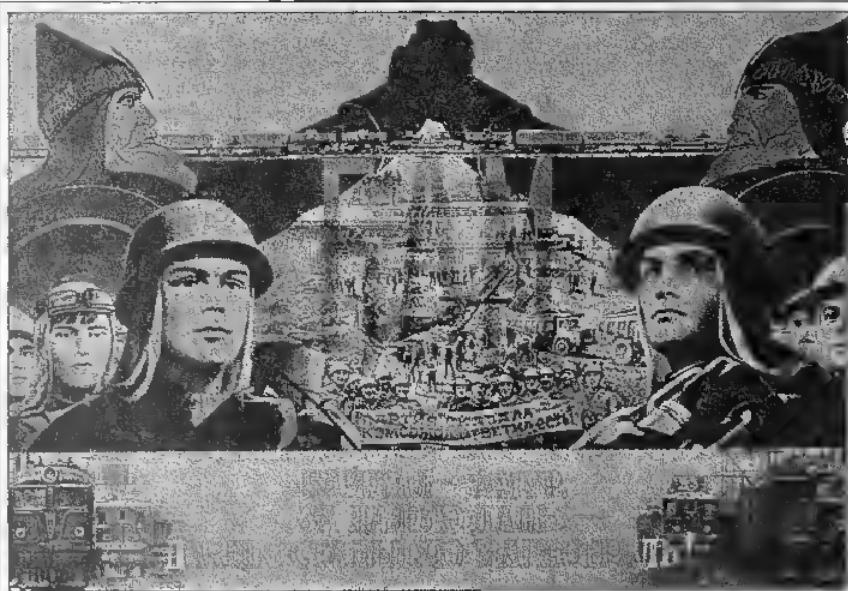
Во-вторых, появляются маленькие радости: можно ушивать форму, можно бляху сшить и, самое главное, разрешилось «сообщажать». Вышивка считалась большим счастьем. Потому что холодно и, вообще, если человек идет пыльный, значит имеет уважение, некий, так сказать, статус.

Еще — можно было сделать паколки. Если хочешь, конечно. У нас такая была популярна, на ногах: «Они топтали БАМ.» (Заковчила везд...) Кроме этого, в нашем батальоне большинством развлечением считалась поездка к корейцам.

— Каких корейцев?

— Да рядом с нами — километров пятьдесят — стояли корейцы. Трудовая армия. У нас два года, у них — три. Пилили лес для себя. Стволы в Корею, а верхушки оставались, нам очень выгодно, — готовые дрова. Ну и мясная торговля была. Корейцы давали нам водку с корнем, раз; очень хорошо у нас были газовые зажигалки, это сейчас они везде навалены, а тогда был шик! — два и еще шариковые ручки, три. А мы им возили сапоги резиновые маленьких размеров; почему-то они любили полосатые матрасы — на «ура» пили — и собак, разумеется. Они всех собак поели в округе. Всех. Помню у зампотеха утащили овчарку, козел он был, и вот в отместку... Да! Еще корейцы обожали витамины. Они у них от всех болезней были, начиная от зубов и кончая беременностью...

Когда я первый раз попал к ним, многое поразило. Старшинство у них — по портрету Ким-Ир-Сена. У сержанта побольше, у капитана совсем большой товарищ Ким-Ир-Сен и плюс четыре кармана. Хлеба нет — рисовые пирожки, клейкие такие, суп типа нашего харчо. Когда все поели, остатки из мисок дежурный сливал опять в бачок и на раздачу. Жили они в вагончиках. В дверях глазки, но не наружу, как у нас, а внутрь. Ночью дежур-

ный ходит, смотрит, что внутри делается. Но само главное — палочные наказания. Утром на разводе объявляется, кто провинился и сколько ударов: пять, десять и т.д. Названные бегом (?) к палачу-экзекутору. Тот их раскладывает, расписывается почему-то в какой-то бумажке, и кому по списку, кому по здешне... В основном, по спине. После этого бегом, бегом на работу, потому что за опоздание могут вновь наказать...

Посмотрел я на все это и думано: мы тоже недалко ушли. Здесь было официально, перед строем, а у нас втихую мордуют...

— Ну а вы как жили, где спали, что ели?

— Да, жизнеобеспечение было главным нашим делом. Особенно в зимнее время. Зимой до минус пятидесяти доходило, А снега мало. И снег не липкий — плохой снег. Это 1-го мая два года подряд — слепогнал, да такой, что бульдозеры расчищали, вытиг головы. Летом — до плюс сорока. Жарища! И мари вокруг. А мэр — это гибель. Вечная мерзлота, все пытает, ни стать, ни лечь...

Жили мы в палатках. Палатка — это такой сруб-остов из жердей, длиной метров восемь и шириной метра четыре. Без крыши. На него натягивается армейская палатка. Внутри ставят так называемый «дизель» — печку из железной бочки. От нее идет так называемый «кардан» — желчная труба вдоль по проходу до кирпичного стояка, который и выходит через брезентовую крышу. Стояк обычно без заслонок. Топили сухой лиственницей. Дрова для «молодых» были самыми суровыми испытанием.

...Идешь с пилой в тайгу, и хорошо, если близко. Валишь стволы, пилишь их на чурбаки, затем на плечах сносишь в одно место. Вечером подъезжает машина, тогда грунтуй, а в батальон разгружается. Это было очень тяжело...

После дров — вода. С водой так. «Зилок», на нем бочка-боловозка. Летом из речки или из скважины. А зимой, двигатели бензиновые да с водяным охлаждением, в основном — стоят. Тогда берешь бумажные мешки или ведра здоровенные и на речку с топором. Рубишь — колени лед, потом топишь — вот питьевая вода. Когда баня — умрешь пока натаскаешь, очень много нужно льда. Поэтому с боями были перебои. Отсюда — вина, и никто этому не удивлялся... Кроватей не хватало. Спали в две смены. Кровати в два яруса, а когда прибываются народ, то и в три яруса ставили. И все равно не хватало. Спали под кроватями и в проходах. Спали, конечно, не раздеваясь. Мерзко все было... Особенно когда бескорыстия...

С едой из БАМа было очень плохо, и, в принципе, нововсеместно. Все зависело о начальника. Стравились туда самого крутого поставить, который ничего не боялся. Но и у такого все равно педостави, потому что воруют везде, на всех уровнях. Пока дойдет продукт до батальона... Тогда начальник действует просто — меньше выдает и все. И в первую очередь отзывалось на «молодых». Например, «деды» частенько кашу не ели, особенно утром, и поэтому ее совсем не готовили. А масла «молодые» вообще не видели, масло только «стариков». Хлеба ис хватало. Утром два стандартных кусочка, в обед два и на ужин тоже два. Утром, правда, полагалася еще кусочек белого. Вот такая была порта на БАМе. Зимой хлеб мерзлый, его пиливать приходи-

лось. Оттаешь чуть и пилишь натуральной пилой. Ни и на такой «деды» нажимали, когда первое и второе отказывались есть, поэтому «молодым» зачастую вообще хлеба не доставалось. Бывали случаи, что ребята по-настоящему голодали. Перебивались, кто как мог. Кому земляк поможет, кого в наряд на кухню пошлют — сворует... В общем, выкручивались...

— Может быть летом был какой-нибудь приварок?

— А какой приварок? Тайга ведь. Единственное — голубика, да клюква еще. Этого добра много, ведрами собирали. Полгаса — ведро. Офицеры посыпали солдат для себя, для семьи, заготавливать. Ружей не было. Офицеры, правда, охотились для себя... Так что приварка никакого.

И воровство... везде. Первое время, когда я пришел, вроде были еще какие-то законы. Считалось, например, что красть из карманов — нельзя. А потом как-то вроде и нормально стало.. Воровали старшины, воровали у старшин — на пропой. Поэтому я ни разу не видел, чтобы кому-то выдали новые валенки или сапоги, особенно если ты «молодой». Обязательно старые и грязные. Конечно, если ты «авторитет», ты мог сказать старшине: иди! И, будь спокоен, он тебе найдет и привнесет. Сам. А если видят — «ухаха» — конечно ничего тебе не будет. Это была система и закон: право сильного всегда праве. И никому не пожалуешься. Бригадному начальству главное, чтобы не убили никого, чтобы сводки были «чистые». Система была — все втихаря, и чтобы побыстрей побыстрей все кончилось. Офицеры — побыстрей перевестись, «бичи» — побыстрей машину взять и уехать, солдаты — побыстрей «дембель». А БАМ, как дурной сон. Тотальная идеология временщиков...

— Бегали от такой жизни ребята?

— Конечно! Но тут одна тонкость есть. Побег как можно обнаружить? На поверхке. А у нас, помимо, поверхки вечерней не было с полгода. Да и потом, когда новый наштаб прибыл, раз в неделю делали, «Деды» все знали так. Приезжал командир из поселка, с центральной базы: «Как, все нормально?» Главный «авторитет» роты: «Все нормально. Все на месте.» Так что, порой, любят «молодого» за то, что, скажем, норму дров не напили, удастся им почить в баге, а официальную сего только через пединю хватится. Некоторых в самой Тынде из лифта вынимали...

— Из какого лифта?

— Ну. Тында же столицей БАМа считалась. Там дома девятиэтажные. Вот в пакете лифта один и прижался. Украл костюм спортивный, что-то подработает, что-то с помском подберет... Через четыре месяца его поймали. А некоторые уходили на Ургал. Его ищут на Дюнкун, а он на Севгаван подался. Справились: «Чего туда пошел?» «А куда мне теперь идти?»

Идти и правда было некуда, но все равно убегали, а их ловили, били... Убежавший считался вроде «чмо», то есть, не человека. Но некоторых прощали.

— Кто прощал?

— Свой призыв прощал. Иногда. А так — беглец конченый человек...

— Напрашивается естественный вопрос, а что же офицеры? Как они на все это смотрели?

Сержант железнодорожных войск Юрий МАНОВ. 1983 год.

ФОТОАРХИВ «КАРГИ»

— Офицеры... всякие были офицеры. Были, конечно, кто видел и чувствовал дикость такой жизни. Один мне говорил: «Этот дебилизм меня убивает!» Но и он мечтал об одном: поскорее убраться с БАМа в Киев. Ему обещали.

Был еще один начальник. Приехал свежий, из Союза. (У нас Европа за Уралом называлась Союз, а БАМ это БАМ.) Пытаялся он что-то сделать... Ходил по палаткам, требовал, чтобы у всех кровати были. При нем оружие привезли — как же солдат без оружия? — мы разок постреляли. Правда, потом «молодым» пришлося оружейный домик строить. В итоге заперли там автоматы и поставили одного грузила охранять. Вот и ходил тот кругом, чтобы лампочку над дверью не выкинули... Да, хотелось тому начальнику наш мрак переломить, чтобы хоть как-то по установе жили. Собирали и сержантов и офицеров, говорили... Но мы все были уже пессимисты. Все это попытки упирались в одну-единственную общую мысль-желание: побыстрей, побыстрей, побыстрей!

— с этого чертова БАМА вырваться... У офицеров в общем-то тоже была сочная жизнь. Получали они, со всеми северными пакетками, в итоге меньше, чем гражданские контрактники. А это, кстати, на Восточном БАМе были, в основном, солдаты, которые отслужили два года, оставались. И если это был специалист по технике, то за три года он мог взять «Жигули» и уехать. А некоторые записывались и на «Волгу». Каково кадровому офицеру на это было смотреть? А быт? Ни телевизора, ни жены, газеты не привозят, книг нет... Тайга, комары и армейская лягушка. Вот и сливались. На БАМе продавали спирт питьевой. Сипил этикетка, десять рублей бутылка. А не было сирвы. шили олеколон. И солдаты и офицеры. Если кадровый офицер давал слабинку, ему солдаты могли и морду набить. Были у нас случаи — изби-

вали офицеров. А если он жаловался начальству, то оно ему же еще и добавляло, по-своему, конечно. Потому что начальству совершили это не пожало — выносить сор из избы.

Когда я пришел, закон у нас был очень простой: офицер — твой раб: на офицера можно «стучать», на своего солдата, особенно на «деда» — никогда! За эти стукачии «опускали», как на зоне, то есть, насиливали...

Потом я понял, что все сложнее и пришел к такому выводу: несмотря на то, что суть девицыны — культу кулака — иногда и против них лично оборачивалась, им такая система была выгодна! Им были выгодны такие условия, в которых солдат советской армии превращался в раба: боялся, работал и не смел покинуть. И мы это все было настроено и все построено на этом. Абсолютное большинство офицеров девицыну поддерживало. Дай план, а какими методами «деды» его будут — наиславать. Но при этом, чтобы все было тихо.

— А действительно, как вы собственно работали, как выполняли эти планы?

Еще раз повторю, главное для нас была не трасса, главное — жизнеобеспечение самих себя. Поэтому вся эта работа, все эти планы — все это дутое, лживое... За два года наш батальон километров шесть насыпь сделал, да и то, когда я уходил, так шестой и не сдали...

Было нас там несколько бригад железнодорожных войск. Выше — дивизия. Начальство сидело в Тынде, а батальоны, естественно, в тайге. Батальон — пять рот. Первая и вторая — бульдозеры, экскаваторы, третья — автомобилизация четвертая — эксплуатационная, обеспечивавшая первые три горючим и изюном, питаю — ремонтная. В каждой линейной роте по 50-60 человек, но на самом деле — человек 20-30. Остальные — больные, в командировках и в бегах, то есть не комплект около половины.

Техника самая обычная — «Крацы», «Татры». Вездеходов не давали. Единственное, что работало стабильно, это «Магиры», западногерманские самосвалы с воздушным

охлаждением двигателя. Их для Африки делали, но там они не попали, а на БАМе — пошли. Еще хорошие были бульдозеры японские — «Комацу» и американские «Катерпиллеры», и краны гидравлические японские — «Като».

Роты забрасывали километров за 200 от батальона, от базы. Там были склады, скотина — хлеб возили оттуда. В батальоне был клуб, магазинчик. Если деньги есть, можно было купить хотя бы того же печенья и не чувствовать голода, короче говоря — оазис. Поэтому все стремились попасть в батальон любой ценой. В конечном счете все хитрые и блестящие там оказывались...

Утром развод. Ротный выходит, рота, я уже говорил, человек 30. Двое на экскаваторе: «дед»-техник и «молодой» — в «шестерках». Двое — на бульдозер по той же схеме. Одни начальник смены наряды пишет, нормы учтывать и прочее. Ну, может быть, кому-нибудь еще на ГСМ пошлият, то есть на зашивку. Остальные: дровяная бригада, водяная-ледянная бригада, бригада на уборку, бригада на кухню, вот и все,

— Значит пять человек работают на трассе, а остальные двадцать пять...

Да. Работают непосредственно на БАМ человек семь-восемь, а остальные — жизнеобеспечение! А летом и того хуже. Вечная мерзлота тает, дороги плынут, значит на лежневку. Нижи стволы и укладывай в мэр, чтобы хоть как-то можно было ездить. Страшно тяжелая работа...

Мы делали насыпь. Из карьера, что за-кладывали взрывники — это тоже первая рота — группой экскаватором на самосвал и отвозят в насыпь. Конечно гробились техники очень много. Учились на ходу, затраты были большие. Это платить не надо. Работали ведь бесплатно, как скоты, в две смены. И попробуй не выйди... Естественно все ловчили. Какая там норма! Скажем надо за смену 10 машин группа вывезти. Скажешь нарядчику — заняши мис 13, я тебе банку сгущенки дам. И запишет за милую душу! Я работал бульдозеристом. Вот ночная смена отработала,

ла, грунт вывезли, а бульдозер у них стоял. Будут менять — ты поеди по кучам сверху, чтобы когда нарядчик придет нельзя было сосчитать точно... И запишут сколько надо. Все было дутое... Ведь сколько ни сделай, все равно ничего не получится...

За нами шел путекладчик — трактор Т-100 с решеткой, которая кладет рельсы. Затем солдаты — «желдорбеки» — подходят, берут «крокодила» — большую такую — клем-щипы, раскачивают и сбивают рельсу, чтобы она дошла, потом свинчивают. Все это вручную конечно.

При мне была еще традиция — с путекладчика ничего не воровать. А вообще воровали — страшно! Если трактор, или «Магиры», не дай бог, останутся на какое-то время без присмотра, все ценные с них будет снято — это закон. Но к концу моего срока и с путекладчиков тоже все стали тащить...

Вот так и работали. Главное не норма, а чтобы технику не побить, и чтоб не придавило кого-нибудь... А техники там извелго — жутко! А еще больше исковеркали людских душ, психики, судеб. Много у нас было смертей... Кого задавят, кого на барабан памотает, кого бревном заламбят... Но я считаю, что смерти эти даже не так страшны, как постоянное калечение людей. Сломанная челюсть у нас с группой считалась. Избивали до инвалидности. На всю жизнь. И все молчали. Упал — и все. А скажешь, пожалуйшись — тоже все. После этого ты — стукач. А стукач, как на зоне — опускали. Гомосеками делили. Насиливали их и потом заставляли выполнять самую грязную работу...

Были и убийства. Были — зна — случали, когда и «дедов» хлопали... Пропал человек. Кула пропал? Да на пытку пошел. А потом где-нибудь находят труп. Все было как на зоне... Только на зоне сидят за преступление, по суду, а тут за что? Человек, который по Конституции идет запинать Родину, в форме, с весенним билетом понадает в цинизм, лицемерие, насилие! Это было хуже, чем на зоне...

Рязань

«Едем на БАМ!»

ФОТО В. ПОРОШКОВА

Отряд МИИТа на БАМе

ФОТО А. ФЕДОТОВА

Информационно-аналитический бюллетень «Права человека в Украине» — издание, созданное по инициативе Украинско-Американского Бюро защиты прав человека совместно с Харьковской правозащитной группой.

Основные цели издания:
налаживание действенного диалога в украинском обществе по вопросам правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности; правовое просветительство как неотъемлемый фактор демократического развития общества; формирование сознательного отношения к правам человека. Издатели намереваются опираться на международный опыт, в частности, тех стран, которые несколько опережают Украину в процессе освобождения от тоталитарного прошлого.

В бюллетене также публикуются материалы, касающиеся исторического аспекта правозащиты на Украине.

В сегодняшнем номере «Карты» мы представляем материалы члена редколлегии «Прав человека в Украине» Семена ГЛУЗМАНА (в рубрике «Судьбы столетия») и главного редактора украинского бюллетеня ЕВГЕНИЯ ЗАХАРОВА (в рубрике «История инакомыслия»).

Заказать бюллетень можно по адресам: 254210, Украина, Киев-210, а/я 336/3, Украинско-Американское Бюро защиты прав человека.

310002, Украина, Харьков-2, а/я 10430, Харьковская правозащитная группа.

Семен Глузман

Крестьянин, сын крестьянина Письмо датчанке

Здравствуйте, милая Герда! Ваше доброе, тонкое письмо было для меня праздником. В снегу, в стуже, в концлагерной зиме моей Вы сумели преподнести мне самый изысканный и ценный подарок — человеческую память. Почти фантастика: диалог, пусть и краткий, между Данией, Европой 1976 года, и... противостоящим атавизмом «пермского периода»...

Господи! Как же это хорошо жить; хотя бы для того, чтобы получать такие письма! Для меня Вы — загадочная незнакомка. Ничего не знаю о Вас, мало — о Дании. А может, это Оле-Лукойе раскрыл надо мною зоитик со сказочными снами? ...Увы, лагерь — не сон, а если и сон, то весьма нерадостный.

Несколько дней я хранил письмо, потом скаж — это также не сон. Я — слабый графолог, но поверьте, имей я возможность увидеть оригинал Вашего письма, воображение помогло бы мне представить Вас, услышать голос Ваш. Но где он, оригинал... письмо пришло ко мне отнюдь не почтой, а, как Вы пожелали, иной дорогой, в переводе и записи моих друзей. Спасибо Вам, Герда, за мудрость Вашу. В одном Вы не правы: мы живем здесь не будущим. Не ожиданием грядущего счастья, грядущей воли. Мы живем здесь истиной. Добром, памятью о близких и всем тем, что Вы называете «концлагерным кошмаром». Да, наши будни можно назвать и так. Но я предпочитаю другой термин: рабочие будни. Истине надо служить, украшенными у дня дневными часами, потаенными мыслями в бессонные минуты ночи, служить сопротивлением.

Жизнь не бессмысленна, когда сопротивление — работа, добровольный труд. А потом к этому привыкаешь, и кошмар исчезает. Вы задали мне много вопросов, слишком много. Здесь, в лагере, я не сумею ответить на них, для этого необходимо отстраниться от всего, что является сегодня моей жизнью. Увы, недоступная роскошь.

«Сидеть» — сегодня моя работа, как была раньше — лечить, и от «сидения» этого отстраниться я не могу. В нем мое «я». А ме-

лочи, быть — их Вы знаете, пусть и не в полном объеме, из газет, радио... Стоит ли повторять то, что у Вас, в Дании не является секретом.

Смысл вашего письма — в памяти, так я его понял. Не знаю, почему Вы выбрали именно меня... Я увидел в Вашем письме память о том, что мир сегодня несовершенен, и Добро, которого не так уж много на Земле, распределено неравномерно. И мы здесь, как Вы пишете, «обделены им особенно». Не знаю, счастлив ли кто-нибудь из моих товарищей. Говорить о счастье в концлагере, думаю, кощунство. Пожалуй, счастья мы все-таки лишены (его нет в «перечне предметов, разрешенных к пользованию заключенными»), но одного не сумели лишил нас, несмотря на все параграфы, статьи и инструкции — индивидуальности. «Потерять себя» (так Вы пишете) действительно страшно; в наших условиях это означает потерять прошлое, друзей, мораль. Потерять Бога. И ничего не приобрести взамен, если не считать приобретением биологическое существование на весьма посредственном уровне, с ненавистью к людям, неверием в осмысленность таких понятий, как родина, любовь, справедливость... (И все же, как хочется иногда самой ординарной человеческой пищи, обыкновенного хлеба...)

Я многого не знал раньше. Врач, психиатр, я работал с людьми, изучал их, лечил — и не знал их. Мое знание человека было книжным, книжной была вера в него. Работа психиатра — это и грязь. Сейчас я знаю: мир человеческий оказался грязнее, гнуснее. Но я не потерял веру в человека, я увидел рядом с собой действительную мудрость, действительную духовность, действительную чистоту, которые, я полагаю, не по силам Прометею.

Здесь, в аду, я встретил Сизифов, беспрестанно закатывающих на высоту свой тяжкий камень. Мудрых и стойких, как у Альбера Камю. Сизифа определяет не подвиг, а время после него. Когда появляется сознание недостижимости конкретной цели, сознание, что жертва была

Напрасной: мир остался прежним. Аффект, усилие, одержимость — все это доступно и Прометею. Здесь я увидел Сизифа, добровольно возвращающегося к своему камню. «Сегодня — мрак. И я вновь возвращаюсь за камнем, возвращаюсь, хотя за этим последует новый мрак. И никто не узнает о моем камне. Я жив; и закатываю камень. Конца этому нет». А рядом свет: сырость, тепло, возможно, любовь...

Я не философствую, Герда, я пытаюсь объяснить себе мужество человека, о котором буду писать. Хочу понять его основу. Об этом не спросишь... Он — латыш. О себе рассказывает не очень охотно. Односложные ответы — все, что я смог получить от него. В этом и скромность, и плохое знание русского языка (а по-латышски не говорю я). Но есть еще вместе прожитые годы за колючей проволокой, где не скроешь ни от кого ни минутной тоски, ни злобы, ни трусости. Три года я знаю Иварса Грабанса, молчаливого, немолодого человека, избегающего эффектных дел и эффектных слов, крестьянина, лютеранина, патриота.

Он родился на хуторе, где жили его деды, где узнал он о Боге, родине, справедливости. Ходил в школу, пас коров, учился уважать землю. Двадцать гектаров земли, согласитесь, не так уж много, если в семье твоей — отец, мать и трое братьев. Изо дня в день, из года в год приобщался он к священному ремеслу землепашца, которое, на мой взгляд, сродни деяниям Бога в Первую Неделю.

Можно читать газеты, знать

об окружности Земли, по воскресеньям посещать церковь, но все же место, где лежат твои деды и где будешь когда-то лежать ты сам, где знаком нащупь каждый камень, где и ночью обойдешь без света любой куст, любую впадину, — это место не может быть просто «недвижимостью» или химической формулой кремнезема, глины и прочих субстанций. Если ты крестьянин, и день твой не мыслится без труда, то в отношении к земле есть и языческое. Это — твоя земля.

Любил ли Иварс свою землю? Не думаю. Любовь проявляется, когда думаешь о потере, разлуке. Она немыслима без ревности. Здесь, думаю, было иное. Земля, где ты вырос, где узнал солнце, слезы, ласку, должна ощущаться, как собственное тело. Земля для крестьянина, как и тело — его «я». Меняющаяся, как и тело, она воспринимается естественно, как и данные отцами Бог и язык. Ежегодные, извечно повторяющиеся ритуалы крестьянского труда, молитвы об урожае, дожде, мире делают твою жизнь такой же понятной и осмысленной, как и полуденный пот в августе, как отел в хлеву и свадьба старшего брата.

Он родился латышом в Латвии. Не знал другого языка, не представлял для себя другой жизни. Сын крестьянина, он видел свое будущее так же, как и большинство крестьянских парней в Латвии (да и где угодно), — в трудах, в семье. Бог — не абстракция восхесных молитв и проповедей, он в примере жизни отца и матери, в размеренном укладе семьи, в понятной морали труженика и гражданина. А Родина — она даже не вся Латвия, она — твой дом, хутор, соседская дочь, поля вокруг, море в сотне километров, могилы у церкви и твой язык. И даже в тех, почти кощунственных, мыслях подростка, что Бог — тоже латыш...

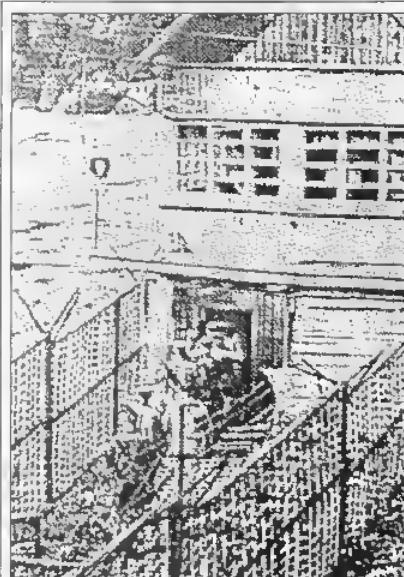
Я не идеализирую незнакомое мне прошлое человека в незнакомой стране. Труд землепашца, свободный и тяжкий, изведен, как и его мораль, его Бог, а языческое в них от близости к таинству плодородия. Иварс хотел жить крестьянином. Это был его мир на земле его семьи. Не министром, не полководцем, не командиром корабля, только лишь крестьянином... Но и это оказалось неосуществимым. Латыш и лютеранин Иварс Грабанс остался верен Богу и Родине и никогда больше не увидит Латвию.

Я не историк. Трагедия Латвии описана, известна. Судьба

Грабанса — составная часть этой драматической, который год агонии. Здесь я пытаюсь понять жизнь одного человека, найти тот источник, где черпает он силы для сопротивления злу. Мир тогда был ясен и прост. Юность эгоистична, ее не занимают далекие политические катастрофы. Отец Иварса читал газеты, он читал вслух вечерами о нацистской Германии и репрессиях в России, но ведь это так далеко... они не верили, и отец, и соседи... «Это уже слишком... Миллионы репрессированных граждан, тотальная коллективизация, голод, реки крови, выселения, Сибирь... Ну и фантазия у этих газетчиков!» Ведя это казалось таким далеким. У юности свои заботы. А потом умер отец. Земля требовала труда и времени. Тут не до политики. Грабансы никогда не были членами политических партий, ни правых, ни левых. Они знали свой дом, свою землю, свое дело. В этом и только в этом они видели смысл жизни своих дедов и своих детей, правоту прошлого и гарантию будущего.

Но в социальных катаклизмах не бывает посторонних, в 1940 году Грабансов «освободили». Мир, ранее такой знакомый и устойчивый, стал шире и страшнее. Тогда они поверили бы газетам, но тех, прежних газет не стало. Иварс прекрасно помнит этот год исчезающих навсегда соседей, заколоченных домов, пустынных хуторов. Россия оказалась слишком близкой, она принесла страх перед «завтра», разрушение морали, смысла. Подробности этих «капричко» известны. Вы помните, Герда, у Камю: «Я имел время обдумывать все. Лучшее время для раздумий — ночь. А в наших городах и сердцах вот уже три года, как с вашим приходом воцарились ночь. Вот уже три года, как в беспросветной тьме мы с болью думали, и вот теперь истина открылась нам»?

Ночь Грабанса длится и поныне. Истина, открывшаяся ему в 1940 году, горькая и жестокая. Она может быть высказана кратко, недвусмысленно и кратко: «Мы узнали, что иногда, как бы мы ни думали, разум бывает беспылен перед мечом». (Я опять цитирую Альбера Камю, его «Письма к немецкому другу»). Меч «освобождения» разрушил мир латвийского крестьянина. Естественная, выверенная жизнью поколений мораль земли и человека на ней оказалась хрупкой и беспомощной. Иварс не знал политики. Причины и закономерности истории были от него тогда скрыты.

Пермский политлагерь №35.
ФОТО ИЗ АРХИВА Е. САННИКОВОЙ

Семен ГЛУЗМАН.
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

ты, он, крестьянский сын, видел лишь результат, вещественный и запоминающийся в деталях. Первый офорд из латвийских «катричко» занял год. Грабансов «освободили» вторично, уже немцы. Вы знаете роль Германии в прежней истории прибалтов. До 40-го года ее заслуженно не любили. Но офорд 41-го года показался менее страшным; свежа была память, свежи рубцы. Где-то дымили крематории, лилась кровь, а юноша Грабанс сумел избежать участия в бойне двух чуждых ему сил...

... Помилуйте, Герда, я — еврей, мое отношение к нацизму вполне определенное, прах моего деда Абрама Глумзмана в Бабьем Яру тому порукой. Но есть и другой прах, в Сибири, прах тысяч латышей. Прах 40-го года. Я всего лишь объективен. Во время немецкой оккупации Иварс был крестьянином. Он жил на своем хуторе, зная о чужой ему войне, не зная истинных ее причин и целей, не зная о крематориях, загадотрядах и обоянных концлагерях. Он ждал «завтра», в котором не будет ни «освобождений», ни войн, где в мире и повседневных трудах винделась земля Латвии и люди на ней.

В 22 года Иварс увидел: уединенный мирок стабильности и привычного труда последник лет был временным и иллюзорным. Хутор не был отгорожен стеной от большого мира, как и сам Иварс, потомственный землепашец, не был отгорожен от людей с их враждой, жадностью, войнами и политическими интригами. В сорок четвертом году трагедия

Латвии стала трагедией и семьи Грабансов.

К ним вернулась советская власть, нуждавшаяся, в первую очередь, в солдатах. Тридцать парней вызвали в районный центр, но только двое явились на призывающей пункт. Не правда ли, показательные цифры: 2 из 30? Двадцать восемь молодых крестьян ушли с оружием в лес, они слишком хорошо помнили год 1940-й. Они не хотели умирать за Россию. От этого не отмахнешься. Так было: латвийские крестьяне не хотели воевать против Германии, нацистской Германии. Но почему? Все очень просто: они отнюдь не сожалели о близком конце рейха, они предвидели будущее Латвии, они не хотели умирать за Русскую Латвию... И я, иудей, их понимаю: из двух зол не всегда следует выбирать одно. Зло есть зло, и степени сравнения здесь бессмысленны.

Из любой объективно написанной книги по истории Латвии Вы можете узнать, Герда, как осуществлялась там «добровольная колективизация индивидуальных крестьянских хозяйств». Закрывались церкви, истреблялась национальная интеллигенция.

Кровь, страх, неприятие новой власти вынуждали ранее аполитичных латвийских крестьян идти с оружием в лес, прятаться и ждать. И убивать врага: это была война, а на войне убивают. Тысячи мужчин покидали дома, семьи, оставляли неухоженной землю отцов и дедов.

Чего же они ждали, необученные войне крестьяне, с винтовкой и автоматом сопротивляясь танкам и орудиям регулярных частей армии-победительницы?

Я пытаюсь найти здесь «рацио», понять основания для надежды в такой безнадежной ситуации... Они верили, потому что без веры нет жизни. Они видели зло и пытались противостоять ему, и в этом — необыкновенная рациональность Высшего смысла жизни человека, без которой не было бы ни истории, ни самой цивилизации. Они пытались защитить свой дом, свою мораль, детей и землю. Жили в землянках, учились воевать и ждали, ждали...

Это — горькая правда, но это правда. Изо дня в день, в течение нескольких лет радио Запада убеждало их: «Ждите, уже скоро, очень скоро!» Они ждали, Герда, помочь от цивилизованных государств, так много обещавших, так много говоривших устами своих дипломатов о гуманизме, справедливости, демократии...

Их призывали: «Идите в лес, берите оружие, сопротивляйтесь, мы скоро придем к вам на помощь...». И они верили, как только могут верить крестьяне, землей и трудом своим приученные к искренности и содержательности слов, как могут верить люди, далекие от демагогии и двусмысленности политической игры. Их предали, Герда.

Уходя в лес, Иварс впервые взял в руки винтовку. Он учился стрелять, учился убийству, как раньше, в детстве, уходу за землей. С ними боролись регулярные части. Отрезали убитым головы, прогоняли толпы матерей и жен мимо сваленных под заборами трупов, пытали пойманных, арестовывали семьи, разрушали дома... Так погибла мать Иварса, 69-летняя женщина, вынесшая хлеб своим двум сыновьям, прячущимся в лесу. Да, Герда, Вам в это трудно поверить, я понимаю. Но и это — правда. Странная крестьянка, давшая хлеб своим детям, была арестована, она погибла где-то в Сибири, в одном из многочисленных лагерей. Никто не знает сейчас точного дня ее смерти, причины (голод? болезнь? побой? расстрел?). Один этот факт стоит всех моих рассуждений, он ясен и однозначен. Так, Герда, это было.

Двенадцать лет провел Иварс в лесу... Вскоре стало ясно, что Запад не поможет. Советская власть укреплялась, леса прочесывали караулы, исчезали последние надежды. А через границу уже не пройдешь, слишком поздно... Представьте: двенадцать лет звериной жизни в холода и грязи, в изгнании на собственной земле...

Слабые не выдерживали, умирали, сходили с ума, кончали самоубийством, сдавались властям. Сдавались на расстрел или в лагерь. Сдался и брат Иварса, из лагеря он вернулся калекой, всего за три года, сейчас ютится в доме призрения, одинокий и больной. Сдавались не все. Обнищавшие, без веры в чудо, они оставались верны своей земле и Богу. Их предавали друзья и родственники, деморализованные, переполненные страхом за жизнь, ущербную, незавидную, но — жизнь. Их оставалось все меньше. Власти объявили: вышедшим из лесу будет прощение. Иварс остался. Он не верил в прощение без самоуничижения и активного сотрудничества с властями. Он не мог предать свою память, землю, страну. Все эти годы, не имея надежд, он жил памятью. Для сопротивления нужны силы, нужна уверенность, нужен смысл. И этот смысл был,

смысл жизни и сопротивления в разрушенном и растоптанном мире. Его выражают лучше всего слова Камю: «В этом мире есть, во всяком случае, человеческая правда, и наша задача — показать человеку, что он может противостоять судьбе». И силы для этого, нравственные и физические, он черпал в памяти, как у Камю: «Наперекор крикам злобы и зверствам мы старались сберечь в наших сердцах воспоминание о спокойном, беззаботном мире, о заветном холме, об улыбке на милом лице!»

Разум был бессилен перед мечом. Разум справедливости и свободы, но не зоологического выживания в облике гамадрила. Через 12 лет их осталось трое. Это трудно представить: одиночки, двенадцать лет противостоящие гигантской тоталитарной системе. Не сумавшие, не фанатики, обыкновенные, не очень грамотные крестьянские дети, верившие в идеалы отцов, в Бога отцов, в свою землю и язык. Но уже не верящие в Латвию. Они знали: где-то рядом, в соседних лесах, осталось несколько таких же твердых и бескомпромиссных парней, таких же одиноких. В 1956 году Иварс вышел из леса. Вышел, хотя не верил в «прощение»; в дальнейшем сопротивление не было смысла, как и самой жизни. А покончить самоубийством он, христианин, не мог.

...Многие ломались именно тогда, уставшие, разуверившиеся люди, покорившиеся силе, они разоружались и духовно, идя на сотрудничество с новой властью. Их трудно упрекать, и на обочине жизни можно устроить свое маленькое индивидуальное счастье, иметь семью, дом. Они очень не хотели умирать в лагере...

Тогда же, в 56-м, Грабанса вызвали в КГБ. Он отказался «сотрудничать», отказываясь, тем самым, и от гарантии «прощения». В конце допроса ему сказали прямо: «Ты еще попомнишь, мы с тобой еще встретимся». И Грабанс ждал этой встречи. Отказывался «сотрудничать» и ждал. Не женился, не строил дом, не устраивал свое «маленькое счастье». Эти годы, я думаю, были самыми тяжелыми. Его арестовали в 68-м. Они поняли, что Иварс Грабанс не отказывается от своей совести. Этим он был опасен. Процедура была простой: один из агентов «добровольно» написал в КГБ, возбудили дело... и состоялась долгожданная встреча. Ее результат — 15 лет лагеря строгого режима. Теперь Иварс — «бандит» и «из-

менник».

Можно по-разному оценивать человеческую жизнь. Пища, минимальный комфорт, наконец, карьера — эти стимулы и цели ordinary и естественны; в них сегодня если не смысл, то необходимые условия жизни человека традиционной цивилизации. Я уверен в одном: все мы рождаемся не для того, чтобы становиться героями. С точки зрения филистра Грабанс — неудачник. Он не сделал карьеру; в 54 года не имеет своего очага, детей, потерял землю; в доме его отца давно живут чужаки. Он голоден, болен, он — в лагере. И его никогда не пустят назад в Латвию. Он ничего не добился, ничего не изменил... Страшная судьба, незавидная судьба Сизифа, вечно закатывающего свой камень.

Иварс Грабанс, несостоявшийся крестьянин, одинокий, исстрадавшийся, не стал мизантропом. Это удивительно... Трагедия тела не стала трагедией духа. И сегодня его не покидает вера; о себе и своих товарищах он мог бы сказать словами Альбера Камю: «Мы сохраним любовь к человеку в годы трагедии разума и находим в этой любви неиссякаемый источник веры в будущее».

Я ответил, Герда, только на один Ваш вопрос, рассказал об одном человеке, с которым свела меня судьба, только об одном из многих. Я не случайно выбрал Грабанса. Иварс знает, что умереть на земле Латвии ему не сужено. И, если это возможно, он хотел бы умереть в Дании, на Вашей Родине. Сейчас это его единственное желание, может быть, последнее. Вдумайтесь, Герда, в смысл: он мечтает умереть в свободной стране, среди свободных людей. Трагический смысл.

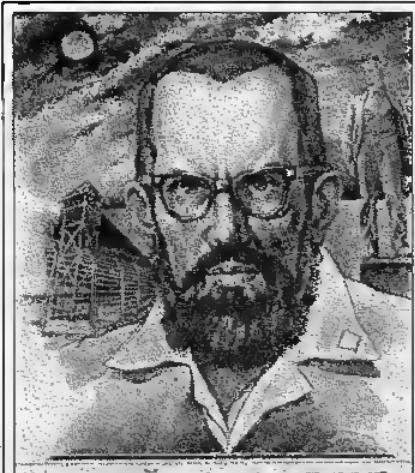
Все спокойно в Королевстве Датском. Спит Хольгер-Датчанин, ваш защитник: в Дании мир. Крепко спит, в своем замке, на своей родине, не зная оккупации, крови, землянок и конлагерей...

Пусть всегда будет мир в Дании, пусть вечно спит богатырь Хольгер.

И я прошу Вас, Герда, только об одном: помогите Грабансу. Его камень с каждым годом все тяжеleeет. Помогите же ему, ради жизни, ради высшей справедливости, ради Бога, который у всех нас, людей, один. Помогите Иварсу Грабансу умереть в Дании!

Иных просьб к Вам у меня нет. Спасибо Вам, добрая Герда, за память.

Пермский политлагерь
BC 389/35

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ

В предисловии к немецкому изданию («Посев», Франкфурт-на-Майне) книги Юрия Галанского составители написали:

«Он стоял у истоков открытого движения протеста, никогда, однако, не забывая его гражданского и, в конце концов, политического значения...»

Галанков был участником вольных литературных чтений на пл. Маяковского в Москве. В 1961-м принял участие в создании самиздатского сборника «Феникс». В 1965-м и 1966-м годах был одним из организаторов митингов на Пушкинской площади. Составитель сборника общественно-политических и литературных материалов «Феникс-66». В 1967 году Юрия Галанского приговаривают к семи годам строгого режима. В мордовском лагере 17-я Галанков участвует в голодах протеста, борется против злоупотреблений лагерной администрации, отстаивает права других политзаключенных. Каторжная работа и систематическое недоедание обострили хроническое заболевание. Лагерное начальство сделало все, чтобы Галанков не получил необходимых лекарств и диеты. 4 ноября 1972 года он скончался в лагерной больнице. В 1991 году друзья добились перевозхоронения его праха в Москву.

Сейчас книга Галанского вышла на родине, вышла благодаря усилиям его друзей, в частности, бывшего политзаключенного, солагерника Галанского, ростовчанина Витольда Абанькина.

Книгу Юрия Галанского можно заказать в издательстве «Приазовский край» по адресу: 344007, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 3. Тел: 69-67-07.

ЮРИЙ ГАЛАНСКОВ

Можете начинать...

В одном из «Гражданских обращений» «Движение 5 декабря» писало:

«Долго ли еще Россия будет жить по сталинской Конституции? И будет ли новая Конституция чем-либо отличаться от сталинской?

Требуйте принятия новой, демократической Конституции после предварительного референдума!»

Пока трудно что-либо сказать по существу поставленных вопросов. Однако уже теперь, после принятия Верховным Советом РСФСР Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 сентября 1966 года, становится ясно, что власть упорно стремится создать правовую базу для обуздания «стихийно развивающегося демократизма».

Еще в 1964 году в своей предсмертной «Записке» Пальмиро Тольятти писал:

«Проблемой, привлекающей наибольшее внимание, — это относится к Советскому Союзу, и к другим социалистическим странам, — является, однако, проблема преодоления режима ограничения и подавления демократиче-

ских и личных свобод, который был введен Сталиным...»

«Создается общее впечатление медлительности и противодействия в деле возвращения к ленинским нормам, которые обеспечивали, как внутри партии, так и вне ее, большую свободу высказываний и дискуссий по всем вопросам культуры, искусства, а также и политики. Нам трудно объяснить эту медлительность и это противодействие».

В декабре 1966 года ряд деятелей науки и культуры обратились к сессии Верховного Совета РСФСР с письмом, в котором говорилось, что в настоящее время нет необходимости принятия Указа от 16 сентября 1966 года. В письме отмечалось также, что данный Указ может стать орудием произвола и насилия. В числе подписавших письмо — имена крупнейших физиков М. Леонтьевича, А. Сахарова, И. Тамма, композитора Д. Шостаковича, кинорежиссера М. Ромма, писателя В. Некрасова, историка П. Якира.

Однако, несмотря на негативное отношение общественности,

Указ был принят. Власть сделала еще один преступный шаг в направлении сохранения «режима ограничения и подавления демократических и личных свобод». Теперь остается ждать этих «ограничений» и «подавлений».

Например, в номере нашего журнала помещена криминальная статья недавно осужденного писателя А. Синявского «Что такое социалистический реализм». Здесь можно найти и ряд других нежелательных для власти материалов. Да и сам факт издания настоящего журнала, уж конечно, — достаточный повод для применения какого-нибудь антидемократического закона или указа.

Можете начинать...

Вы можете выиграть этот бой, но все равно вы проиграете эту Войну за демократию в России.

Войну, которая уже началась и в которой справедливость побежит неотвратимо, и никакие заведомо ложные измышления законов и указов не спасут предателей и мошенников.

1966

Письмо из лагеря

Т. Н. С.

«...Остается лишь формализм нравственного долга, жизнь как бы "замирает" (слово "формализм" ты почему-то подчеркнул).

В жизни бывает хорошее и плохое. Например, преданность — хорошо, а предательство — плохо.

И то и другое имеет место в жизни. И то и другое есть объективное состояние жизни. Человек знает — бывают предательства, и он проецирует предательства в книгах, в живописи, в музыке. Человек знает — бывает преданность, и он проецирует преданность как одну из заповедей где-нибудь в книге Добра. Мы — это наши мощные инстинкты. Они учат нас преданности, и они же делают из нас предателей. Поэтому Мы — и Преданность и Предательство одновременно. Мы знаем цену и Преданности и Предательству, и было бы грубой ошибкой думать, что «люди склоняются к злу». Наоборот, зло

всегда противно человеку. И он проецирует зло как темное, дьявольское Нечто. Оно для него тягостная вынужденность, с которой он ведет постоянную упорную борьбу.

В своей душе, в своем духе человек остается хорошим, кристаллизует все доброе как нравственное и проецирует эту кристаллизацию, положим, как десять заповедей. Эти десять заповедей, как десять жемчужин, как десять откровений, он вписывает в систему религии. А всякая религия — это гигантская величественная проекция гигантского величия человеческого духа.

Развращенный атеизмом уже не может верить в это величие, потому что в нем не осталось даже крупицы этого величия.

Если градусник показывает плюс 100 градусов по Цельсию, то атеист верит, что объективно существует такая температура. А в то, что объективно существует

нравственность, атеисту поверить уже трудно. Сравнить нашу душу с ртутью, а десять заповедей со шкалой на градуснике, — для атеиста уже невозможно.

Но мы потеряли градусник нашей нравственности. Мы нравственно больные люди, мы не знаем, что с нами происходит. Мы верим в термометр, но не верим в друг друга, в добро. Даже если мы и верим во что-то хорошее, то все равно нам недоступно то гармоничное состояние, которого достигает обычная старуха в церкви. Никакие наши речи не могут сравниться с молитвой, ибо все наши речи — формализм, не опирающийся на тысячную долю той веры, на которой основаны все молитвы. Ты говоришь: «Проблема относительности всякого добра». Добро абсолютно. Оно есть или его нет. Добро — оно для всех добро и ничем другим ни для кого быть не может.»

Твой Юра
26.4.69

Иосиф БЕРГЕР

КРУШЕНИЕ ПОКОЛЕНИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ о Юрии Есенине

Зиму 1936-37 года я провел в тюрьмах в Москве, куда меня доставили из Сибири для того, чтобы использовать в одном из предстоящих показательных процессов. Для этой цели в Москву из тюрем и лагерей перевозили тысячи заключенных: для НКВД это не составило, конечно, большого труда. Нет ничего удивительного в том, рассуждали между собой заключенные, что государство не может свести концы с концами, когда такие гигантские средства тратятся на «пассажирские перевозки» заключенных, а ведь их доставляли индивидуально, каждого под особой охраной. Так, достаточно было НКВД в Москве затребовать любого «ззка» из любого лагеря от Воркуты до Колымы, от Норильска до Средней Азии, и уже, как по мановению волшебной палочки, снаряжались конвои — по четыре-пять человек на каждого заключенного. И случаев таких было бесчисленное множество.

На «пересылках» я мало-момалу убеждался, что лагеря существовали не только в отдельных районах страны, но и буквально повсюду. Это было поистине государство в государстве, живущее своей особой жизнью, по своим особым законам. Тут находились и бывшие кадеты, и меньшевики, и анархисты, и бывшие внутрипартийные оппозиционеры, которые сидели по лагерям с начала двадцатых годов; были тут и входившие в сравнительно новые группы оппозиции. Здесь можно было изучить не только историю и географию Советского Союза, но даже философию; можно было думать, обобщать и приходить к соответствующим выводам.

В тюрьме у меня была репутация человека спокойного, с уживчивым характером (а это очень важное качество для заключенного). Поэтому меня выбрали старостой камеры. В мои обязанности входило распределение мест в камере, я должен был следить за порядком при раздаче пищи, называть номера заключенных в

камере при перекличке, а также устраивать новоприбывших. Обычно новые прибывали ночью. Поэтому мне вскоре пришлось отказаться от обязанностей старосты, так как я лишился сна. Как правило, новичков не помещали вместе со старыми заключенными. Делалось это из психологических соображений — усилить шок от ареста и первого допроса. Кроме того, более опытные заключенные могли, в принципе, «подготовить» новичков, дать им какой-нибудь совет. Но однажды именно такой «зеленый» попал в нашу камеру.

В то время я еще ходил в страстах. На соседних нарах со мной жил тогда Эдуард Эдуардович Понтович, старый меньшевик. Лежа бок о бок, мы часто разговаривали с ним до поздней ночи. Он рассказывал множество эпизодов из своей богатой событиями жизни. После Октябрьской революции он работал юристом в

законодательным органом: он просто получал записку из ЦК партии, где указывалось, что требуется такой-то и такой-то закон. Составленный текст подписывали Калинин и Енукидзе, и, таким образом, в действие вступал новый закон для 160 миллионов человек.

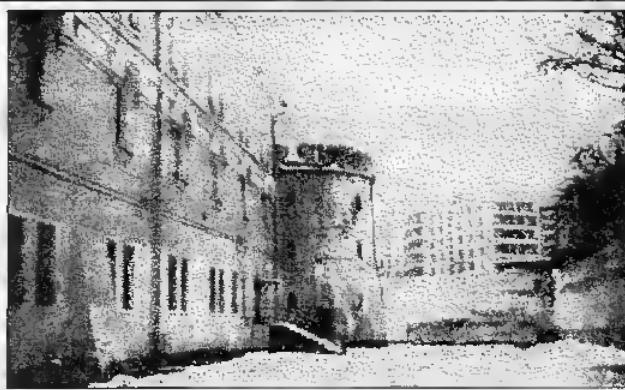
В 1935 году Енукидзе был отстранен от работы и арестован. Между прочим, по словам Понтовича, Енукидзе обвиняли также и в том, что у него в библиотеке работали бывшие княгини и графини. Было подсчитано, что при Енукидзе в аппарате ЦИК работало не менее 75% выходцев из привилегированных классов, а остальные — из среды бывших меньшевиков, эсеров и пр.

Понтович был исключительно начитан. В его большой квартире в лучшие времена собирались сливки московского общества, литераторы, люди из мира искусства. Он лично знал многих крупнейших литераторов старого поколения — Леонида Андреева, Блока, Цветаеву, писателей-эмигрантов Мережковского, Зинаиду Гиппиус и др. Он помогал в свое время молодым писателям и поэтам, в частности, Сергею Есенину.

Было около двух часов ночи (точно мы не знали, потому что нам не разрешалось иметь часов), как раз то время, когда обычно прибывали новые арестанты. Дверь камеры внезапно распахнулась и в нее грубо втолкнули «новичка» — молодого человека с грудой вещей. Как я говорил, в мои обязанности старосты входило устройство вновь прибывших.

Как только свет от лампочки упал на лицо человека, Понтович, в ужасе схватив меня за плечо, зашептал: «Господи, да это же Сергей Есенин!» Мне пришло успокоить соседа: «Есенин погиб, вы же сами были на его похоронах».

Но новенький назвал свою фамилию — Есенин. Это был сын Сергея Есенина от первого брака, Юрий (со своей первой женой Есенин разошелся). Юрий

Бутырская тюрьма в Москве.
ФОТО ИЗ АРХИВА Е. САННИКОВОЙ

ЦИКе. Председателем ЦИК был в то время Калинин, а непосредственным начальником Понтовича — секретарь ЦИКа Енукидзе. В обязанности Понтовича входило также составление текстов новых законов. При Ленине у Эдуарда Эдуардовича накопился такой опыт работы в этом деле, что в период после смерти Ленина сформулировать новый закон представлялось для него таким же легким делом, как, скажем, написать кому-нибудь письмо. Понтович тут же разъяснил, что составлявшиеся им законы не требовали утверждения никаким

вырос в семье то ли третьей, то ли четвертой жены Есенина, внучки Льва Толстого. И не удивительно, что Понтович принял Юрия за Сергея Есенина: сходство между ними было поразительное. В дальнейшем, из разговора с Юрием, мы узнали, что и сам он изредка пишет стихи, а что касается поэзии отца, то он всю ее знал наизусть. Он также любил и хорошо пел песни, написанные на слова Есенина.

Мы устроили Юрию лучшее место в камере. Вместе с ним в камеру вошел дух его отца. Даже простые люди уважали Юрия в память отца. Юрий Есенин провел в нашей камере несколько недель.

Озлобленность молодого человека, выросшего в обеспеченной семье, никого не удивляла. Мы часто советовали ему быть осторожнее, но он не мог сдержаться и не стеснялся в выражениях. Истинная причина его озлобления заключалась в следующем: хотя Сергей Есенин, как известно, покончил жизнь самоубийством, Юрий считал, что «они затравили отца до смерти». Понтович и некоторые другие соглашались с ним.

Юрия перевели в Бутырку из Хабаровска — его должны были судить за участие в так называемом «заговоре террористов». В Хабаровске он проходил военную службу, которая, по его словам, ему очень нравилась. Когда его арестовали, он думал, что дело идет о каком-нибудь нарушении воинской дисциплины. Юрий даже не сразу поверил заключенным, убеждавшим его, что за такие провинности не пересыпают для суда в Москву. После продолжительных разговоров мы все же поняли в чем дело. Он тоже понял и принял это очень трагически. Юрий Есенин в начале тридцатых годов был членом молодежной группы, состоявшей из детей советских высокопоставленных работников и интеллигентов. Некоторые из них вместе учились в школе, у некоторых родители были знакомы друг с другом. В 1935 году, после убийства Кирова, один из них, сын старого большевика, работавшего в то время в ЦИКе, стал подбивать их выразить свое недовольство отдельными сторонами советской системы. В завязавшемся разговоре некоторые из них высказали мысль, что положение становится невыносимым, что правительство в репрессиях заходит слишком далеко и что страна вообще на краю пропасти. Один студент даже высказал мысль, что за дело следует взяться молодежи. На это Юрий Есенин заметил, что переворот нетрудно бы-

ло бы осуществить, что для этого достаточно всего несколько человек и что если бы, например, удалось взорвать Кремль, то все решилось бы само собой. Разговор этот происходил во время вечеринки. Затем начали танцевать, пить, и большинство просто забыло о нем. Однако, как узнал Юрий на первом же допросе, о разговоре стало известно НКВД, когда одного из участников вечеринки арестовали по другому делу. Содержание его попало в папку НКВД с надписью «Собрание террористов».

Узнав обо всем этом, мы поняли насколько серьезно положение Юрия. Делом его, вероятно, занялся отдел борьбы с террором, и ему явно грозил расстрел. К сожалению, Юрий был уже так напуган, что не доверился нам и тем сослужил себе плохую службу. Лишь несколько недель спустя, вернувшись с очередного допроса, он рассказал нам о том, что произошло. Оказалось, что его собираются судить как одного из участников заговора, готовившихся якобы взорвать Кремль и убить его руководителей, а также использовать в качестве основного свидетеля обвинения.

Следователи вели с ним сложную игру. Сначала ему говорили, что его отец пользуется глубоким уважением в стране и что ни правительство, ни НКВД не хотят, чтобы сын Есенина попал в лагерь или тюрьму. Разговоры сопровождались угощением, Юрия угождали хорошей едой и давали курить дорогие папиросы, и у него сложилось самое лучшее впечатление о занимавшихся им следователях. Они объясняли, что ему не следует общаться с другими заключенными и что вскоре его выпустят на свободу. При этом ему ставили только одно условие: он должен был рассказать все подробности «дела» и, в случае необходимости, подтвердить их на очной ставке. В течение нескольких дней Юрий точно исполнял инструкции следователей. Других обвиняемых в том же «заговоре» приводили по одному на очную ставку. Юрий подтверждал их признания и спорил с теми, кто отрицал предъявленные обвинения. И вдруг следователи резко изменили тон и потребовали, чтобы он подписал обвинения против самого себя. До этого Юрий был только свидетелем, а теперь, когда формулировалось окончательное обвинение по делу этой группы, выходило, что он попадает в список обвиняемых. Когда он попытался напомнить следователям об их обещании, ему заявили примерно следую-

Юрий Есенин (Изряднов).
Публикация И. Бурачевского.
ФОТО ИЗ АРХИВА К. ЕСЕМИНА

щее: «Подумайте, как же мы, представители органов безопасности, можем пройти мимо таких преступлений, направленных против нашего руководства?»

Однако, при этом они все же обнадеживали Юрия, говоря, что, возможно, как сыну Есенина, ему удастся отдохнуть пятью годами тюрьмы. Этому никто из нас не верил. В 1937 году всякое обвинение в терроре влекло за собой самые беспощадные меры. Обвинявшиеся в терроре попадали под статью 58-8 и, как правило, расстреливались. Кроме того, было ясно, что Юрия судили бы не только как участника так называемой «террористической группы», но и как ее руководителя, и поэтому он, вероятнее всего, получит «вышку». Трудно было в этом положении помочь ему советом. А еще через несколько дней Юрия увели из камеры. Несколько нам удалось установить, все обвинявшиеся по этому делу были расстреляны. Если бы Юрия присудили только к тюрьме или лагерю, о нем стало бы известно, особенно если вспомнить, какой огромной популярностью пользуется в Советском Союзе имя его отца — Сергея Есенина. Что же касается следователей аппарата госбезопасности, то они не только не были заинтересованы в том, чтобы сохранить жизнь сыну Есенина, но наоборот, вероятнее всего, имели инструкции избавиться от него...

Париж

Владимир БУКОВСКИЙ

КУСОЧЕК СВОБОДЫ

Александр Сергеевич ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН.

ФОТО А. БЛИНУШОВА

Все чаще я стал бывать у Алика Вольпина. После нашего знакомства примерно в сентябре 61-го года, еще до разгрома Маяка, а потом и во время допросов по делу маковцев видились мы довольно часто и даже работали одно время вместе в НИИ. Там же он вел семинар по семантике, а я ходил его слушать. Когда я сидел, он бывал у моей матери. Это вообще было его правилом — навещать родственников арестованных, даже если он с ними знаком не был. И конечно же, первым делом разъяснял он всем законы.

Поражало меня, с какой серьезностью рассуждал он о правах в этом государстве узаконенного произвола. Как будто не очевидно было, что законы существуют у нас только на бумаге, для пропаганды и везде обираются против тебя. Разве не говорили нам в КГБ вполне откровенно: «Был бы человек, а статья найдется». закон что дышло — и поворачивали это дышло всегда против нас. Решающим, стало быть, был не сам закон, а кто его будет поворачивать.

Сам Алик уже дважды попадал в тюремную психиатрическую больницу, и всего лишь за чтение своих стихов. Неужели это его не убедило? Словом, казался он мне чем-то наподобие тех закоснелых марксистов, которых даже тюрьма уже просветить не может. Его вечно всклокоченный вид, совершенная непрактичность, неприспособленность к жизни, абсолютное безразличие к тому, как он выглядит, лишь дополняли картину, дорисовывали почти хрестоматийный образ чудака-ученого. Он и был ученым — математиком, логиком.

Удивительно подкупала в нем совершенно детская непосредственность, неизящность, неожиданная в сорокалетнем человеке. Думаю, большинство его друзей — почти все прошедшие через сталинские лагеря — любили в нем именно эти качества. На рассуждения о законности смотрели как на простительное чудачество, и только с улыбкой показывали головами, когда он в очередной раз разворачивал свои логические построения.

Легко себе представить, что получалось от столкновения Алика с советской карательной машиной. Помню, уже несколько лет спустя, вызвали Алика на допрос в КГБ по одному делу. Жена, зная чем это может кончиться, заранее предупреждала следователя добром отказатьсь от этой затеи. Но тот не внял. Не знаю, чем начался допрос. Доподлинно известно лишь, что через два часа Алик уже чертил следователю на пустом бланке протокола какие-то схемы, круги и треугольники, пытаясь пояснить одну, самую простую из своих мыслей. Через четыре часа, когда они, пройдя краткий курс теории множеств, добрались наконец до проблемы денотата, взмыленный следователь в полуобморочном состоянии позвонил жене Алика, умоляя ее забрать мужа. Естественно, она отказалась, справедливо считая, что следователь сам виноват, не послушавши ее сразу.

— Теперь как знаете, так и выпутывайтесь, — ответила она.

Счастье еще, что в этот раз Алик был вызван как свидетель, а не как обвиняемый. Иначе следствие вполне логично перешло

бы для него в психиатрическую экспертизу. Но ведь и психиатры — отнюдь не математики и не логики. «Истина» и «ложь» отнюдь не являются предметами психиатрического исследования. Поэтому все следствия кончались для Алика одинаково — психиатрической больницей специального типа для особо опасных.

Центральной в его рассуждениях была позиция гражданина. Она-то и давала до смешного простой выход из всех моих затруднений.

Затруднения эти начинались, когда от меня требовалось быть советским человеком. Понятие это до того демагогическое и расплывчатое, что никогда точно не знаешь, какие обязанности оно налагает.

С понятия «советский человек» и начались все беззаконие в стране. В него, также как в понятие «социализм» каждый очередной правитель вкладывал, что хотел. И спорь потом на партсобраниях, как Липарев, — критериев-то никаких нет. Высший судья в этом вопросе — ЦК партии. А всякое иное толкование — уже преступление.

— Вы же советский человек, — говорит с напором сотрудник КГБ, — а значит, должны нам помочь.

И что ты ему скажешь? Если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки.

Между тем, доказывал Вольпин, никакой закон не обязывает нас быть «советскими людьми». Гражданами СССР — другое дело. Гражданами СССР все мы являемся в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако, никакой закон не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому-то мифическому облику. Граждане СССР должны соблюдать писанные законы, а не идеологические установки.

Идея Вольпина сводилась к следующему:

Мы отвергаем этот режим не потому, что он называется социалистическим: что такое социализм, никакой закон не определяет, и, следовательно, граждане не обязаны знать что это, — а потому, что он построен на произволе и беззаконии, пытается навязать силой свою идиотскую идеологию и заставляет всех лгать и лицемерить. Мы хотим жить в правовом государстве, где закон был бы незыблем... Так давайте жить в таком государстве. Государство — это мы, люди. Какими будем мы, таким будет и государство. Данные нам законы при внимательном рассмотрении вполне позволяют такую интерпретацию. Мы не обязаны подчиняться никому, кроме закона. Давайте защищать наш закон от посягательств властей. Мы — на стороне закона. Они — против.

— Но ОНИ же не могут обойтись без произвола, — возражали Алику. — Если они будут строго соблюдать законы, они просто перестанут быть коммунистическим

государством.

— На самом деле я тоже так думаю. — заговорщицким шепотом соглашался Алик. И все смеялись.

— Чудак ты, Алик, — говорили ему. — Ну кто же будет слушать тебя с твоими законами? Как сажали, так и будут сажать. Какая разница?

— Ну, если кто-то нарушает законы, ущемляет мои права, я, как гражданин, обязан протестовать. Мало ли какая бандя попирает законы — это не означает, что я перестаю быть гражданином. Я обязан бороться всеми законными средствами. Прежде всего — гласностью.

И опять все смеялись: гласности захотел! Где ж ее взять, гласность? Газета «Правда», что ли поможет?

Но отсмеявшись, приходилось соглашаться, что отвечаю беззаконием на беззаконие никогда не обретешь законности.

Другого пути не было.

Идея Алика была гениальной и безум-

ной одновременно. Гражданам, уставшим от террора и произвола предлагалось просто не признавать их. Это можно было бы сравнить с гражданским неповиновением, если бы не двусмысленность законов, делавшая такое поведение образцом гражданской доблести.

Разве реальная советская жизнь — не воображаемый шизофренический мир, населенный выдуманными советскими людьми, строящими мифический коммунизм? Разве все и так не живут двойной, а то и тройной жизнью?

Гениальность идеи состояла в том, что она уничтожала эту раздвоенность, напрочь разбивала все внутренние самооправдания, которые делают нас соучастниками преступления. Она предполагала кусочек свободы в каждом человеке, осознание своей «правосубъективности», как выражался Вольпин. Иными словами, личную ответственность. Это-то и есть внутреннее освобождение.

— Ну, а что ты будешь делать, Алик, если завтра они изменят законы так, что не останется возможности их толковать по-твоему? — спросил я Алика.

— Тогда я, видимо, перестану быть гражданином этой страны.

Это было уже совсем не понятно простым смертным. Что ж, через границу бежать? Алик же пускался в длинные рассуждения о праве гражданина на выезд из своей страны и, конечно, на въезд в нее, ссылаясь при этом на какую-то Декларацию прав человека. Все только плечами пожимали: «Эх загнулся!» Интересно, сколько из них, пожимавших тогда плечами, через семь-девять лет оказались в Вене, Риме, Тель-Авиве, Нью-Йорке?

И только Вольпин, верный себе до конца, из окна вагона, уходящего на Вену, произнес речь о борьбе за свободу въезда...

*Из книги
«И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕТЕР»*

Александр ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН:

«Законы выше власти!»

С Александром Сергеевичем ЕСЕНИННЫМ-ВОЛЬПИНОМ беседуют Юлия СЕРЕДА и Андрей БЛННУШОВ.

— Александр Сергеевич, помните: вы — ученый, математик, заседания кафедры, конференции и вдруг... правозащита. Молодежь с площади Маяковского, демонстрации, допросы в КГБ...

— Почему же вдруг? Ученые не жили в безвоздушном пространстве. Вся тогдашняя общественная ситуация, атмосфера были довольно специфическими. И ученых, даже советских, соблюдение прав человека беспокоило не меньше других. Политические процессы, которые устроили власти тогда, не могли оставить порядочных людей равнодушными. А что выделяли в Восточной Европе!

— Вы имеете в виду Чехословакию?

— И Чехословакию... В Чехии события приняли просто катастрофический характер. Сначала очень хорошо шло при Дубчеке все это обновление, начатки демократических реформ. Полмира смотрело на них, затягив дыхание. В общем, была надежда, что московское руководство не обнаглеет настолько, чтобы вводить войска туда. Была такая надежда...

После того как танки вошли в

Прагу, чехам сразу надо было пойти по пути менее драматическому.

— Танки на улицах, смещение руководителей... Они что же, утирировали происходящее?

— Вот это журналистский подход — драматизировать явления... Происходит трагедия, ее надо осветить, но не драматизировать. Совершенно не нужно вспышек магния... Но журнали-

сты без блицев не умеют работать.

И вот тут самоубийство Палаха. Все-таки оставалась еще и после введения войск мощная тенденция игнорировать оккупацию и продолжить...

— Гражданское неповинование?

— Да. Ведь на словах те же власти за реформы. Но только за такие реформы, при которых

Александр Сергеевич ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН. Бостон, октябрь 1994 года.
ФОТО Ю. СЕРЕДЫ

Александр Сергеевич ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН с журналистами «КАРТЫ»,
Бостон, октябрь 1994 года.

ФОТО Т. ВОЗЛИНСКОЙ

они делают свои дела, как безо всяких реформ...

— Александр Сергеевич, похоже, что Вы до сих пор придерживаетесь мнения о возможности заставить власти жить по их декларативным законам, не делая при этом «резких телодвижений»? Упорно, путем эволюции...

— Конечно же, путем эволюции! Вы посмотрите, к чему приводят резкие колебания, не берущие в расчет традиции, ментальность, уровень культуры, наконец...

Ждать, откровенно говоря, надо было порядочно.

Ведь и наше московское Движение, в общем-то, достигло каких-то результатов через десятилетие, а может быть и больше...

Тогда Чалидзе сделал комитет прав человека. Из ученых в его работе принял участие Сахаров. Я там тоже участвовал в качестве эксперта, помогал находить нужные формулировки, освещать законы и т. д. Немало тогда потрудился именно в этом направлении. Стал, так сказать, юристом по правозащитным вопросам Советского Союза.

— Ваша брошюра «Как вести себя на допросах» стала, как говорится, настольной книгой.

— Да, еще и теперь ее переиздают, как историческую статью... Но дело же не в этом. Надо чтобы действительно умели люди себя вести правильно в экстремальных ситуациях, на тех же допросах...

— Движение за права человека не было структурировано? Оно ведь не представляло из себя единой организации? В этом его сила или слабость?

— Никакой организации... Многое до этого было разного рода игры в конспирацию, идущую от прошлых веков. Но когда конспираторы организуются, тут просто неясно — желать ли им победы, потому что конспираторы уже пришли к власти в 17-ом году.

— В общем-то, это все тот же принцип легальной борьбы. Заставить власти соблюдать свои собственные законы.

— Совершенно верно! То естьставить законы выше власти. Я говорю так: если законы несерьезные, значит и государство несерьезное. Если законов нет, значит и государства нет. Какие же обязанности, если нет законов? А если у нас нет прав, то откуда же, собственно, почему мы можем нести какие-то обязанности? Просто вопрос силы, притворства и прочее... Для этого не надо никакой конституции, никаких Советов, ничего...

А то, что законы несерьезны, я слышу вокруг с детства... Причем это говорит интеллигенция, а не власти. Вот пусть власть скажет, что ее законы несерьезны, причем — открыто, а не за кулисами. Тут у них было слабое место, и вот эту слабость мы пытались использовать. Привело это к тому, что где-то в начале 70-х власть усилила посадку диссидентов в психушки. И я разок

загремел туда же, но тут другое началось... Вдруг начали открываться ворота «железного занавеса». Никогда этого прежде при нас не было. Только где-то в 20-е годы... А тут вся «хрущевщина» прошла на том, что диссиденты могли жить более менее спокойно. (Вообще-то, мы говорили «инакомыслящие» — слово «диссидент» — из 70-х годов.) Тогда казалось, меньше всего можно ожидать, что диссиденты окажутся на Западе. Разве кто сумеет переползти через эту сверхзасиженную границу? Но не этим мы были заняты. А тут вдруг стали чуть ли не выталкивать...

Собственно, я всегда говорил, что право на выезд — одно из важнейших прав человека, а если его нет, то это тюрьма, казарма, что угодно, но не государство. Ну, поговори я так при Сталине, хорошо если бы отдался длительным сроком, или в психушке так бы и сидел до Хрущева. И неизвестно, вышел ли бы...

И вдруг все-таки смягчились... В 72-ом я оказался в Штатах. Вот это было резкое изменение.

Если говорить, каких послаблений режима тогда добилась интелигенция, то надо признать, что победы она не одержала. Добились первоначального оживления гласности. До этого приговоры были секретом даже для подсудимых. Появилась «Хроника текущих событий» — важнейший журнал того времени, продержавшийся десять лет. Вот эти достижения: оживление прессы вообще и, главное, самиздата; снятие прежнего жесткого ограничения на выезд.

— Шлюзы приоткрылись...

— Вот именно, шлюзы приоткрылись. В частности, я свое дело сделал. В 73-ем памятку написал. Комитет уже закрывался, выполнив свою задачу. Тогда шла речь о том, чтобы «протолкнуть» процесс принятия пакта о правах человека. На словах Союз их признавал, но вот подписаться, ратифицировать... Два года упорной борьбы. Многим моим товарищам пришлось заплатить высокую цену. Теперь это история...

Однако, если опять у власти в России окажется репрессивное правительство, а такую опасность я бы не стал полностью игнорировать, то очень может быть, что нам придется вспомнить о памятках, брошюрах и самиздате. Хотя я надеюсь на лучшее...

Бостон

Социалисты

В 1956 году, после 20 съезда, инакомыслие, в том числе политическое, накапливавшееся до той поры подспудно, выплынуло наружу и стало разрастаться лавинообразно. Этот процесс очевиден даже из анализа советского самиздата. Мемуарная литература (Петр Григоренко, Юрий Орлов, Владимир Буковский, Револт Пименов, Борис Вайль, Раиса Орлова) дополняет картину настроений в советском обществе тех лет.

Непроповедатели советской системы среди инакомыслящих были крайне редки, единичны, а диапазон критики — и в официальной литературе, и в самиздате — укладывался в понятие «демократический социализм». Однако часть критиков делала упор на демократию, а другая — на социализм, но социалистическое мировоззрение было господствующим с первых признаков проявления несогласия и до конца 60-х годов.

Теоретически тогдашние социалисты и вь были едины. Можно выделить несколько основных течений диссидентского социализма.

Самым представительным и известным был неформальный круг, выразителем настроений которого стал московский историк Рой Медведев. Общая основа взглядов сторонников этого направления определяется тем, что они считают его одним из проявлений внутрипартийной оппозиции...

Вторжение в Чехословакию разрушило надежду на смягчение советского режима и способствовало массовому пересмотру прежними сторонниками партийно-демократического направления оценки советской системы как системы социалистической — одни перестали считать ее таковой, другие перестали вкладывать положительный смысл в само понятие социализма...

Была среди социалистов организованная часть — подпольные и полуподпольные кружки и организации, почти полностью молодежные. В большинстве случаев каждый такой кружок был замкнут в себе, лишь некоторые из них были связаны с двумя-тремя такими же кружками и связи эти не шли далее совместных совещаний. Эти юноши нового послевоенного поколения были искренними марксистами, социалистами и патриотами, они стремились не к непроповеданию существующего строя, а к его улучшению возвращением к «настоящему», «пленинскому» социализму или к реформе «по югославскому образцу».

В Москве самым крупным и деятельным был кружок Льва Краснопевцева, состоявший из выпускников исторического факультета МГУ. Его основали в мае 1957 года 7 выпускников исторического факультета МГУ с целью добиться последовательной десталинизации, либерализации в политике и экономике...

Таким же был петроградский кружок выпускников Технологического института... После их ареста следствие установило 88 человек из десяти разных областей, прочитавших книгу членов кружка Ронкина и Хахаева. Кроме того, группа распространяла листовки, а в 1965 году стала издавать журнал «Колокол». При подготовке третьего выпуска члены кружка были арестованы.

Такая же судьба постигла студентов и преподавателей в Горьком, написавших с марксистских позиций работу «Социализм и государство» и устроивших ее коллективное обсуждение, и Марксистской партии ковного типа в Рязани в 1969 году, и столь же немногочисленных членов Партии истинных коммунистов в Саратове... Во второй половине 1968 года студенты радиотехнического института в Рязани создали нелегальную организацию под названием Марксистская партия нового типа. Студент-заочник, токарь завода «Рязсельмаш» Юрий Вудка написал брошюру «Закат капитала», которая стала программным документом рязанской группы. Видимо, эта группа имела связи в других городах, так как саратовская группа также считала своим программным документом работу Вудки «Закат капитала». Рязанская группа была раскрыта..., на суд в Рязань вызвали свидетелей не только из Саратова, но и из Подмосковья, Ленинграда, Киева и других городов. Приговоры — от 7 до 3 лет лагеря...

В том же, 1968 году, в Саратове сложилась подпольная студенческая группа, называвшая себя Партией истинных коммунистов. Она имела программу либерально-демократического толка и ставила целью творческое изучение марксизма по первоисточникам, а также соответствующую литературу — официально опубликованной и самиздатской. Аресты произошли в августе 1969 года. На суде обвиняемые подчеркивали, что они вели не агитацию («немногое для многих»), а пропаганду («многое для немногих»), что нозиков в организации привлекали только после ознакомления с пропагандистской литературой и лишь в случае возникшего после этого соглашения взглядов. По делу прошло около 50 свидетелей — студентов и недавних выпускников саратовских вузов. В зал суда пустили только родственников и специальную подобранные публику; у входа стояла толпа молодежи, человек сто-половата. Все подсудимые признали вину и показались, а все-таки глава организации, выпускник саратовского юридического института Олег Сенин получил 7 лет лагеря, остальные — от 3 до 6 лет. После процесса более 60 близких к обвиняемым подверглись внесудебным репрессиям — увольнению с работы и исключению из вузов...

Людмила Алексеева
«История инакомыслия в СССР»
Khronika Press, 1984.

Ирина
ЧЕЛИКАНОВА

Рис. Валентина Ежова.

Дело «Вудки»

Приговор

В 20 часов 30 минут 19 февраля 1970 года в деле «Вудки» была поставлена точка. (...) Мальчики, опоенные воздухом «хрущевской оттепели», поменяли звание студента на «титул» политзаключенного.

Судебная коллегия по уголовным делам Рязанского областного суда установила: «Вудка Ю.В., Грилюс С.А., Фролов О.И., Мартимонов Е.Я., Заславский С.И., Вудка В.В. в 1967-1969 годах проводили антисоветскую агитацию, пропаганду и организационную деятельность в целях подрыва Советской власти, распространяли в тех же целях клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, хранили и распространяли в тех же целях литературу антисоветского содержания. Неоднократно совместно обсуждали вопросы практической антисоветской деятельности, создания аналогичных групп в других городах СССР, передачи антисоветской литературы за границу, соблюдения конспирации и преступной деятельности.»

Приговором суда по ст. 70, ч. 1, и ст. 72 УК РСФСР осуждены: «Вудка Юрий Вениаминович, 1947 года рождения, токарь завода «Рязсельмаш», студент-заочник радиотехнического института — к семи годам лишения свободы; Вудка Валерий Вениаминович, 1950 года рождения, студент 3-го курса радиотехнического института — к трем годам лишения свободы; Грилюс Симонас Аронович, 1945 года рождения, сменный инженер радиоцентра Клайпедского морского рыбного порта, выпускник радиотехнического института — к пяти годам лишения свободы; Фролов Олег Ильич, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиотехнического института — к пяти годам лишения свободы; Мартимонов Евгений Яковлевич, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиотехнического института — к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком пять лет; Заславский Семен Михайлович, 1948 года рождения, студент 4-го курса радиотехнического института — к трем годам лишения свободы условно, с испытательным сроком пять лет.»

Кончились игры в (...) большевистское подполье, началось обживание реальных большевистских тюрем.

Физики и лирики

Если положить перед собой школьные и институтские характеристики «подельщиков» и прикрыть рукой фамилии, то возникает впечатление, что рас-

сказывают они об одном и том же человеке — так похожи между собой ребята, типичные «шестидесятники», неуемные, любопытные, жаждущие познания, равно увлеченные физикой и литературой.

«Проявляет большой интерес к современной физике, увлекается научной и научно-популярной литературой. Уделял много внимания общественной работе, принимал участие в художественной самодеятельности, был внештатным корреспондентом газеты «Радист», выступал в составе факультетской команды по шахматам. Увлекается поэзией, писал стихи, многие из которых публиковались в «Радисте». Это о Юрии Вудке.

«Принимал активное участие в студенческой научно-исследовательской работе, был членом молодежного отдела газеты «Радист» и ее внештатным корреспондентом, членом команды КВН. Увлекается поэзией и пишет стихи сам.» Это об Олеге Фролове.

«Активно участвовал в олимпиадах по математике, физике, химии, в воскресниках, художественной самодеятельности, в проведении встреч КВН.» «Учился только на «хорошо» и «отлично». Одну из из сессий сдал только на «отлично». Это о Семене Заславском.

«Вежливый, правдивый, много решал сложных задач, особый интерес проявил к физике и математике. Характер спокойный, несколько отличается скромностью.» Так оценивается Евгений Мартимонов.

«Проявил замечательные способности к математике, физике, химии, умению логически мыслить, делать собственные теоретические выводы. Имеет 1 разряд по шахматам, играет в теннис. Сдержан, уравновешен, скромен.» Так характеризуется Валерий Вудка, младший брат Юрия.

Что представлял из себя Симонас Грилюс, к моменту ареста уже закончивший институт и работавший в Клайпеде, нетрудно понять из его собственных показаний: «Во второй приезд в Рязань (я приехал на два-три дня) Вудка вечером предложил мне пойти к одному книголюбу, у которогоказалось богатая библиотека. Он предупредил меня, чтобы я не ляпнул бы при нем что-либо плохое о Пушкине, то есть из рецензии Писарева на «Евгения Онегина»... Просто это рафинированный интеллигент чистейшей пробы. (...) Приехали мы вечером в Приокский поселок. Дорогу я не запомнил, так как ве-

ли меня Юрий Вудка и Валерий Вудка. В комнате-библиотеке нас встретили хозяина и высокий, бородатый хозяин. По стенам стеллажи с книгами. Юрий вел с хозяином литературную беседу, а мы с Валерием набросились на книги. Я попросил книги с речами русских революционеров на судах — Халтурина, Желябова и др. И читал взахлеб. О чем беседовал Юрий Вудка не помню, да и не слушал. Мне завтра нужно было уезжать и я глотал страницы уникальной книги. При выходе Вудка сказал, что в Рязани это клад — иметь возможность читать такие книги.»

...«Теоретик» и лидер группы Юрий Вудка приехал в Рязань из Павлограда, имея за плечами учебу в машиностроительном техникуме, квалификацию станочника и неудачную попытку поступить в столичный вуз. Как и многие иногородние первокурсники, он снял квартиру в частном доме на улице 1-я линия и сломя голову кинулся в водоворот студенческой жизни. На «литературных вторниках» в институте быстро сошелся с Олегом Фроловым. Общее пристрастие к студенческой многотирожке и увлечение поэзией заставили их искать более тесных отношений друг с другом. Однажды, в начале 1967 года, Юрий пригласил Олега к себе на квартиру. Обсуждали недавно изданные стихи Евтушенко, и хозяин прочитал самиздатовскую вещицу поэта, которую выучил наизусть (теперь это стихотворение о смерти Сергея Есенина хорошо известно). От литературных и философских споров перешли на политические темы и еще больше понравились друг другу, обнаружив сходные критические оценки существовавшего в стране порядка.

На допросе в КГБ Олег Фролов признавался: «Я самостоятельно пришел к выводу о необходимости изменения существующего строя в СССР в сторону демократии. К формированию таких взглядов послужили отдельные события внутренней жизни в нашей стране, а именно: развернувшаяся кампания в нашей прессе против деятелей культуры, в частности, против Евтушенко, методы устранения Хрущева как руководителя государства и другие действия, на мой взгляд, нарушающие демократические принципы и свободы.»

Юрий также захаживал к другу домой, но редко, видимо чувствовал некоторую недоброжелательность отца Фролова, не жаловавшего поэзов. Для родительских опасений были веские основания. После одного вечера в сту-

денческом кафе, куда Олега пригласили читать стихи, вернулся он домой с раскашанным носом и разбитыми очками. С тех пор отец думал о поэтак исключительно как о несерьезных людях, скандалистах, мешающих сыну овладевать наукой. (...)

На одной из поэтических встреч друзья сошлись на идеи организовать кружок единомышленников, активно не приемлющих лживость действительности. Олег переговорил со школьными приятелями, тоже ставшими студентами радиоинститута, — Семеном Заславским и Евгением Мартимоновым. Их даже не привлекло «вовлекать», потому что Олег уже все уши прожужжал им про своего нового друга, обладающего оригинальным мышлением.

С Симонасом Грилюсом Вудка познакомился еще раньше, чем с Фроловым, приблизительно в начале осени 1966 года. Поскольку им уже тогда овладела мысль о группе единомышленников, он внимательно присматривался к своим знакомым. Грилюс долго не воспринимал теоретические выкладки (...) Юрия, ошарашенный их откровенностью. Лишь постепенно, с большим трудом, Симонаса удалось переубедить и привлечь к практическому участию в нелегальной работе.

Последним в тайный кружок влился младший брат Вудки — Валерий. Поступив в 1967 году в радиоинститут и волею обстоятельств вынужденный делить с братом один частный угол, Валерий мало-момалу заражался общим настроением по переустройству общества.

Сразу же возникла необходимость где-то собираться, чтобы обсуждать свои идеи. В мае 1967 года встретились на даче родителей Жени Мартимонова. Поскольку предстоящая экзаменационная сессия требовала подготовки, то здесь же листали конспекты, одновременно обмениваясь политическими суждениями. А в приговоре суда эта встреча грозно называется «соборищем сообщников», где Юрий Вудка выступил с «клеветническими измышлениями на советский и общественный строй».

Явка с повинной ?

По официальной версии дело «Вудки» началось с покаянного заявления в органы КГБ одного из участников группы — Семена Заславского: «Под влиянием неправильной оценки некоторых исторических и политических событий, а именно: событий 1937 года, развенчания культа личности (в период конца 1966 — начала 1967

года), а также в дальнейшем неправильной оценки «еврейского вопроса» в СССР и, наконец, событий в Чехословакии 1968 года, у меня возникли взгляды, противоречавшие официальному курсу и линии партии, антисоветского характера.

Вначале эти взгляды были бессистемны и непоследовательны. Аналогичных взглядов придерживались мои близкие друзья Мартимонов и Фролов, с которыми я иногда обсуждал вышеупомянутые вопросы. Но затем, приблизительно в середине 1967 года, я познакомился с Вудкой, который тоже высказывал антисоветские взгляды, но в более законченной и последовательной форме. От него я услышал несколько фактов, которые якобы подтверждали существование притеснения евреев в СССР, в дополнение к тем, что я знал из советской литературы (в частности... из произведений Эренбурга). От него я получил... машинописный текст с письмом Эриста Генри Эренбургу, в котором Генри укоряет Эренбурга в чересчур мягком отношении к культуре личности и приводят некоторые данные и цифры.

...С течением времени наши взгляды приняли более конкретный и законченный характер, поскольку у Вудки... существовало подобие теории, обосновывающей эти взгляды, которую он в последствии излагал в рукописной работе «Закат капитала» под псевдонимом Л. Борин...

Не стану цитировать дальше, в каких словах и выражениях винили двадцатилетний «антисоветчик» и что обещал стражам государственности в лице работников КГБ, — подобным покаянием рано или поздно заканчивалось общение всех ребят со своими следователями.

Однако, изучив собственноручное заявление Семена Заславского, трудно уверовать, что написано оно человеком, явившимся с повинной. Слова выведены неярко, нервно, с зачеркиванием и вставками. Поля неровные, некоторые листы не дописаны до конца, как будто их переписывали или вкладывали дополнительно. Невозможно отрешиться от впечатления, что составлялось покаянное заявление не дома, по трезвому размышлению, осознанно, а в казенном кабинете, под присмотром, если не под диктовку «куратора». На это указывает и сумбурность, отрывистость изложения. Так и кажется, что человек-невидимка задает вопросы, оставшиеся «за кадром», а человек во плоти на них письменно отвечает.

Впрочем, это моя личная версия, в которой я еще больше укрепилась, когда обнаружила, что и объяснение другого «подельщика» — Жени Мартимонова — написано на тех же характерных листах белой бумаги, видимо вынутых из одной и той же пачки, и по тому же образу и подобию.

Не нужно быть особенно наблюдательным, чтобы среди протоколов следствия отыскать любопытный документ, с которого началось дело «Вудки». И началось не в Рязани, а в Саратове, и не летом 69-го, а двумя годами раньше.

В саратовском юридическом институте учился друг Юрия Вудки — уроженец Шацка — Олег Сенин. Там и начался для него и его единомышленников путь на отечественную Голгофу. А происходило это так. Однажды после занятий студент решился на откровенный разговор с уважаемым им преподавателем. Юноансы такого общения хорошо видны из заявления декана дневного отделения в управление КГБ по Саратовской области: «...Сенин сказал, что я критиковал его за плохую сдачу зимней сессии и объяснял это тем, что он разболтался и перестал заниматься. Однако, это объясняется другими причинами. Я спросил, чем же это объясняется. «Я писал работу», — ответил он мне. Я поинтересовался... Сенин ответил, что в моей статье (он назвал сборник) он прочел, что бюрократизм способствует взяточничеству, и решил заняться выяснением сущности бюрократизма.

...Я ответил, что мне было бы интересно посмотреть работу. Сенин поставил условие: никому работу не давать, а возвратить в тот же день. Он повторял это несколько раз. Я сказал, что работу никому не передам. ...Через несколько дней он зашел ко мне в кабинет... и передал работу.

...Вечером, прия домой, я открыл работу и обнаружил, что ее содержание отличается не интересными исследованиями, новой постановкой вопросов, а антисоветской направленностью. Меня это возмутило, я просмотрел работу до 22-23 часов и утром, прия в институт, пошел к ректору и передал ему тетрадь Сенина, объявив, при каких обстоятельствах она ко мне попала.

...Когда Сенин пришел ко мне, я ему сказал, что тетрадь возвращена не будет, объяснил причину такого решения. Сенин был крайне взволнован, он обвинял меня в нечестности, непорядочности, в том, что не сдержал слово и т.д.

Я говорил Сенину, что как со-

ветский человек и как коммунист не могу позволить, чтобы такая писаница имела хождение. Я попытался объяснить ему, что он методологически неправильно использует работы классиков марксизма-ленинизма, забывая, что отдельные высказывания были сделаны по конкретному поводу, в конкретных условиях.

...Я поинтересовался, являются ли выводы, положения, содержащиеся в работе, его убеждениями или нет. Сенин на этот вопрос не дал мне ответа.

...Он спросил, где находится тетрадь. Я сказал (как и было договорено), что тетрадь у ректора. «Тогда я пойду к ректору», — заявил Сенин.

...Когда Сенин узнал о том, что тетрадь ему не будет возвращена, он мне заявил, что за ним уже наверняка следят из КГБ. Я ответил, что туда не сообщал. «Я вам не верю», — был ответ Сенина.

В КГБ, действительно, поспешил заявить не декан, а (...) ректор, это подтверждают даты на документах. В своей первой объяснительной вызванной в управление госбезопасности Олег, чтобы усыпить бдительность оперативников, нес явную окопасицу. Рассказывал о случайном попутчике в поезде, который и вручил ему эту тетрадь, которую по договоренности он должен вернуть обратно по адресу: «до востребования». Он хитрил и оборонялся, выводя следующие строчки: «Мое отношение к работе таково: в ней раздута до огромных размеров отрицательная сторона, умышленно обходятся положительные стороны действительности, которых масса. Таким образом она лишена объективности — это самый существенный недостаток. В ней выражена явная тенденциозность. Причина, которая побудила меня дать тетрадь..., заключается в том, что я хотел выяснить ее действие на человека трезвого, объективного подхода к действительности. Его реакция окончательно убедила меня в том, что идеи, там выраженные, неприемлемы для людей нашего общества.»

На этом как-будто инцидент и был исчерпан. Работники госбезопасности Саратова явно не из-зали не стали «раскручивать» (...) дело. Просто текущий момент не побуждал к излишнему служебному рвению — хрущевские разоблачения культуры личности раскрепостили общество, зарядили его невиданной дотоле тягой к свободомыслию. (...) Олега отпустили восвояси, но крамольную общую тетрадь и объяснительную аккуратно сложили в па-

почку — до лучших времен (простите, до худших).

Ввод советских войск в Чехословакию подвел черту под оттепелью и заставил не в меру «расчиривавшихся» граждан примолкнуть. Стражи государственности расправили мундиры... Только молодая поросьль, цветение которой совпало с крущевским потеплением и не знаяшая (...) другой погоды, продолжала свое максималистское буйство. Тетрадочку вынули из-под сукна, и маховик прежней, хорошо отложенной машины подавления вольнодумства и гражданских свобод пошел стремительно набирать обороты.

«ЗАКАТ КАПИТАЛА»

Загадочная тетрадь, изъятая у Сенина в Саратове, в материалах следствия именуется антисоветским трактатом «Закат капитала». Под псевдонимом Л. Борин скрывался студент-заочник радиоинститута Юрий Вудка. В соответствии с переменчивой обстановкой в стране первоначальный вариант, составленный в 1967 году, дорабатывался и обновлялся. Мне довелось читать фотокопию издания 68-го года. Написанная провинциальным студентом-технarem работа имела все основания для гнева (...) партийно-государственной элиты, ибо покушалась на все ее святыни разом. То, что стремящийся к научности Юрий снабдил свое произведение непостижимым количеством цитат классиков марксизма-ленинизма, искренне им почитаемых, только усиливало критическую направленность трактата. Наивные, путаные философские выкладки автора меркли в сравнении с безукоизнено точными характеристиками современного бытия и пророческими прогнозами, которые помогал ему делать трезвый ум, хотя и не свободный от большевистских догм и марксистских мечтаний о коммунистическом благоденствии. Иные положения «Заката капитала» словно списаны с сегодняшнего дня.

«За полвека после смерти Ленина, — писал Вудка, — марксизм был превращен властью имущими в безвредную икону, за которой они обделывают свои реакционные дела.»

...У нас в стране, где жестоко подавляется малейшее оппозиционное течение, где растоптаны свобода слова, печати, сорбаний, союзов, совести, где пресса только и занята воспеванием каждого решения власти, где ручные «Советы», освященные торжественной комедией выборов, являются бесправным придатком то-

талитарной партийной машины, не может быть и речи о демократии. Значит система политического управления целиком опровергает бюрократическую мифологию о полной победе социализма и, наоборот, ясно доказывает, что в стране господствует государственный капитализм. Смешно выглядят идеологи Запада, которые ругают социализм, указывая пальцем на Восток. С тем же успехом можно объявили сумашедшим Юлия Цезаря на том основании, что какой-то современный сумашедший величает себя Юлием Цезарем.» (...)

«Советские советники до 1956 года были полными хозяевами стран так называемой советской демократии, создавая там, смеющая и перетасовывая марионеточные полицейско-бюрократические правительства.»

Двадцать лет назад студент-заочник, токарь по профессии, своим умом дошел до необходимости децентрализации экономики страны, которая, с горем пополам, проводится нашим нынешним правительством.

«Децентрализация в корне противоречит фундаментальным принципам диктатуры бюрократии, — пишет Юрий Вудка. — Однако развитие экономики под угрозой кризиса требует предоставления все более широких полномочий хотя бы директорам предприятий, вплоть до введения свободного ценообразования и конкуренции между предприятиями... В этом случае позвоночный столб государства — партийный аппарат, вместе с венчающим его ЦК, оказывается экономически совершенно излишним и, следовательно, явно обреченным на гибель. Именно поэтому так робко, с таким множеством оговорок и перестраховок осуществляет бюрократия каждый шаг экономической реформы...»

Из приговора Рязанского областного суда: «Вудка Юрий Вениаминович... в целях пропаганды своих враждебных Советской власти взглядов в мае — июне 1967 года написал антисоветский программный трактат «Закат капитала», в котором опорочивается советский государственный и общественный строй, изложены программные установки по созданию на территории СССР антисоветских нелегальных кружков и групп по проведению агитации и пропаганды, организации забастовок, демонстраций и восстаний с целью свержения советского государственного и общественного строя.

...С целью распространения антисоветской литературы организовал ее размножение. В 1967 —

1969 годах совместно с Фроловым, Грилюсом, Заславским, Мартимоновым и Вудкой В. (...) изготовил 34 экземпляра «Заката капитала».

Если следовать нормам брежневского права, «клеветнические измышления» Юрий Вудка допускал на каждой странице своего трактата. Это касалось устройства государства, национальной политики, международных отношений, армии...

«При социализме весь народ учился военному делу. Но для этого вовсе не надо запирать юношей на 3-4 года в полуторемные казармы и заставлять их заниматься идолопоклонством перед каждым военачальником.»

«Клевета» Вудка и на (...) колхозное строительство: «Хронический застой, даже регресс нашего сельского хозяйства, который происходит вопреки огромным материальным затратам на его подъем, вопреки внедрению техники, был вызван, в первую очередь, несоответствием производительных сил и производственных отношений деревни.»

«Антисоветские нападки» делал (...) он и на «отца народов»: «Вершиной сталинской национальной политики был геноцид в отношении чеченцев, ингушей, крымских татар, немцев, калмыков и др. Целые нации вместе с их еще не родившимися детьми обвинялись в предательстве, лишились всех прав и высыпались в Сибирь...»

«А король-то голый!» — крикнул он, обнаружив призрачность социалистических одежд. «Вместо равенства возрождается феодальная система привилегий, бюрократическая сословная иерархия.»

Нет, сегодня никого такими откровениями не удивишь, но все-таки эти проридческие озарения, открывшиеся девяносталетнему парню в эпоху всеобщего «одобрямс», не могут не потрясти. (...)

Пока свободою горим...

Вызов в КГБ, накануне дня отъезда в Черновцы, когда Юрий Вудка (...) сложил с себя полномочия руководителя группы и назначил преемника, застал его врасплох. Судя по всему, (...) чекисты начали опасаться, что жертва ускользнет из тщательно расположенной сети и заторопились. 29 июля 1969 года написано «покаянное заявление» Заславского, 30 июля — «объяснение» Мартимонова, в тот же день возбуждено уголовное дело и впервые допрошен Юрий Вудка. (...) И «покаянное заявление», и «объяснение»

ние» единомышленников Вудки нужны были следователю в качестве формального повода для возбуждения дела. Эта «ширма» скрывала истинные источники информации – без стукачей и слежки КГБ не работает. (...) Среди первых документов дела были доносы ученых саратовских мужей и крамольная тетрадь «Заката капитала», исполненная рукой автора.

Несмотря на внезапность ареста, Юрий Вудка держался мужественно. «Вы подозреваетесь в проведении антисоветской агитации, то есть в совершении преступления, предусмотренного статьей 70, часть 1, УК РСФСР. Что вы можете показать в связи с этим?» – спрашивал следователь на первом допросе. «Я понимаю, в совершении какого преступления подозреваюсь, но отвечать по существу вопроса отказываюсь до тех пор, пока мне не предъявят конкретных фактов моей вины», – парировал подозреваемый. «Назовите ваших знакомых в Рязани», – требовал следователь. «На этот вопрос я тоже отказываюсь отвечать, отказываюсь и объяснять причины этого», – не поддавался Вудка.

Он был очень неудобен для следователя – не только потому, что обладал твердой волей, но и потому что имел «устаревшие» понятия о чести. Из допроса в допрос отказывался Юрий называть многие имена, упрямо оберегал людей, которых, по его мнению, нельзя было трогать. Одних за то, что давно отошли от группы, других за то, что стали семьями, третьих – как Александр Солженицын – за то, что велики, значительны и заслуживают уважения. «Пояснений никаких давать не буду», – упорствовал арестованный после месяца допросов, – так как человек, который напечатал первые страницы «Заката капитала», никакого отношения к деятельности группы не имеет». Вудка мог (...) не отвечать на вопросы следователя, потому что «болит голова», потому что в следственном изоляторе его незаслуженно посадили в карцер, обвинив в преднамеренной поломке радиодинамика, потому что не дают свидания с братом. В нем не было животного страха перед своими тюремщиками – в условиях несвободы он пытался оставаться свободным, пытался пророчествовать, излагая собственную теорию построения общества.

«Мы действительно собирались вместе, вели разговоры на политические темы, (...) но я не считаю эти разговоры антисоветскими, так как сам я сторонник Советов. Я допускал высказывания против политики существую-

щего у нас правительства в экономической области. Считаю, что у нас слишком большая централизация в управлении экономикой. В отношении коммунистической партии Советского Союза я высказывал мысль, что наступает время, когда общество может обходиться без партии с ее нынешними функциями.» (...)

«Я считал, что в настоящее время в Советском Союзе нет социализма, а существует государственный капитализм, – разговаривал на допросе Юрий Вудка основные положения «Заката капитала». – Правят страной в СССР не представители народа, а бюрократическая верхушка. При существующем положении вещей в СССР нет демократии, существует тоталитарная система управления государством, которая в период культа личности Сталина была похожа на фашистскую диктатуру. После этого произошла в стране некоторая демократизация, но не в полной мере. Потому остался госкапитализм...

В внешнеполитических вопросах я был не согласен с политикой СССР по отношению к Чехословакии. Ввод советских войск в ЧССР я расценивал как вмешательство во внутренние дела чехосlovakского народа, нарушение суверенитета, стремление сорвать построение в ЧССР социализма, к которому, по моему мнению, она стремилась после январских событий 1968 года, навязать ей госкапитализм, существующий в Советском Союзе.

Я полагал, что в Советском Союзе есть предпосылки для появления в будущем рабочего движения против существующего строя. Для того, чтобы этому рабочему движению, когда оно появится, придать сознательную направленность, я решил организовать группу людей, которые могли бы правильно направлять это рабочее движение.»

Дитя своего времени, вскормленный кратким курсом ВКП(б), Юрий Вудка, с одной стороны, чутко улавливал тончайшие намеки на грядущие изменения в обществе, а с другой, скажем так, носил в своем сознании все пережитки большевизма.

«Суверенитет», «демократия», «децентрализация», «тоталитарная система» – типичный словарь горбачевской перестройки.

«Рабочее движение», «предпосылки», «сознательность масс», «госкапитализм» – атрибуты эпохи Ульянова-Ленина.

Все эти несочетаемые понятия сочетались в трактате «Закат капитала». Чтобы приблизить нынешнюю демократию, Вудка с то-

варицами избрал тернистый путь большевиков-нелегалов со всеми вытекающими отсюда последствиями – просветительской работой, распространением листовок, вербовкой новых членов и... тюрьмой. (...)

На два десятилетия опередил время студент-прорицатель, угодив за свои откровения и убеждения в лагерь.

Сочинение Юрия Вудки на вступительном экзамене в радиоинститут начиналось словами: «Воля и труд человека дивные дивы творят», а заканчивалось утверждением: «Впереди – коммунизм». Так написано в следственном протоколе.

Один день Александра Исаевича

Зимой 1967 года, в студенческом общежитии №1, в комнате Симонаса Грилюса проходили литературные посиделки. Компания была привычной: Юрий Вудка, Олег Фролов, Семен Заславский. На этот раз в центре внимания была гостья – студентка Рена Красик, которая похвальилась редким знакомством с писателем Солженицыным.

«Мы загорелись интересом, – вспоминал Грилюс, – просили рассказать подробнее о Солженицыне-человеке. Но она толком рассказать ничего не могла. Честно созналась, что сидела раскрыв глаза и глядела на писателя. Он был гостем у отца... Мы знали Солженицына как писателя. Захотели узнать как человека. Вудка предложил Рене устроить нам с писателем встречу. Она согласилась.»

Первый визит на квартиру Солженицына оказался неудачным. Из показаний Рены Красик: «Нас встретила его мать и сообщила, что Солженицын в Москве, приедет в конце месяца. Она попросила оставить, кто был и по какому вопросу. В записке написали, что приходили студенты РРТИ и что хотелось бы побеседовать. Записка была написана и подписана мною.»

Встретиться с Солженицыным удалось только в марте 1968 года. Визит тщательно планировали. Решено было взять с собою фотокопию «Заката капитала», но с бухты-барахты не показывать, а сначала поговорить о жизни, выяснить взгляды писателя и только при благоприятных обстоятельствах предложить ему ознакомиться с работой. Говорить с Солженицыным должен был Юрий Вудка. Рена и Грилюс должны были изображать «литературный отдел» при газете «Радист» РРТИ. Это было почти правдой, так как

все трое в самом деле состояли в молодежном отделе многотиражки.

Дверь им открыла старушка. Пустила в коридор и сообщила Солженицыну о гостях. Он вышел из комнаты, (...) поздоровался и сказал, что любит знакомиться со студентами. Принимал Александр Исаевич ребят в комнате с роялем. Как и договаривались, инициативу взял на себя Юрий. Он завел разговор о призвании писателя, о его роли в истории. Упомянул Достоевского и Чернышевского. Поинтересовался, есть ли необходимость в марксистском осмыслении современной эпохи. Мнение Солженицына ему было очень важно, потому что он верил, что писатели всегда внутренним чутью предвещают исторические события.

Александр Исаевич ответил, что целесообразность анализа современности бесспорна, но усомнился, что эта благородная миссия по плечу неопытным молодым людям, тем более студентам технического, а не гуманитарного вуза. И вот тут-то Вудка представил свое детище — «Закат капитала». Солженицын был очень удивлен, (...) подержал в руках, полистал, но оставлять для детального знакомства не стал, сославшись на страшную занятость, а также некомпетентность в политэкономии. Зато он порекомендовал знакомого московского литератора, который в состоянии дать работе исчерпывающую критику. Вудка записал фамилию и номер телефона. Прощаюсь, студенты попросили у писателя почтить «Раковый корпус» или что-нибудь из его произведений, но он отказал. Конечно, визитеры были разочарованы. Они тешили себя надеждой найти авторитетного единомышленника, учителя, может быть покровителя. Им было невдомек, что за каждым шагом писателя велась тайная слежка, и он сознательно ограничивал круг своего общения.

Возможно, итоги похода к Солженицыну ребятами внимательно анализировались. Так или иначе, но весной следующего года, когда брат Юрия — Валерий Вудка — прочитал «Один день Ивана Денисовича» и передавал книгу приятелю, он не мог удержаться от собственного комментария: «Солженицын тоже критикует существующий в Советском Союзе строй, но он никогда не будет действовать против него активно, потому что «толстовец».

Между тем фамилия писателя красной нитью проходит через некоторые тома следственных материалов по делу «Вудки». Работников госбезопасности интересова-

ло одно: читал Солженицын «антисоветский трактат» или нет? А участники встречи давали (...) путаные, взаимоисключающие показания, причем Юрий пытался даже отрицать сам факт встречи. Следователи во что бы то ни стало жаждали «засечь» писателя, но показания студентов не давали для этого достаточного повода — антисоветскую работу не читал, у себя дома не оставлял.

Конечно можно было бы спросить у самого Солженицына, но в качестве свидетеля его вызывать не смелись, то ли опасаясь едкого пера самого литератора, то ли предвидя скандал, который могли раздуть западные журналисты. (...)

Сэм, Юст и другие

Ручные Советы в условиях тоталитарной системы, именуемой в СССР социализмом, по мнению Юрия Вудки, не могли привести к радикальным переменам парламентским путем. Оставалась одна надежда — на революцию, на организованное рабочее движение. Произойдет это не сейчас, а лет через двадцать. А до той поры нужно развивать сознание масс, готовить их к решительному шагу. Словом, все как у Ленина. Настольной книгой для деятельности в этом направлении Вудка выбрал (...) творение вождя международного пролетариата — «Что делать?» Позаимствовал он у большевиков и методы нелегальной работы с тайной перепиской, паролями, ячейками квартирами, конспирацией. (...)

Основная задача, которую поставила перед собой группа Вудки — все те же шесть человек, плюс Олег Сенин — тиражирование и распространение «Заката капитала» и тех тринацати статей, которые написал их лидер в дополнение к главному своему труду.

Перепиской работ занимались в пустых аудиториях радиотехнического института, а также в комнате Грилюса в общежитии. Впоследствии купили пишущую машинку в Москве. Размноженные экземпляры тщательно прятали. Заславский — в подвале дома. Мартимонов закапывал в землю на даче своих родителей. Вудка хранил у себя в комнате в закрытом чемодане, а часть закапывал в сарае, во дворе дома, где снимал квартиру. Фролов держал «антисоветчину» в специальном месте в шкафу.

Как истинные конспираторы, братья Вудки устроили на случай ареста сигнализацию — на окне их комнаты стояла детская книжка на польском языке «Домик сказок». Если бы книга исчезла

с подоконника, то участники группы не должны были заходить в дом. Сигналом опасности одновремя служил карандашный грифель, который братья вставляли в щель ворот во дворе, но хозяйские ребятишки часто ломали его и от этого пришлось отказаться.

Между собой студенты договорились, что Юрия Вудку будут звать Юст, Фролова — Смолин, а Грилюса — Сэм, но эти имена применялись редко. Чаще использовались подставные фамилии в почтовых корреспонденциях. Обычно Юрий предварительно просматривал все письма, которые приходят на адрес радиотехнического института и придумывал такие имена, которые в почте не попадались. Принадлежали они, как правило, особым прекрасного пола — Вислица, Вадимова и т.п. Текст посланий тоже подделывался под женский стиль и непременно заканчивался характерными дамскими штучками типа: «Жду ответа, как соловей лета!»

Названия своей нелегальной группе ребята так и не дали. Юрий Вудка предлагал именовать ее «Группой пропаганды марксизма», Олег Фролов — «Союзом коммунаров», но суета повседневных дел отвлекала от этого несущественного вопроса. Внимание шестерки сконцентрировалось на размножении статей, трактата и листовок. Искали надежную технологию. (...) Каждый предлагал свое. Например, Заславский и Мартимонов пытались использовать фольгу, текст на которой должен выбиваться на пишущей машинке. Юрий Вудка мечтал о гектографе. Фролов намеревался отливать литеры из свинца. Но все это так и осталось мечтаниями. Никаких практических шагов по изготовлению гектографа, стеклографа, ротатора ребята не сделали. Попытка Юрия отыскать в Москве рельефную пасту для печатания листовок тоже окончилась ничем. Но полет (...) фантазии заносил «нелегалов» в буквальном смысле в поднебесье. Юрий Вудка (...) предложил достать зонд, наполнить его водородом и, привязав разбрасывающее устройство, распространять листовки с воздуха.

Единственное, однако, что удалось реализовать из этих замыслов, так это раздобыть тонкую папироносную бумагу...

Оставался хлопотный, дорогостоящий, но вполне осуществимый способ тиражирования литературы — фотография. Оборудование брали в прокате, на фотобумагу складывались — из стипендии и тех денег, что получали от

сдачи крови на станции переливания.

Из показаний Валерия Вудки: «Зимой 1968 года я участвовал при размножении антисоветских документов на квартире у Мартимонова... Печатали до утра... Все мы проявляли, закрепляли и глянцевали фотокарточки. Мартимонов больше уделял внимания работе с фотоувеличителем, поскольку он лучше знает фотоделло... Учитывая, что экземпляров фотокарточек было за ночь отпечатано много, приходилось несколько раз менять растворы проявителя и закрепителя. Мой брат Юрий ушел с квартиры Мартимонова на работу в 6 часов утра, я ушел в 10 часов.»

В поисках поводыря

Нравственные сомнения заставили Юрия Вудку искать подтверждения своим вольнолюбивым мыслям у общепризнанных авторитетов. Созвучные суждения обнаружил он у Евтушенко и Солженицына. Но попытка заручиться поддержкой у Александра Исаевича, как мы помним, не удалась. И тогда ребята решили воспользоваться его советом и обратиться за консультацией к московскому литератору Льву Копелеву. С фотокопией «Заката капитала» Вудка и Грилюс отправились в столицу. Им снова не повезло — писатель лежал в больнице. Но возвращаться домой несолоно хлебавши (...) не хотелось и, узнав адрес больницы, они отправились к хворавшему с визитом.

Из показаний Грилюса: «Встретились в больничном дворике. Назвались по имени. Больше ничего о нас Копелев не знает. Вудка предложил ему ознакомиться с работой «Закат капитала». Копелев сказал, что сначала он хочет поговорить с нами. Вудка начал устно излагать ему идеи «Заката капитала», а Копелев их разбил все и сказал, что все это детский лепет и догматизм. Тогда Вудка попросил его все же прочитать «Закат капитала», где, как он говорил, мысли изложены собраннее. Копелев ушел в палату и через часа три вернулся. Сказал, что читать очень трудно, почти невозможно. Качество фотокопий было очень плохое. Мнение его не изменилось. Он сказал, что этот бред о революции, партизанской борьбе людей может только обернуться для нас эшафотом. Вудка упрямо стоял на своем. Тогда, заканчивая беседу, он сказал, что таких мальчиков Россия видела не раз и все они сложили свои буйные (...) головы.

... После ухода из больницы Вудка был расстроен и сердит.

Он сказал, что Копелев его не хочет и не может понять потому, что он не признает истинный марксизм.»

На самом деле умудренный опытом человек понимал конечно куда больше, чем думалось, (...) он понимал, что тоталитарная система не прощает не только мальчишеских игр в революцию, но даже просто мало-мальски серьезных слов о революции. (...) Он искренно хотел предостеречь пыльных марксистов. Но они ему не вняли, как не вняли и своей первой наставнице — журналистке Анне Климовой, одновременно работавшей литературным сотрудником «Приокской правды».

Познакомился с ней Юрий Вудка, когда та редактировала многостражную газету Рязанского педагогического института. На литературные посиделки, которые проходили в ее однокомнатной квартире в районе Театральной площади, собирались знакомой компанией — Юрий Вудка, Грилюс, Фролов, Заславский. Хозяйка интересовалась у ребят, чем увлекаются, что читают, кто из писателей нравится. (...) Она считала, что каждый прожитый день должен приносить что-то новое из области культуры. Потом Климова переехала в Москву и стала работать в «Учительской газете», но связь с ребятами не оборвалась. Когда были отпечатаны фотокопии первого издания «Заката капитала», Юрий поручил Грилюсу отвезти их Анне Григорьевне. (...) Когда он приехал за отзывом, то услышал разнос. Журналистка советовала бросить эту игру в революцию, и без них есть кому беспокоиться о развитии страны. Но (...) «революционеры» только обиделись — старшее поколение не принимало их всерьез.

Вновь встретиться пришлось уже в кабинете следователя, на очной ставке, где Грилюс был в роли обвиняемого, а Анна Климова — свидетеля. Пока свидетеля. Видя с каким упорством женщина обходит любовные вопросы (...) гэбиста, Грилюс «по-джентльменски» попытался помочь ей: «Возможно, вас удерживает от дачи правдивых показаний чувство ложного товарищества? (...) «Прошу меня не воспитывать!» — впервые резко оборвала его журналистка. Шесть страниц текста «Заката капитала», которые она отпечатала на своей пишущей машинке, стоили ей дорого.

Из постановления следствия: «... В конце 1967 года Вудка Ю. В. по предварительной договоренности с литературным сотруд-

ником редакции «Учительской газеты» Климовой доставил ей в город Москву рукопись «Заката капитала» для перепечатывания на пишущей машинке с целью последующего распространения. Вскоре по поручению Вудки Ю. В. в Москву к Климовой выехал Грилюс С. А. и получил от нее оригинал рукописи «Заката капитала» и отпечатанную на пишущей машинке на 6 листах часть текста названного трактата.

16 октября 1969 года при обыске на квартире Климовой А. Г. была изъята принадлежащая ей пишущая машинка марки «Consul», на которой, по заключению технической экспертизы, могли быть отпечатаны указанные шесть листов с текстом «Заката капитала».

Тогда же у нее изъяты записи, содержащие клеветнические измышления в отношении Советского государства и общественного строя.

Принимая во внимание, что... записи, обнаруженные у Климовой, отношения к делу не имеют, в целях всестороннего и объективного расследования фактов изготовления, хранения и возможного распространения Климовой политически вредных записей... материалы в отношении Климовой Анны Григорьевны из настоящего уголовного дела выделить в отдельное производство и направить в следственный отдел Управления КГБ при СМ ССР по городу Москве и Московской области.»

В тоталитарном обществе у человека выбор не велик — или с жертвой он, как Анна Климова, и тогда сам, почти наверняка, жертва, или с палачом, и тогда стук-стук-стук...

Набережные Саратова

Не найдя понимания в стане «отцов», но (...) естественно желая найти единомышленников, Юрий Вудка переключился на ровесников. Неожиданную помощь оказал ему Олег Сенин. Познакомились они в Рязанской областной библиотеке имени Горького, когда Олег готовился к поступлению в Саратовский юридический институт. Было это в 1966 году. Вежливые беседы незаметно перешли в литературные споры, а затем и в политические баталии. Ребята были очень нехожи и долго притирались друг к другу. Не сразу удалось Вудке поставить рассудительного и раздумчивого Сенина под свои революционные знамена. Может быть, и никогда бы не удалось, если бы не общее недовольство окружающей действительностью.

Родом из Шацка, Олег на при-

мере своей семьи знал экзекуторские повадки власти. У Михаила Павловича, его отца, часто случались неприятности на работе, его то снимали, то передвигали. Причина крылась в неуступчивом характере борца за справедливость. Олег болезненно переживал отцовские проблемы, но ничем помочь ему не мог. Он и сам был несговорчив и неуступчив, когда дело касалось принципов. Его можно было переубедить только фактами.

На одной из молодежных вечеринок Олег даже поссорился на этой почве с приятелями. Один из них читал свои стихи, в которых утверждал, что Русь развивается к лучшему. Когда он кончил читать, Олег спросил: «Почему ты думаешь, что Русь идет к лучшему? Докажи мне это, а я тебе докажу, что она идет к худшему!»

Из показаний Юрия Вудки: «В спорах я доказывал Сенину необходимость замены существующего в СССР общественного и государственного строя, говоря, что в Советском Союзе, в действительности, социализма нет, а существует госкапитализм, что у власти стоит не народ, а бюрократическая верхушка. Первоначально Сенин возражал мне, говорил, что в нашей действительности есть отдельные недостатки, против которых необходимо бороться. Эти недостатки не следуют обобщать и делать выводы о непригодности всего существующего в СССР строя. Затем он стал разделять мои взгляды. Вскоре Сенин поступил в Саратовский институт. К этому времени он стал фактическим членом нашей... группы. Примерно летом 1967 года Сенин приехал в Рязань и рассказал мне, что в Саратове есть группа, около десяти человек, критически мыслящих по отношению к существующему в СССР строю, молодых людей, с которыми он связался. Фамилии и имен он не называл, но сказал, что все они вместе с ним учатся в юридическом институте.»

Решено было идти на контакт. По договоренности с Сениным, весной 1968 года, в Рязань прибыла связная. Юрий Вудка и Грилюс встречали ее на вокзале с соблюдением правил конспирации. В условленном месте на перроне к ним подошла девушка, среднего роста, темноволосая, худощавая, с типичным русским лицом. «Не скажете, где здесь буфет?» — спросила она. «Я иду туда и могу проводить вас», — ответил Вудка. Встреча состоялась. Затем отправились на квартиру к Юрию, где и проговорили до самого вечера. В тот же день связ-

ная уехала. Имен и фамилий никаких не называли, а девушку нарекли Леной.

«Из сообщений Лены я понял, что саратовская группа только еще зарождается, — вспоминал Вудка, — в области теории отстает от нас примерно на один год... Чтобы восполнить этот пробел, я дал Лене для передачи саратовской группе следующие антисоветские работы: «Закат капитала», «Трубы свободы», «Внешняя политика советского империализма...»

Девушка уехала, а связь с саратовской группой так и не наладилась, переписка велась вяло. Чтобы выяснить в чьи же руки он отдал свои (...) труды, Юрий решил лично отправиться в Саратов. К тому времени Сенин перевелся на заочное отделение и жил в Рязани (у него родилась дочь, жена — студентка МГУ — находилась в декретном отпуске, и Олег не хотел их покидать даже на короткое время).

...На этот раз никакого пароля не было. Вудка нашел нужного ему человека в общежитии юридического института на Технической улице. Предварительный разговор состоялся на набережной Волги. Юрист прощупывал гостя, боясь попасться в ловушку. Сомнения рассеялись, когда Вудка стал оперировать положениями «Заката капитала». Подлинных имен и фамилий не произносил. Юрист отзывался на Леню, а его друг был Ваней.

Трактат и статьи саратовцы успели перепечатать. Кроме них они передали Вудке и работу своего товарища Агапова: «Пропаганда и психология». (...) Автор статьи недавно трагически скончался во время операции. У него на даче осталась нелегальная литература. Члены группы опасались, что ее обнаружат. Втайне от родственников они пытались проникнуть на дачу, но поиски ничем не закончились — никто не знал точного места.

Трижды Юрий ездил в Саратов. Помимо установления непосредственного контакта и обмена литературой, ребята обсуждали формы и методы нелегальной деятельности. Точек соприкосновения было много, но не меньше было и точек расхождения. Каждый горячо отстаивал свою правоту и не оставлял камня на камне от суждений оппонента. Саратовцы не принимали тезис Вудки о децентрализации экономики и доказывали, что и в будущем, когда произойдет «новая» революция, нужна будет жесткая централизация, террор, а вот с деньгами придется расстаться, потому что «деньги — зло». Они будут за-

менены квитанциями, по которым на общественных складах будут выдаваться продукты потребления и все необходимое для жизни человека. Словом, у (...) саратовцев были все те же пережитки большевизма в сознании, (...) только с другого края.

Юрий считал их позицию малоубедительной, слабо аргументированной, но переспорить не смог. Не соглашался он и с тем, что у группы нет лидера, а руководство осуществляется коллективно. «Если о всех делах группы знают все ее члены, то увеличивается вероятность ее провала», — наставлял он коллег-революционеров. С ним снова не соглашались. Когда на сессии в Саратов приезжал Олег Сенин, он тоже пытался (...) перетянуть ребят на сторону Вудки, но из-за учебы на долгие споры времени не хватало, и каждая группа оставалась при своих убеждениях. Договаривались, что доспорят письменно.

Дня за три-четыре до ареста Юрия Вудки на адрес радиотехнического института пришло письмо из Саратова. Конечно на вымышленную фамилию Вислина. Содержание письма условное, подделанное под бытовое. Фактически же саратовцы сообщали, что в последнее время участники группы попали в поле зрения органов госбезопасности, что за ними ведется усиленное наблюдение и просили встретиться. Побывавший не так давно в Саратове Сенин сообщил, что ничего подозрительного не заметил. Юрий Вудка и Мартинов собирались было ехать, но не нашлось денег. А тут и грянул арест.

Дело в отношении Олега Сенина выделили в отдельное производство, а самого арестованного отправили в Саратов. Именно там он впервые переступил порог КГБ и «вешал лапшу» о происхождении «Заката капитала». Именно там он получил первый жестокий урок (...) подлости и лицемерия в ответ на чистые порывы души.

Чертова дюжина

Рамки «Заката капитала» оказались слишком тесными для просветительских замыслов автора, а потому он решил ряд положений трактата рассмотреть более подробно в отдельных статьях. За два года таких работ набралось тринадцать. (...)

«В августе 1965 года я поступил учиться в Рязанский радиотехнический институт и начал много читать работ классиков марксизма. Прочитав работу В.И. Ленина «Государство и революция», а также его работы периода гражданской войны и НЭПа,

я пришел к выводу, что В.И. Ленин боялся сам того, что в своем дальнейшем развитии социалистическая революция идет не туда, как ожидалось ранее. Поэтому период 1937-39 годов я стал считать завершением термидорианского перерождения, на что В.И. Ленин указывал еще в период гражданской войны и чего он боялся. В результате изучения марксистской литературы у меня созрело мнение, что существование социализма в настоящее время в какой-либо стране — это легенда."

Работники госбезопасности отнеслись с недоверием к тому факту, что источником для «клеветнических измышлений» против большевистского государства могли стать статьи первого большевика страны. На это указывают жирно подчеркнутые фразы обвиняемого, где им перечисляются ленинские работы, и вопросы следователя на полях протокола.

Вооружившись классикой, Вудка приступил к собственным произведениям. Марксистско-ленинским духом веет уже от одних их названий: «Трубы свободы», «Современная интеллигенция и революция», «Внешняя политика советского империализма», «Современность и национальный вопрос», «О базисе и надстройке», «Идеологическая работа и психология», «О патриотизме», «Марксизм и колдуны» и т.д. (...)

Решив, что настало время для переправки «Заката капитала» за границу — для публикации в органах печати левых сил, Юрий Вудка вынужден был сократить объем трактата до минимума. Этот «краткий курс» получил новое название — «Правда о современности». С ним связана первая попытка группы отыскать единомышленников за пределами Союза.

Самую последнюю статью, тридцатую, «Что впереди?» Вудка написал в апреле-мае 1969 года. Вот что он об этом говорит: «В ней я в популярной форме изложил основы революционной идеологии, доказывал неизбежность свержения существующего в СССР строя. Я предполагал в случае возникновения революционного движения среди рабочих эту работу распространять среди них. Поэтому я сделал также перевод этой работы на украинский язык, так как, на мой взгляд, не все рабочие в других республиках знают хорошо русский язык. Предполагалось, при возможности, сделать переводы и на другие языки народов Советского Союза.»

В Дубне у Рихарда

От Грилюса Юрий Вудка узнал, что у него есть адрес чеха по

имени Рихард, который временно работает в одном из НИИ города Дубна Московской области. (...) В июне 1969 года Юрий выехал в Дубну. В общежитии на улице Кюри он отыскал Рихарда и передал ему свой трактат. Фамилию свою не называл.

После событий 1968 года все, что касалось Чехословакии, особенно интересовало членов группы. Положение в этой стране Вудка анализировал в «Закате капитала» и в последующих статьях. Ввод войск Варшавского договора оценивал однозначно отрицательно. (...) Помимо Вудки для беседы с чехом выехал и Евгений Мартинов: «...Говорил с ним о положении в Чехословакии. Как мне кажется, говорить со мной на эту тему он не особенно хотел (очень быстро кончил разговор). Его взгляды я не могу точно описать, так как я говорил только о Чехословакии, а здесь он мне сообщил только известные факты, как, например, дело Пахмана.» (...)

Из показаний младшего научного сотрудника Объединенного института ядерных исследований Рихарда Ледницкого: «В июле 1969 года я поехал в ЧССР, а именно в город Остраву. С собой я повез и «Закат капитала», который оставил дома у родителей. ... Я сам лично «Закат капитала» полностью не прочитал и своим знакомым в ЧССР не давал его для читки. Поэтому беседу с этим неизвестным вел неохотно. Я ему сказал, что «Закат капитала» передал в ЧССР своим знакомым. Он тогда стал спрашивать у меня о событиях в ЧССР. Я сказал, что сейчас в стране ухудшилось материальное положение населения... Других разговоров не было. Где остановился этот парень я не знаю. По моему мнению, сразу же после разговора он пошел на вокзал. Первый же посетитель ночевал в общежитии на улице Ленинградской... Это я его туда устроил на ночь, поскольку ему негде было ночевать.» (...)

«Еврейский вопрос»

О том, что у него «не та» национальность, Юрий Вудка догадался еще в Павловграде, когда учился в машиностроительном техникуме. На Украине антисемитские настроения отдельных граждан проявлялись довольно рьяно, но Юрий не мог понять причину этой неприязни. Постепенно он обнаружил, что дискриминация идет не только на бытовом уровне, но и в государственном масштабе.

На допросе он говорил: «Я

был недоволен тем, что в Советском Союзе нет еврейских школ, учебников еврейского языка и еврейской истории. Не издавались книги еврейских авторов... Я думал, что национальные потребности в Советском Союзе, имею в виду еврейского народа, не удовлетворяются. Поэтому у меня возникли определенные чувства симпатии к Израилю, где все эти потребности могут быть удовлетворены, и где нет антисемитизма.»

Национальность Вудки не привлекла и в приемной комиссии Московского физико-технического института, где молоденькая секретарша накалько намекнула ему, что не стоит рассчитывать на успех. Об этом печальном факте своей биографии Вудка долго не мог забыть и рассказывал новым рязанским друзьям. Желание обрести надежный тыл, без изdevok и ухмылок, толкало к поиску единомышленников. (...) В октябре 1968 года Вудка поехал в Москву на празднование еврейского национального религиозного праздника урожая.

«Я знал, что обычно в этот день у еврейской синагоги в Москве собирается много евреев-иностраниц. Этим обстоятельством я воспользовался... Я познакомился с группой евреев из Голландии. Ближе всех я сошелся со студентом-экономистом одного из амстердамских вузов по имени Эфраим.» Ему Вудка передал свою статью «Правда о современности» — своеобразный конспект «Заката капитала». (...)

«Еврейскому вопросу» в документах следствия уделено не меньше места, чем выяснению причин возникновения антисоветских убеждений. Стражам государственной безопасности надо было доказать этим мальчикам, что советский строй непричастен к тирании малых народов, а намечавшийся массовый исход евреев из Советского Союза связан не с тем, что «развитой социализм» плох, а с тем, что мысли у евреев «не те». Именно поэтому следствие так упорно добивалось от обвиняемых признания ошибочности их суждений относительно притеснений национальных меньшинств.

Измученный допросами и «разъяснениями» упорных чекистов, Семен Заславский в конце концов написал: «Передо мной развесили мишуру «еврейского вопроса», и я поверил, поверил несмотря ни на что. Я не подумал о том, кем бы был я (если бы вообще был), не победи 52 года назад та самая власть, против которой я решил бороться... Я родился в обеспеченной интеллигентной семье, а не в одной из множеств

ва бедных трудовых семей еврейских местечек, уроженцами которых являются мои родители. Мой отец окончил военную академию, служил в армии до последних дней, имеет звание подполковника... Моя мать тоже окончила высшее учебное заведение... Самому же вольнодумному чаду «лучший в мире строй» даровал судьбоносность...

Юрий Вудка был арестован накануне отъезда в Черновцы, где он намеревался дожидаться выезда из Израиля от родственников будущей жены. Отец Вудки, фельдшер по профессии, к намерениям сына уехать за границу всерьез не относился, а с невестой даже не был знаком. На следствии он утверждал, что о девушке никогда не расспрашивал, «потому что считал все это сплошной нелепостью».

В отличие от родителя, мечтания Юрия не показались такими уж несбыточными в КГБ. Отъезд теоретика и организатора антисоветской группы их явно не устраивал. (...) Чем же? Чем же могло навредить советскому государству отбытие студента-заочника на «землю обетованную»? А тем, что Вудка намеревался на исторической родине заняться политической деятельностью: «...издать свои антисоветские работы, распространять их на Западе, выступать по радио...» Словом, продолжать «клеветать» на страну социализма. А этого, разумеется, «в интересах государства» допустить было нельзя. И не допустили...

В преемники Вудка выбрал Евгения Мартимонова. Передал ему условные адреса, конспиративные фамилии, написал записку для связи с Сениным: «Олег! Сей почтенный муж будет заместо меня. Рассказывай ему все сплетни. Пока.» Выбор пал на Мартимонова не случайно. «Он создавал впечатление духовно крепкого человека, — объяснял свое решение Вудка. — Участники группы считали, что Мартимонов находится вне подозрений со стороны органов КГБ. С самого начала он лучше других выполнял порученные ему работы по нелегальной деятельности группы. Мартимонов был более сдержаным, чем другие, лучше соблюдал правила конспирации.»

Однако произвести полную «смену власти» не успели — в тот день, когда Юрий писал шифрованную записку Мартимонову, органы госбезопасности объявили начало операции... (...)

Рязань

«Приокская газета»,
Печатается с сокращениями

ОЛЕГ ПОПОВ

«Хроника текущих событий». Авторы и герои

Предлагаемая читателю сухая информация о деле «Партии коммунаров» (дело группы Ю. Вудки) — перепечатка из неподцензурного журнала «Хроника текущих событий», выходившего в Москве с 30 апреля 1968 г. по 1 июня 1982 г. Журнал выходил то раз в месяц, то раз в два-три месяца. Всего вышло 64 номера ХТС.

О «Хронике» (так обычно для краткости называли издание и его читатели, и гебисты, которые охотились за ним) написано довольно много, в основном за рубежом. Например, прекрасный обзор в книге Людмилы Алексеевой «История инакомыслия в СССР». Для нас сейчас важно, что «Хроника» была первым печатным изданием, давшим информацию о деле Вудки. Поскольку два первых сообщения (ХТС N 12, N 14) передал автор этих строк, он считает уместным предварить эту информацию своего рода «введением».

С первых своих номеров «Хроника» ограничила характер публикаций строгим, скжатым, без комментариев и оценок изложением событий, имеющих прямое отношение к нарушению прав человека советскими государственными органами.

Не существовало никакого института «собственных корреспондентов» и даже какой-либо систематичности в сборе и передаче информации в «Хронику».

Надо сказать, что поначалу «Хроника» была ориентирована на «внутреннее потребление», а не для «голосов». Лишь когда выяснилось, что советские власти не только глухи к призывам восстановить законность, но и воспринимают подобного рода информацию как «антисоветчину», «Хронику» стали отправлять и на Запад. Благодаря «Свободе», «Голосу Америки», «Би-Би-Си», миллионы людей, жертвы несправедливости, узнали, что их судьбы не канут в неизвестность, но могут стать предметом обсуждения на самых различных уровнях, станут достоянием общественности во многих странах. Благодаря «Хронике», гласность привела в наш дом задолго до горбачевских времен...

Только за хранение ХТС давали 70-ю статью. По «криминальности» «Хроника» шла в первых рядах, сразу за «Технологией власти» А. Авторханова. Тем не менее, сотни и тысячи экземпляров «Хроники» распространялись на тоиносеньких машинописных листочках по всей стране. Попадали они и в Рязань...

Информацию о деле Вудки я передавал для «Хроники» весной 1970 года. Основным источником был Женя Владимиров. Я хорошо помню, как мы гуляли с ним где-то на окраине Рязани и я записывал на страницах журнала «Новый мир» имена, даты, обстоятельства арестов, содержание допро-

сов. «Хроника» опубликовала лишь выжимку, детали же допросов, высказывания, детали, которые нельзя было проверить, в нее не вошли. И все же, в сообщениях есть ошибки. Некоторые были исправлены в следующем номере. Помимо вошедших в «Хронику» основных моментов, Владимир рассказал мне и о такой интересной детали. Летом 1967 года, то есть задолго до начала «чехословацкой весны» 1968-го, группа приготовила текст листовки, заглавленный «Русские танки в Праге», в котором осуждалась предполагаемая ими интервенция советских войск в Чехословакию.

И последнее замечание. Группа Ю. Вудки была нео-марксистского типа, скорее троцкистской, чем евро-коммунистической. В этом нет ничего дурного, ибо «истинный большевизм» был, как правило, первым шагом на пути от ортодоксального сталинизма к диссидентству, антисоветизму. Подавляющее число «нео-марксистов» — политзеков вместе с националистами, правозащитниками, христианами, сионистами мужественно и достойно отбыли свои сроки в лагерях особого режима, сидели в ШИЗО, участвовали в политических голодовках.

Можно не принимать всерьез утопические «неоДемократические» взгляды Вудок, Грилюса, Фролова, Учителя..., но нельзя не снять шапки перед этими юношами, бросившими вызов красному фашизму.

Франклин,
Массачусетс

Олег ПОПОВ. Франклин. 1994 г.
ФОТО М. ХОЛЬЦМАНА

ХТС: Подробности рязанского процесса

«Хроника текущих событий» N 12

Во второй половине 1968 года в городе Рязани шесть студентов радиотехнического института образовали нелегальную группу — «Марксистскую партию нового типа»: Юрий Вудка, Шимон Грилюс, Олег Фролов, Валерий Вудка, Евгений Мартимонов, Семен Заславский.

Юрий Вудка (студент-заочник, токарь «Рязсельмаша») написал (под псевдонимом Л. Борин) брошюру «Закат капитала» — программный документ группы.

В августе 1969 года группа была арестована КГБ. Аресту предшествовала явка с повинной двух членов организации. Обвинение — по ст. 70 и 72. Дело слушалось в феврале 70-го г. в помещении рязанского облсуда. Свидетели — из Подмосковья, Ленинграда, Киева, Саратова и других городов. (Видимо, группа имела связи с разными городами. На месяц раньше судимая саратовская группа Сенина имела в качестве программного документа тот же «Закат капитала»).

Ю. Вудка — 7 лет, Ш. Грилюс и О. Фролов — по 5 лет, В. Вудка — 3 года (всем — строгий режим), Заславский и Мартимонов (бывшие под следствием на свободе) осуждены условно.

«Хроника текущих событий» N 14

Подробности рязанского процесса. Как уже сообщалось (см. «Хронику» N 12), в Рязани арестована и осуждена группа из шести человек.

Следствие велось органами КГБ, было привлечено более 100 свидетелей. Дело слушалось в помещении облсуда с 10 по 19 февраля 70-го года.

Юрий Вудка — студент-заочник Рязанского радиотехнического института (РРТИ), 1947 г. рожд., Шимон Грилюс — инженер завода «Красное знамя», 1945 г. рожд., Олег Фролов — студент РРТИ, 1948 г. рожд., Валерий Вудка — студент РРТИ, 1950 г. рожд., Евгений Мартимонов — студент РРТИ, 1948 г. рожд., Семен Заславский — студент РРТИ, 1948 г. рожд., — представили перед судом по обвинению в попытке создания антисоветской организации (ст. 72 УК), в распространении антисоветской литерату-

ры и антисоветской пропаганде (ст. 70 УК РСФСР).

Судья — зам. гл. судьи области Матвеев. Обвинитель — прокурор области Г. Дубцов. Адвокаты — Трухачева, Коган, Титова. В качестве вещественных доказательств суду были предъявлены изъятые при обысках:

1. Литература:

а) «Закат капитала» — программная работа, написанная Ю. Вудкой;

б) «Деро, ор» (древнееврейское «Трубы свободы») — о личности в Современном обществе;

в) «Марксизм и колдуны» — о событиях в Чехословакии;

г) «Что впереди?» (на русском и украинском языках) — «доступно для рабочих» изложенная обработка «Заката капитала».

2. Пищущая машинка.

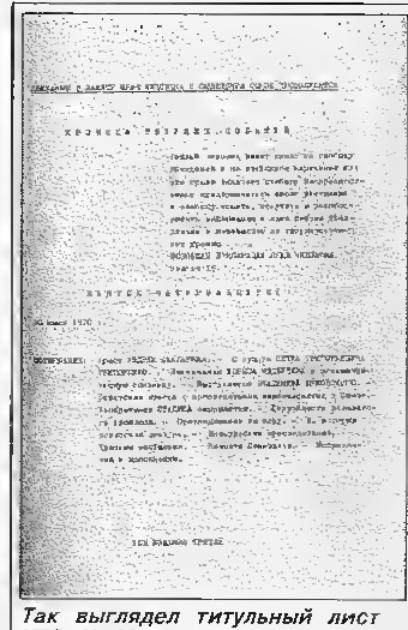
3. Фотоаппаратура.

Суд проходил при закрытых дверях, вход — по специальным пропускам. Кроме сотрудников КГБ, в зале присутствовали «представители» от крупных заводов, учебных институтов, военных училищ, обкома КПСС, обкома ВЛКСМ. Всего в зале находилось не более 30 человек, среди них — родственники и невесты подсудимых.

На суде в качестве свидетелей выступило 20 человек. Подсудимые признали себя виновными, однако при чтении приговора судья отметил, что раскаяние братьев Вудки и Грилюса было неискренним.

Решение о признании себя виновными было принято подсудимыми по предложению следователя, ссылающегося на ст. 3В УК РСФСР (обстоятельства, смягчающие ответственность) о роли чистосердечных признаний; на суде же подсудимые узнали от адвокатов о ст. 39 УК РСФСР (обстоятельства, отягчающие ответственность), по существу, отменяющей ст. 3В, если деяние квалифицируется как групповое.

Суд признал, что установленная предварительным следствием связь с заграницей свелась к передаче «Заката капитала» чехословакому и голландскому гражданам. Было установлено также, что группа занималась пропагандой своих взглядов, вовлечением новых членов, и что по книге «Закат капитала» проводились семинары.

Так выглядел титульный лист ХТС N 14.

АРХИВ «КАРТЫ»

Основные показания дал С. Заславский, арестованный 29 июля 1969 года, и на следующий день выпущенный. А 30 июля были арестованы Ю. Вудка, Е. Мартимонов, О. Фролов, В. Вудка — 14 или 15 августа, Ш. Грилюс — 21 августа в Клайпеде на квартире родителей.

Прокурор Дубцов потребовал для подсудимых: Ю. Вудки — 7 лет строгого режима и 3 года ссылки, Фролова и Грилюса — 5 лет строгого режима, В. Вудки — 3 года исправительных работ. Приговор суда отличался от требований прокурора в следующем: для Ю. Вудки срок ссылки был сокращен на год, а Грилюсу и Фролову было добавлено по три года ссылки. Ввиду того, что Заславский был представлен на суде добровольно явившимся в УКГБ и давшим откровенные показания, суд приговорил его к 3 годам условно; как тяжело больной к 3 годам условно был приговорен также и Мартимонов (он перенес один инфаркт ранее и во время суда находился в прединфарктном состоянии).

Несколько десятков человек, читавших «Закат капитала» или знаявших, но не сообщивших о существовании группы, было исключено из комсомола и института.

1970 год

Рязань - Саратов - Петрозаводск.

1970 год. Рязанско-Саратовско-Петрозаводский политический процесс. В Рязани – группа Юрия Будки. В Саратове – «легальные марксисты» под руководством Олега Сенина. В Петрозаводске – Александр Ефимович УЧИТЕЛЬ.

Рязанец. В 1967 году закончил рязанскую школу № 3. Поступил в Петрозаводский университет. В 1969 году был арестован КГБ за антисоветскую деятельность. Осужден. В 1973 году освободился, год спустя уехал в Израиль. Ныне – доктор наук, специалист по истории Древней Греции, преподаватель Иерусалимского университета.

Рассказывает друг Александра УЧИТЕЛЯ Николай ЦАРЕВ.

– Конец 60-х годов. Молодежная компания (в основном члены клуба «Олимп»), вечеринка, вино, гитара, музыка. Разговоршел о политике. Кто-то прочел знаменитое тогда стихотворение Евтушенко «Розовошекий комсомольский вождь». Саша Фатюшин (в то время – актер рязанского ТЮЗа – РЕД.) сочинил ответ Евтушенко о том, что комсомол в основе своей чист, что, дескать, будущее покажет, и жизнь переменится к лучшему. Поговорили и забыли, опять музыка, танцы...

На этой самой вечеринке познакомились Олег Сенин (он тогда учился в Саратовском юридическом институте) и Саша Учитель. Он учился в Петрозаводском университете, изучал финно-угорские языки. Олег был руководителем подпольной группы «Легальных марксистов». Группа занималась тем, что глубоко изучала работы Маркса, Энгельса и Ленина, и делала выводы что в СССР коммунизм строится не по Марксу.

Между Олегом и Сашей завязалась переписка. Саратовская группа имела связь с группой Юрия Будки в Рязани. До этого времени Саша, насколько я знал, не увлекался политикой серьезно. Он занимался филологией, любил историю, еще в школе интересовался археологией. Правда, когда в 68-м танки вошли в Прагу, Саша переживал это тяжело, называя подлостью.

...Сашу взяли с поличным, когда он пытался передать в Финляндию какой-то самиздат. В этом, собственно, и состояло его преступление. Провести сколько-нибудь серьезную работу в Петрозаводске он просто не успел.

Судебные процессы в Рязани, Саратове и Петрозаводске проходили примерно в одно и то же время. Если бы Саша на суде вел себя иначе, приговор, возможно, был бы мягче. Но он ре-

шил устроить «процесс над системой», как Павел Власов.

Следствие петрозаводские чекисты вели очень серьезно и основательно. Спустя 2 или 3 месяца после пресловутой вечеринки, ко мне на работу приехал следователь из петрозаводского КГБ.

На черной «Волге» меня доставили в кабинет, меблированный в строгом стиле, и допрашивали часов 6, не меньше.

Кто был на вечеринке? Что говорил такой-то? Что отвечал на это Учитель? Причем, вопрос «кто что говорил» он в разных формах повторял много раз, видимо, сопоставляя мои ответы с ответами других свидетелей.

Сначала я старался создать у него представление, что разговор о комсомоле был вполне лояльным, что Саша – никакой не антисоветчик и так далее. Но в конце концов я понял, что на все лучше отвечать «не знаю, не помню», ибо так или иначе, он ответы погремет «не в нашу пользу». Все попытки создать правдивую картину ведут к тому, что ты лишь усугубляешь положение подозреваемого.

Конечно, я не сказал следователю, что с детства помню (я дружил с Сашей с первого класса) старый радиоприемник «Балтика», который стоял на кухне в квартире Сашиных родителей. Они часто слушали «голоса», и особенно доверяли передачам радио Би-Би-Си. Может быть, именно благодаря «голосам», в 68-м у Саши не было иллюзий по поводу «гуманной» миссии советских танков.

Его родители – очень интересные люди. Мама сама прошла сталинские лагеря, строила Беломорканал. Отец в Рязань попал, будучи высланным за 101-й километр.

В доме у них очень большая библиотека, целая комната заставлена книгами. Мы школьной компанией часто собирались у Саши...

Отсидел Саша 4 года, год прожил в Рязани «поднадзорным». Это значит, что в 8 часов вечера он был обязан находиться дома.

Два раза он опаздывал минут на 30, ему сказали, что если еще раз опаздывает, могут снова посадить.

Он хотел устроиться дворником в краеведческий музей, чтобы, закончив уборку, можно было вечерами работать в библиотеке музея. Но ему сказали, что в идеологическом учреждении не

Ученики рязанской школы № 3. Третий в верхнем ряду – Александр УЧИТЕЛЬ.

ФОТО ИЗ АРХИВА Н. ЦАРЕВА.

должно быть неблагонадежных дворников.

Потом он устроился в баню оператором парового отопления. Со своей будущей женой Саша познакомился почти сразу, как вернулся из лагеря. Он там заработал «огромные» деньги, рублей 700, кажется.

Мы пошли в «Отдых» отметить его возвращение. А за соседним столиком в компании подруг оказалась моя знакомая по «Олимпу» совсем юная музыкантша Лена, я их и познакомил.

Вскоре — свадьба. Они стали жить у Сашиних родителей. Родители Лены категорически запрещали ей этот брак,

В 74-м Саша уехал в Израиль, а ее не выпустили якобы из-за того, что ее отец работает в органах МВД. Он, правда, моментально «слетел» с должности, после того, как Саша уехала. Лена окончательно с ним порвала и жила у Сашиних родителей, она им была как дочь.

Проходит несколько лет, Саша живет в Израиле, ее все не выпускают. Он там женится, у него рождаются дети, а она продолжает жить у его родителей...

Не так давно она вышла замуж и уехала из Рязани.

Вот такая любовь и такая история.

Александр УЧИТЕЛЬ с женой Еленой.

ФОТО ИЗ АРХИВА Н. ЦАРЕВА

Саша в Иерусалиме закончил университет, потом аспирантуру в Кембридже, теперь преподает в Иерусалимском университете.

... Я думаю, его политические взгляды окончательно сформиро-

вались в лагере. Там он общался с такими людьми, как Буковский, там, кстати, начал учить идиш...

Кто слышал «Трубы свободы?»

**Рассказывает брат Евгения
ВЛАДИМИРОВА Валерий ДЫКИЙ.**

— Женин дед был персональным пенсионером союзного значения. Он участвовал в штурме Зимнего, встречался с Лениным. Отец — полковник, долго служил в Польше. Женя до поступления в институт жил в Варшаве, о России знал по газетам, у него была гордость за Россию.

Когда отца перевели в Рязань, Женя поступил в пединститут на факультет истории на английском. Учился легко, великолепно знал язык. Его реферат по философии (тема что-то вроде «Альтернативные ситуации и субъективный фактор») научный руководитель — преподаватель МГУ — советовал переработать в диссертацию.

— Вы тогда знали о его политических взглядах?

— Да, он говорил со мной очень много. Я был слишком молод, лет на семь моложе Жени, потому, видимо щадя мой возраст, он не говорил мне всего. О группе, разумеется, рассказать он мне не мог. В общем-

то, они были лояльны к идеи социализма, только не признавали его в том виде, в котором он воплотился в то время у нас. Я помню Женину фразу: «Великая Октябрьская революция была социальной, но не социалистической».

Когда группу раскрыли в 70-м году, он прошел по делу свидетелем.

— Почему его не посадили, как вы думаете?

— Сложно судить. Может быть потому, что при обыске у него дома ничего не нашли. Хотя я знаю, что у него были рукописные документы группы и много «запрещенной» литературы, например, Солженицын. Помню, ему ставили в вину и то, что он дал 100 рублей на покупку машинки, на которой печатались листовки.

Из института его, конечно, сразу выгнали, из комсомола тоже. Он уже заканчивал пятый курс, оставался только диплом. Отца сразу — в отставку. Женя работал кочегаром на маневровом паровозе на станции Ряжск. Потом, через год, ему все-таки

дали защитить диплом, он сделал это без особых усилий. Но в школе ему работать не дали. Чрез некоторое время знакомые из облона помогли Жене устроиться в сельскую школу. Еще позже — стал работать в Ряжске.

Немало сил приложил к травле Жени после суда комсомол, не оставил в покое и КГБ. Мне кажется, давление, которое оказывал на него КГБ еще несколько лет, выдержать было не легче, чем допросы. Он рассказывал и про слежку за ним, и про «осуждение общественности»...

Прекратился этот прессинг году в 83-м. Видимо, даже у КГБ не на все хватает средств.

— Чем он занимается сейчас?

— Живет в Одессе, работает учителем.

— Как вы думаете, почему он не уехал за границу?

— Мы ведь русские, здесь наши корни. Мы должны жить по-человечески у себя дома...

**С. И. Царевым и
В. Дыкиным беседовала Юлия
СЕГАЛ.**

Рязань

Юрий ВУДКА

«МОСКОВЩИНА»

Воды Стиksа

... Раздался стук в дверь.
— Мы из КГБ — представились вошедшие откомленные мужчины в шляпах. — Вот ордер на обыск.

Меня почему-то охватило абсолютное спокойствие, спокойствие мертвеца.

Пока они изымали машинописные статьи Жаботинского, какой-то роман Булгакова и еще что-то, я незаметно уничтожил бумагу с адресами и телефонами. Советские книжки на идиш, по которым я пытался учиться языку, и даже «Элеф Милим» (часть 1) они не тронули, только перелистали. Затем чекистская «Волга» повезла меня в мрачное здание КГБ. Полковник Маркелов с темной одутловатой физиономией сидел в просторном кабинете. Он, хозяин этого офиса, старался произвести на меня грозное впечатление. Потребовал, чтобы я рассказал все о себе, в том числе о своих связях с «сионистским интернационалом» (так он выразился). Я ответил, что не обязан с ним разговаривать. «Неужели вы не понимаете, где вы находитесь?» — внушительно вопрошал Маркелов, глядя на меня. Я отвечал, что в цивилизованном мире такие органы занимаются ловлей шпионов, и только. «А вы не шпион?» — настороженно промолвил полковник, подавшись вперед всем телом. Я невесело улыбнулся: «Пока нет». — «Ну что ж, вам придется убедиться, что мы занимаемся не только этими делами.» — и Маркелов кивнул подчиненным.

Меня usherili в другой кабинет, поменьше. Там сидел начальник следственного отдела майор Сконников (все они были в гражданском). Сконников был похож на Кащея, циничный, со взглядом удава. Он стал вразброс выкладывать мне всякие данные о нашей деятельности, стараясь создать впечатление, будто им все уже известно. Мне стало ясно, что известно им очень многое, но не все; что во многом он путается, сбивается. В соответствии с существовавшей между нами договоренностью я отказался «помогать» майору. Он сунул мне лист бумаги и потребовал, чтобы я написал список всех своих знакомых.

— Нет, — твердо ответил я.

Сконников положил передо мной ордер на арест и стал заполнять протокол. «Почему отказываетесь давать показания?» — кричал он, стуча кулаком по столу. «Отказываюсь объяснять причину».

— Да мы вас в сумашедший дом упрячем!.. на экспертизу... — добавил он, зловеще усмехнувшись.

Это не помогло, и та же «Волга» повезла меня в старую городскую тюрьму, выстроенную в екатерининском стиле.

Меня втолкнули в бокс и захлопнули дверь. Это было узкое вытянутое помещение со скамейкой, парашей и лампочкой. Негде было повернуться. В дверях — застекленный глазок, наружная крышка которого иногда поворачивается... Приятного мало. Стены беспорядочно заляпаны цементом.

Обыск и допрос продолжались полдня. Я был очень голоден, устал, ломило спину. Думал, что это и есть моя камера. Сел на край скамейки, лег на нее спиной, скрестив руки на груди и упираясь ногами в пол, так как для них места не оставалось. Прошло много времени.

Заскрежетал ключ. Я открыл глаза и встал. Вывели, раздели, тщательно ошмонали, составили протокол, приказали одеться и повели в баню. Баня стояла возле высокого забора, огораживающего тюремный двор. Все было опутано колючей проволокой и сигнализацией. Вышка, впаканная полоса.

В бане остригли наголо. Только когда волосы падали ко мне на колени, я по-настоящему осознал, что старая жизнь кончена.

Тюремные лестницы, коридоры, надзиратели со скрежещущими и звякающими ключами.

Камера, отталкивающие лица уголовников. Кто-то предлагает мне глинистый хлеб. Есть кровать с грязным матрасом и одеялом. Можно отдохнуть.

На том свете

Машина следствия раскручивалась медленно и неумолимо. У них было уже много показаний, продолжались аресты, двое говорили и подписывали, все, что знали. Следствие продолжалось и в той самой камере, хотя я, по неопытности, лишь смутно об

этом догадывался.

Шло следствие над мыслью, над «действием» (то есть изложением мысли), над интимной жизнью. Первое необходимо для выяснения степени «социальной опасности», второе — обнаруживает уровень «вины», третье — кование в грязном белье в поисках чего-нибудь «компрометирующего».

Одновременно искали удобный предлог для пожизненного заключения в сумашедший дом.

В советских тюрьмах норма жилплощади — два с половиной квадратных метра на человека (как на кладбище), но и это не всегда соблюдается. Питание отвратительное, первое время есть его невозможно. Шаткие, скрипучие кровати стоят друг на друге в два яруса. Окошко забрано изнутри решеткой, а снаружи — густые железные жалюзи, так что увидеть из него невозможно ничего, кроме узких полосок неба. Весь день горит лампа накаливания. На ночь ее выключают, но зажигают другую, более слабую. Юмористы называют эти подспөловатые светильники «лампочкой Ильича». На прогулку выводят раз в день, продолжительность — один час. Прогулочные дворики представляют собой ряд сплошных каменных коробок с решеткой вместо крыши. Посреди дворика — скамейка. Он закрывается на ключ, в железной двери глазок, площадь дворика зачастую еще меньше камеры. Зато в него проникает воздух и солнце, а по дороге можно незаметно прикоснуться к траве или увидеть деревья за забором. Сам двор заасфальтирован, в нем нет ни травинки.

В советской тюрьме человек, как правило, лишен уединения. Одиночное заключение — тоже пытка, но и постоянная тесная скученность, тем более с расплетенными уголовниками, тоже давит на психику. Кроме того, в любой момент может приоткрыться глазок, и недремлющее око уставится на тебя сквозь стекло. Зачастую в камере два глаза: один в двери, другой в углу, где стоит параша, почти на уровне паха. Пол узников и надзирателей не учитывается: женщина может дежурить у мужских камер и туалетов, а мужик — у женских. Причем, выводя людей утром и

вечером в туалет для опорожнения параши и желудков, надзиратель о б я з а н наблюдать в глазок, чем они там занимаются. Антисанитария невероятная. Помыться можно только в грязном туалете... Каждая физиологическая потребность человека искусственно превращается в орудие издевательства над ним.

Еще одна пытка — радио. В камере нет выключателя и радио орет от подъема до отбоя. Уголовникам это даже нравится: помогает забыться, выбивает из головы мучительные мысли. Но для интеллекта такое круглосуточное нагнетание идиотизма невыносимо. Плюс уголовное окружение, нередко сотрудничающее с властями. Чекистам можно в такой обстановке давить на зеков: быстрее, быстрее, кончайте следствие, уезжайте в лагерь! Все равно мы все узнаем или уже знаем! Пойдем вам навстречу, дадимничтожный срок, сразу выпустим, амнистируем — только говорите, говорите побольше и побыстрее — для вашего же блага! Неужели вам еще не надоела эта тюрьма? Все равно ведь такой-то и такой все рассказывают — вот их протоколы, полюбуйтесь — и мы их поэтому вообще не арестовывали! Говорите, — и мы вас всем выпустим! Это ведь только профилактика — чтобы вы не занимались глупостями! Сами же будете нас потом благодарить! Подумайте о своей матери, ребенке, возлюбленной! Вы, вы сами делаете их несчастными! Вы свою больную мать доведете до могилы! Говорите, скорее говорите и идите к ней! А вокруг только подслеповатый полумрак, мертвые стены, цемент и железо, горький хлеб по соседству со злоничной парашей, час за часом, месяц за месяцем... А где-то осенне-летнее солнце заливает пляжи, кружатся роскошные листья осени, мерцают в лунном сиянии снежные просторы, пробиваются весенние травы...

... «Помогающие следствию» уголовники тоже давят по-своему: одни, пользуясь полнейшей неосведомленностью слушателя, убеждают его, что только от него одного зависит «гуманный» подход к нему и к остальным; другие угрожают, шантажируют, иногда бывают «предателями», посягнувшими на святость империи.

В уголовной тюрьме открывается жуткий, ирреальный мир, дотоле скрытый от глаз, как преисподняя. Выясняется, что вся страна покрыта сетью концлагерей — на север и на восток все гуще и страшнее... Вдруг узнаешь, что едва ли не в каждой семье кто-то сидит или сидел. Осознаешь,

в какие черные бездны пала нравственность народа. Оборотная сторона медали — свирепые, драконовские «законы».

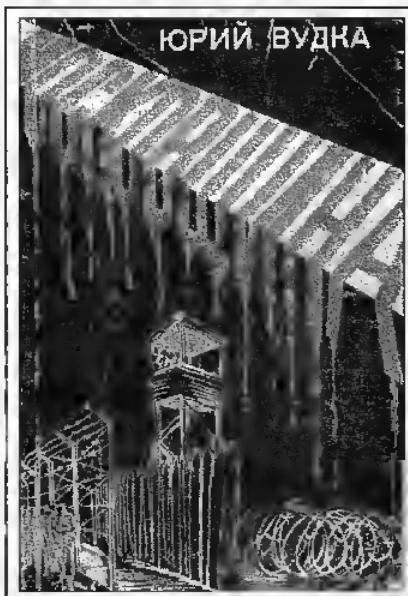
Да, «законы»... В красной России человеческие слова приобрели обратное значение.

Погружение в трюм

Вслед за Сконниковым мною занялся майор Проданов из Саратовского КГБ. Это был жирный, обрюзгший ребенок в летах, с белесыми глазами и грушевидной физиономией. Главная задача чекистов — нащупать у человека болезнь место, чтобы, наступая на самую чувствительную мозоль, выдавливать все, что необходимо. У меня арестовали брата, который был совсем мальчишкой и почти ни в чем не был замешан. Добиться его освобождения казалось реальным. Проданов твердо обещал мне это в течение месяца, если я буду давать показания. Позже я убедился, что чекисты не могут не лгать даже тогда, когда ложь ничего им не может дать, даже если заведомо ясно, что человек знает правду. Проданов, как оказалось, вскоре должен был вернуться в свой Саратов, а там хоть трава не расти. Главное — урвать сегодня. Я издалека незаметно подсматривал в его бумаги и протоколы, разложенные на столе, стараясь с видом полной искренности повторять лишь то, что уже было им хорошо известно. Вряд ли моя уловка не была разгадана. Проданов зато компенсировал себя тем, что в формулировках изо всех сил выпичивал свою решающую роль в извлечении из меня показаний, фабрикуя козыри для карьеры. После его отъезда и недоумения коллег по поводу продановских обещаний, их дела со мной застопорились. К тому же, они начали из других источников раскапывать связи с известными людьми, а я в этих вопросах либо молчал, либо говорил, что это к делу не относится.

Сидел я тогда уже в башне, в маленькой сводчатой камере с круглым окошком, к дверям которой надо взбираться по железной лестнице. Камера была крохотной, но радиусорпор, защищенный железом и вделанный в стену, был очень большим и невыносимо пронзительным. Раскалывалась голова. Гулкое эхо от слов превращало камеру в сплошной резонатор. Даже уголовники не выдерживали и вместе со мной железными крючьями от кровати пытались сломать это пыточное орудие. Мы возликовали, когда кому-то это удалось.

В дверях камеры всегда есть

нагло запираемая форточка — «кормушка». Ее открывают, когда дают еду, когда приказывают кому-нибудь собираться с вещами или без вещей. И теперь только открываемая кормушка, да посещение камеры утром и вечером дежурным старшиной нарушали наш блаженный покой, сладостную тишину.

Но недолго я наслаждался. Мой новый следователь, старший лейтенант Четин (к концу следствия он стал уже капитаном), черноволосый, белокожий коми-пермяк из Кировского КГБ, начал проявлять нервозность... Был он невысокий, полненький и по характеру лучше других. Но тут у него ничего не получалось в самом кульминационном пункте следствия, когда была надежда заарканить таких зубров оппозиции, что голова шла кругом. На него, несомненно, давили сверху, и Четин сказал многозначительным тоном, что мне будет предоставлена возможность подумать...

В тот же день за «поломку радио» опер отправил меня в карцер, хотя никаких официальных данных о моей «вине» не было...

Шантаж

... После обеда меня вызывали на допрос. На этот раз ведут не к тюремным кабинетикам, как обычно, а к выходу. Сердце бьется сильнее. Одни за другими раскрываются со скрежетом решетчатые ворота, глухие железные двери, опять решетчатые... После обычного ожидания в боксике, меня принимают знакомые чекистские рожи в штатском, усаживают между собой на заднем сиденье черной «Волги» и она мягко трогается... Мой первый «вы-

Рисунки Виктора БОГУСЛАВСКОГО, бывшего политзаключенного, к книге Ю. ВУДКИ «Московщина»

езд в свет». Смотрю, как открывается тюремный вход.

«Волга» мчится посреди улицы. Жадно ловлю глазами простор, движение, краски осени, человеческие лица. Может, увижу кого из знакомых? Люди ходят по улицам, как ни в чем не бывало...

Машина въезжает во двор КГБ, ворота закрываются. Через черный ход меня вводят в здание. Ожидание в вестибюле, какие-то формальности. Я стою, держа «руки назад», в свитере, на котором нарисовал звезды Давида. Пока они блещут свою бдительность, прислушиваюсь к разговору из-за двери. Чувствуется, что там много народа. Вдруг дверь открывается, из нее выходит студент, которого я немного знал по институту. Бледная втянутая физиономия отслужившего солдата, пара стальных зубов, русый чуб наискось падает на низкий лоб. Он видит меня, делает вид, что это его ни в малейшей степени не интересует, отворачивается и возвращается в комнату, из которой доносится смутный гул многих голосов. Вот ты оказался что за птица! И сколько же вас еще таких!

Наконец ведут наверх по каменной лестнице, покрытой ковром.

Опять просторный кабинет Маркелова. Он сидит под портретом Ленина. На его столе — бюстик Дзержинского. Сконников, Четин и прочая братия рассаживается в почтительном отдалении.

Мне указывают сесть у боковой стены кабинета.

Маркелов в ударе, он вещает бойко и бесперебойно. Темы ка-

лейдоскопически сменяют друг друга, мысли скачут, как резные блоки. Распалившись, он начинает забываться и то и дело выпаливает сокровенное.

У меня, как назло, разболелся живот, а ораторскому извержению конца-края не видно. Сижу, страдаю.

— Предатель Павел (чешский министр в 1968 году) хотел опубликовать архивы чехословацкого КГБ — гремит Маркелов, — но наши ребята встали стеной, не дали врагу пройти! Грудью заслонили дорогу! — размахивает он кулаком.

«Нацисты проклятые!» — думаю я, наблюдая за их рожами.

— Вы думаете, нам делать нечего, ни за что большие деньги получаем? Неправда! Это теперь нас немного разгрузили, а вот кто работал с нами до пятьдесят второго года, те знают, как мы работали! Ночи напролет просиживали! И не за такую уж большую плату! Правда, товарищ Сконников?

— Правда, правда, — истово кивает тощий Сконников, и глаза его загораются хищным блеском. Четин, не работавший до пятьдесят второго года, скромно потупился.

— Вы думаете, нас так просто взять! — гипнотизирует он не то слушателей, не то самого себя. — А известно ли вам, что стоит мне нажать кнопку на этом столе, как тут стеной встанут автоматчики, надежные ребята! Как те, которые проградили дорогу Павелу! Они защитят родной КГБ от кого угодно, и вас, да, да, вас тоже защитят, потому что вы здесь находитесь! Я долго с ва-

ми говорю, но вы молчите! Вы молчите, а дело пора закрывать! Как мы его закроем — зависят от нас. Все в наших руках! Понимаете? Мы можем закрыть дело по 70 статье — много не дадим — там максимум семь лет, но столько никто не получит. А можем перевести на 64 статью — измена Родине — а это от десяти лет до расстрела! До расстрела — понимаете? И все ваши свидетели пойдут тогда в обвиняемые! А срок — от десяти! Все в наших руках!

— Почему вы молчите?

И Маркелов кратко, сжато, подделому изложил состояние следствия. Откровенно, без утайки, как еще ни один из следователей. Он ясно давал понять, что не требует никаких новых показаний — только подтверждение того, что им уже хорошо известно от других. Без этого нельзя полноценно закрыть дело, а тогда, как я понял, прощай награды, новые чины и прочие продвижения.

— Но вы молчите. Почему вы молчите?

Дело было серьезное. Я не мог больше высидеть там. Сказал только:

— Хорошо, я подумаю.

Возвращались в темноте. Еле-еле добрался до родной камеры, измочаленный вдребезги.

Ребята

Ребята вели себя каждый в соответствии со своим характером... Брат держался очень резко, говорил чекистам в глаза все, что о них думал. В первые же дни он нарисовал на своей одежде щит Давида.

Олег, в соответствии с потребностями своего аналитического ума, вел со следователями теоретические дискуссии, чем немало их озадачил. По-моему, они всерьез задумывались о его вменяемости.

Сложнее обстояло с Шимоном. Этот человек был воплощенной эмоцией, причем, весьма бурной и деятельной. Оказавшись в четырех стенах, где месяцы протекали, как нечто несущественное, он не мог найти другого применения своей природной активности, кроме следственной отдушиной. Эмоции легко обмануть, заставить работать на миражи. Эмоции сами себя ослепляют сказочными надеждами. Поэтому из Шимона большевикам удалось выжать больше, чем из других арестованных, хотя он впоследствии, в лагере, проявил не меньше мужества, чем другие.

Как-то я догадался нарисовать на дверях прогулочного дворика, исписанных и изрезанных сплошь, звезду Давида, в центре которой написал номер своей камеры.

Через несколько дней углы звезды наполнились номерами камер моих товарищей.

Я уже начинал ориентироваться в расположении камер, и мне становилось ясно, что нас разбрасывают по разным углам разных этажей, чтобы связь была исключена.

Но однажды она все-таки состоялась.

Может быть, она была инспирирована чекистами с целью выживания информации из нашего разговора — не знаю.

Информацию они вряд ли приобрели, так как язык разговора оказался для них несколько неожиданным...

Я гулял с сокамерниками в прогулочном дворике, когда

вдруг услышал свое еврейское имя, откуда-то громко произнесенное:

— Арье, Арье!

Мистика, да и только. Человек-невидимка.

— Арье, Арье, злодеи все знают про Вильно и Ковно! Ты слышишь меня? — кричал откуда-то голос брата на идиш.

— Знаю, знаю, — прокричал я, не зная в какую сторону поворачиваться.

...Как я понял, брат из верхней камеры башни увидел меня в прогулочном дворике с помощью «перископа». Скорее всего ему помогли расторопные в таких делах уголовные соседи — то ли от чего-то делать, то ли по заданию...

Последствий не было никаких.

Вскоре я сказал следователю, что возобновлю общение с ним только после того, как мне дадут очную ставку с Шимоном и еще с одной девушкой, привлеченней в качестве свидетеля.

Через пару дней меня ввели в один из тюремных кабинетиков. Сконников и Четин с какими-то нервозными ухимками сказали, что я должен подождать. Затем, нехотя сообщили, что сейчас приведут Шимона, что говорить надо только на русском языке и ни в коем случае ничего такого, иначе очная ставка будет немедленно прервана.

Привели Шимона и усадили в противоположном конце кабинетика. Стриженный, похудевший, побледневший. Чекисты разместились между нами.

Шимон парень догадливый, быстро понял, что я от него хочу, признал, что кое-что перепутал, и теперь чекистам в отношении некоторых видных личностей не за что было ухватиться.

Правда, оставалась та девушка, но нас было двое, а она —

одна. Кроме того, я был уверен, что на очной ставке и она переведет свои показания в достаточно безобидное русло.

Чекисты, однако, сказали, что теперь уже все ясно, больше вопрос о затронутых людях подниматься не будет, суд этой стороны дела не коснется, и вообще, тема исчерпана. С девушкой они поговорят сами, напомнят ей, что дело было не так, а эдак, и все будет хорошо. (Впоследствии оказалось, что и тут соврали.)

Лагеря и тюрьмы

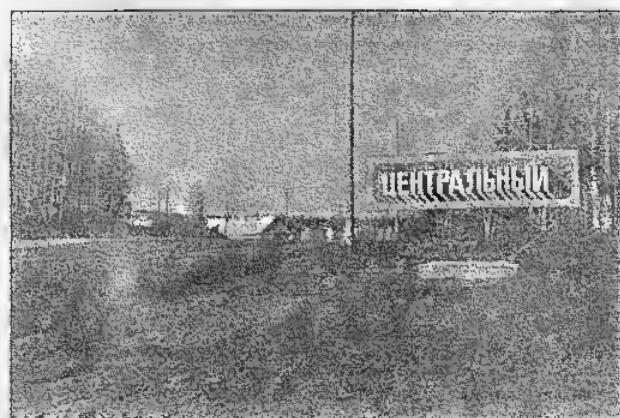
...И вот снова я один. Совершенно измученный повалился на постель, уже не мог ни о чем думать. Что завтра?

Назавтра в камере оказываются двое свеженьких, наполняющих мир феерическим смехом, шутками, историями. Оба беглые солдаты, друзья-неразлучники по тридцать шестому лагерю, Витольд Абанькин и Леха Сафонов. Они склону включились в новый спорт написания жалоб, наперегонки, кто больше. Инструктор влетал в камеру с выпущенными глазами и пачкой жалоб, а вылетал уже в истерике. Абанькин провожал его мощным пением арии:

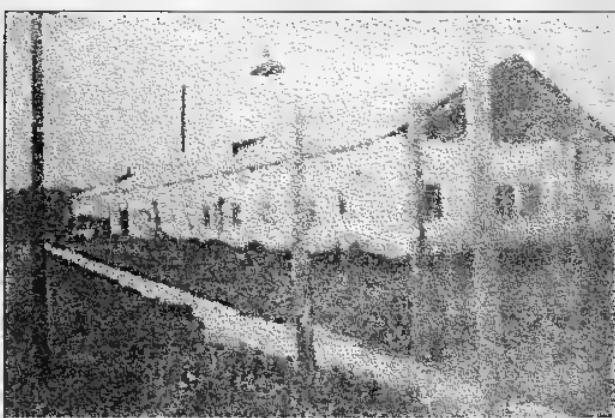
— Напи-и-шем жалобу, напи-и-шем!

Менты склоняли с ума от этой парочки еще в лагере. Это был совсем другой пласт лагерного населения, о котором я до сих пор почти ничего не знал... Менты попытались было разъединить их, надеясь, что поодиночке они утихомирятся, но вышло еще хуже, и потом их опять соединили, вопреки страшным клятвам осатаневшего инструктора. Однако в период разъединения разыгрались бурные события.

Сначала в камере вместо tandem'a появился энергичный, асте-

На подъезде к 35-й Пермской зоне.

БС-389/36, корпус особого режима.

ФОТО ИЗ АРХИВА Е. САННИКОВОЙ

ничный колерик — астроном Кронид Любарский, худющий, все ребра наружу, но боевой, как огонь. Кронид влетел в камеру и сходу начал знакомиться. Рассказал смешную историю, связанную с арестом своего однофамильца. Есть Кронид Любарский, русский ученый-демократ из Москвы, и есть Лазарь Любарский, инженер из Ростова, еврей-сионист. Между собой они не знакомы. Лазаря арестовали раньше. И вот в один прекрасный вечер сидит себе Кронид в своей квартире, слушает Би-Би-Си, и вдруг раздается следующее сообщение, от которого у него глаза на лоб полезли: «Астроном Любарский арестован за сионизм». Такая вышла путаница.

Кронид был первым известным мне русским зеком, открыто и принципиально отстаивающим не только право народов на отделение, но и жизненную необходимость этого отделения для самой России. Он совершенно четко осознал, что империя и демократия несовместимы. Будучи убежденным демократом, он отверг империю...

И действительно, это был бы выход. Кто из националистов отвергает право русских на жизнь или государственность? Никто. Борьба идет не против русских самих по себе, а против русского империализма...

Увы, я не оптимист. Я опасаюсь, что устоявшиеся имперские структуры (от психологических до экономических) поглотят новорожденную демократию, как в 1917 году, и на поверхность снова выплынет какая-нибудь имперская маэровщина. Смена флага — это еще не смена структуры...

«Moria», Izrael, 1984.

Олег СЕНИН:

«Это были мои лучшие годы...»

С Олегом Михайловичем Сениным беседуют Юлия СЕРЕДА и Андрей БЛИНУШОВ

— Нам хотелось, чтобы Вы хронологически рассказали о «деле Вудки». Пожалуйста, начните с Щацка, с Вашей семьи. Говоря банально, как Вы дошли до «жизни такой», видимо, источники этого пути в детстве, воспитании, окружении...

— Ну что ж... Мама моя — вологодская. Она очень светлая, довольно рослая, а отец и все его предки — рязанские. Из того самого места, которое теперь называется городом Щацком (он был основан при Иоанне Грозном как одна из казачьих застав в диком поле). Все мои предки жили в Казачьей слободе. Комната Казачьей слободы там была еще Ямская и другие. Перекрестное влияние Севера и Центра Руси я так или иначе всю жизнь чувствую и в своей индивидуальности и в своих наклонностях. А родился я в 47 году. Отец в то время жил в 18 километрах от Щацка, в таком удивительно живописном местечке, которое теперь называется Лесная Поляна. Тогда это было всего лишь отделение совхоза «Щацкий». Полукольцо лиственных лесов... Правда, нет речек, но зато повсюду чистейшие пруды, в которых водилась рыба... Повсюду огромные дубы, а чуть дальше от дома — просторные, светлые рощи... Удивительные трепетные осинники, по осени раскрашенные всеми возможными акварельными цветами...

Дедушка мой, Павел Федорович, был пасечником. Отец прошел его школу, работал на пасеке. Но по своей крестьянской сметливости, довольно недюженному природному дарованию он очень быстро выдвинулся, стал председателем рабочего комитета в совхозе, потом его сделали управляющим, и, в конце концов, за несколько лет до моего ареста он работал директорм совхоза, хотя имел он всего лишь 8 классов образования.

Отцу я за многое благодарен. Это человек какой-то удивитель-

ной правдивости. Чувство справедливости было присуще ему от рождения. Надо сказать, что оно не переходило у него революционный фанатизм, когда справедливости ради одних надо было вешать, а других — одарять имуществом повешенных. У него эта справедливость была по-христиански мудрой, хотя сам он в Бога не верил. Но ведь это и не обязательно — веровать... Вера и Бог пробиваются к нам всячими путями.

Чувство правды, пожалуй, передалось мне от отца. Тем более, что на моих глазах происходила заполея с моими дедушкой и бабушкой. Кажется, это был последний год жизни Сталина, 53-й, или сразу после того. Дедушка с бабушкой жили тогда в лесу недалеко от пасеки, где и проходило детство мое. Дедушку стали выселять из этого домика без всякого правомерного обоснования. Тогда отец мой (а он к тому времени был коммунистом), причем для него этот коммунизм был своего рода исповеданием, дал бой за дедушку. Он адресовал телеграммы аж генеральному прокурору — в инстанции, которые из нашей деревеньки казались вообще недостижаемыми. И, к чести отца, он выиграл это дело.

Из-за своей незаурядности, своего правдолюбия, отец вечно был изгоем, нес крест страдальца. Раза два с ним поступали совершенно несправедливо. Раз даже уволили. Он тогда обратился в газету «Сельская жизнь». Представьте, в те времена это была очень важная инстанция — газета союзного значения. Приезжал журналист, разобрался во всех обстоятельствах, увидел, что отца уволили совершенно необоснованно, была статья в газете и его восстановили. Так что, отец был лично известной даже на уровне областного начальства.

Он и ныне здравствует, дай Бог ему здоровья. Я всегда вспоминаю о нем с благодарностью.

Когда я был арестован, и после нескольких часов, проведенных наедине со следователем, отказывался давать показания и отрицал всякую причастность к делу (а я был арестован третьим в

Рязани, передо мной арестовали Вудку и Фролова), я был вызван наверх. Там сидел полковник Маркелов, начальник УКГБ по Рязанской области и человек 6 сотрудников. Маркелов, желая расположить меня к себе, раза два или три упоминал о моем отце, весьма симпатично о нем отзываясь, и даже сказал, что он хорошо отца знает, и призывал меня подумать, каково будет отцу узнать о том, что сын его оказался в политических отщепенцах. После моего ареста отца уволили с работы (он тогда работал то ли управляющим, то ли директором совхоза). А гонения на него начались раньше. Когда я в Саратове «засветился» с рукописью, к нему приезжал из Рязани следователь госбезопасности, беседовал с ним, и затем отца потихонечку начали затирать. А после моего ареста вообще лишили возможности работать в совхозе. Тогда родители вернулись в нашу деревеньку, в наш домик, где они и поныне живут, и пошел отец работать сторожем в МТМ.

Как-то я к приехал к отцу уже после освобождения, и он говорит мне очень печально: «Знаешь, — говорит, — вышел я первый день на работу, у стены солома лежит, и в этой соломе мне суждено ночь проводить, время от времени вставая и поглядывая». А перед этим произошел несчастный случай — в машине скорел наш сосед. И обгоревшая машина стояла неподалеку — этакий зловещий остов. Так вот, он говорит мне: «Представь, каково мне было в этой соломе, в этой ночной жутти, рядом с этой машиной расхлебывать то, что с тобой произошло...»

— А если говорить в целом: атмосфера 60-х годов, литература, разговоры... Вы приехали в Рязань учиться в техникум после восемилетки. Как вы ощущали эту атмосферу?

У меня был совершенно индивидуальный путь, и тогда, насколько я теперь понимаю, общественная атмосфера прямого влияния не оказывала. С чем это связано? После 8-го класса я поступил сначала в строительный техникум в Моршанске и проучился там 2 года. А уже в Рязани началась моя «костоломка». Оказавшись без родителей, я жил в общежитии, познакомился с местной шпаной. Это были дерзкие мальчишки, они держали верх, и дружба с ними, приобщенность к такой компании мне очень льстила (а мальчик я был видный). И вот, эта жизнь, это хождение по танцплощадкам, где мы время от времени квасили носы друг другу, однажды кончилась очень пло-

ко. Как-то такой вот компанией мы отметелили одного парня из нашего же техникума (он был боксер). И извиняло меня только то, что сначала этот боксер вместе со своим другом-штангистом, здорово отбуксал меня на танцплощадке. А после того, как мои дружки подоспели, началась наша расправа над этими спортсменами. Суд творился непреложный и скорый. Я-то отдался синяками, а у него, бедного, была даже проломлена голова. Возбудили уголовное дело. Но мне всю жизнь везло, и особенно удивительно везло на людях. Каким-то образом Бог вел меня... В нашем же общежитии жил следователь прокуратуры Анатолий Васильевич Ананских. Молодой человек лет 28, очень интересный и внешне, и по содержанию, много читал... Мы с ним дружили, видимо, он что-то во мне распознал. И когда уголовное дело было возбуждено, он это дело прекратил. После этого он мне посоветовал уезжать из Моршанска. Я переехал в Рязань, началась совершенно иная жизнь для меня. То что во мне как-то жило, вся энергия, молодые неудоженные силы, которые до сих пор прорывались в криминально-бунтарское русло, теперь пошли в направлении нравственного совершенствования, жизненных целиевых установок. Помню, именно тогда совершенно сознательно я решил заниматься проблемой преступности среди несовершеннолетних и делал это (сейчас сам поражаюсь!) для своих неполных семнадцати лет очень последовательно. Я точно знал, что мне нужно овладеть даром слова, и стал выступать перед своими однокашниками с разного рода докладами, причем с необычными для строительного техникума темами: о Пушкине, о декабристах, о Нюрнбергском процессе, о художниках-передвижниках. Меня все это тогда ужасно интересовало! Я записался в несколько библиотек, ходил в ту знаменитую рязанскую Горьковку, где познакомился со многими и со всякими. И все, что проходило через меня, я пытался передавать своим однокурсникам, тем более, что две учительницы, по обществоведению и по литературе, Роза Александровна и Галина Алексеевна ко мне очень благоволили, считали меня мальчиком не от мира строительного техникума. Они мне прочили другую перспективу, так оно и сбылось. Я научился держаться перед аудиторией, и потом, уже в Саратове, где я занимался в студии художественного чтения, это мне сослужило добрую службу. У ме-

ня тогда была твердая установка, что в будущем я буду выступать перед большими аудиториями, к тому же, мой благодетель Анатолий Васильевич Ананских тоже этим занимался — пример был перед глазами, живой и яркий. Второе, что я понимал: я должен научиться писать. Я мыслил себя как публициста. К тому времени я прочел книгу Георгия Медынского «Трудная книга». Она была посвящена проблеме подростковой преступности. Я тогда решил, что писать — это и мне предстоит. Я пошел в «Рязанский Комсомолец», там меня встретила очень милая женщина, может быть, из молодежного отдела, и я стал приносить ей статьи. Это была весна 1965 года. А материалы я брал вот откуда. Я пошел в прокуратуру Октябрьского района (представьте, все это в 17 лет!), познакомился со следователем Китаевым, он сделал меня «следователем на общественных началах», выписал мне удостоверение, давал кое-какие поручения. Я имел доступ к уголовным делам, читал их, сам несмокожко принимал участие в допросах. Потом я познакомился с Шевелевым из Советской районной прокуратуры, с некоторыми другими. Так я стал писать на криминальные темы, статьи были с размышлениями, с попыткой анализа.

В то время мое мировоззрение определялось потребностью приносить некую пользу, я исповедовал возвышенно-алtruистические взгляды. Тогда и случилось мое знакомство с Юрием Вудкой.

Встреча эта была, что называется, неслучайной. В то время я ощущал в себе воистину юношескую жизнеладность и какую-то необузданную потребность в знаниях. За что я только тогда ни брался! И за философию, и за психологию, и за юриспруденцию...

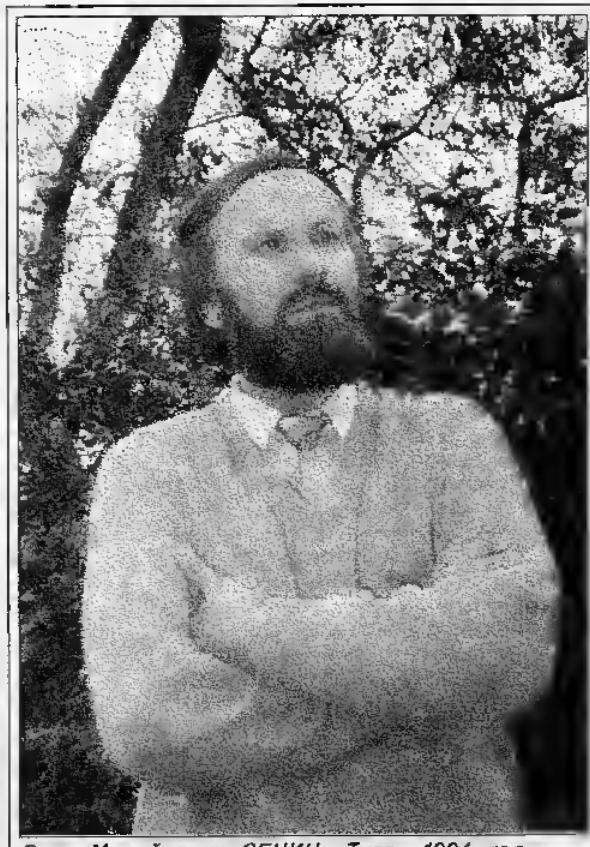
Помню, взялся было я в философии за «Феноменологию духа» Канта, но не осилив ее, хотя и испытав некое сладостное упоение от вхождения в эту совершенно непостижную терминологию, я принялся за герценовские «Письма об изучении природы». Вот там я уже начал кое-что понимать, но главное, что меня увлек его удивительный язык, и после этого я настолько влюбил Герцена, что когда еще имел глаза, я чуть ли не каждый год, до самого последнего времени, перечитывал его «Былое и думы». Вот такое было упоение.

Поэтому, я и говорю, что встреча с Вудкой была не случай-

ной. А история была такая. Тут получилась любовная интрига. На строительной практике в районном центре Чучково, на танцплощадке я познакомился с одной девочкой. Она в тот же год поступила в рязанский пединститут на факультет истории. Мне она и тогда на танцплощадке не понравилась, и потом, когда мы встретились в Рязани, не нравилась, но, видимо, нравился я ей. И она, невольно, по-девечески, делала круги. Я тогда уже, после третьего курса, бросил техникум и стал систематически готовиться к поступлению в Ленинградский университет. К тому времени, одновременно с учебой в техникуме, закончил 3 класса вечерней школы и имел диплом о среднем образовании. Готовясь к университету, я постоянно бывал в пединституте, слушал лекции по литературе, по истории, но держался особняком. И были только несколько человек, в том числе та девушка, с которыми я общался. Мне даже нравилась моя такая загадочность, тем более, что в то время я писал дневники психологических наблюдений. Когда потом я показал один из этих дневников Вудке, он изумился, сказал, что у меня совершенно необычный стиль и было бы хорошо этим заниматься и потом опубликовать.

Так вот, эта девочка однажды мне сказала: «Я хочу тебя познакомить с людьми, которые будут тебе очень интересны.» Решено было встретиться с этими людьми в библиотеке. Это было осенью 65-го года. Это совершенно точно: осень 65-го года. Между дверями библиотеки есть такой небольшой вестибюль, там я и ждал их. И когда я увидел двух таких небольших молодых людей — Вудку, а с ним Гоша (забыл его фамилию, он потом за легкомыслие свое был отлучен от движения). В отличие от Вудки он больше интересовался девушками, водился со шпаной. Он-то и познакомился с этой девочкой. В наше время юноши старались вешать девочкам не просто «лапшу», а интересную, революционную и даже антисоветскую «лапшу». Тем он ее и очаровал. А она поведала о сем мне.

Я, увидев их, вышел навстречу. Оба они были с трубами под мышками, оба в таких коро-

Олег Михайлович СЕНИН. Тула, 1994 год.
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

тельских, модных по тем временным, осенним пальтишках. Оба сами коротенькие, очень небольшого роста, и у обоих на головах были папахи «пирожок». Не «москвичка» даже, а «пирожок». Мы познакомились, поговорили и решили встретиться. Так состоялась эта «историческая» встреча.

У меня не было тогда ясной продуманной концепции, программы, да и откуда ей было взяться по тем моим годам! Я даже удивлялся, как это Вудка, в своем возрасте, мог выносить и сформулировать все это.

— А вообще, что это был за человек?

— Какое у меня ощущение этого человека... Если говорить честно, из рязанской группы я более-менее хорошо знал его, Валерия Вудку и Олега Фролова. С Грилюсом мы почти не были знакомы, с остальными я тоже только виделся.

Даже если сравнить Юрия и Валерия Вудок, это очень разные люди. Валера — мягкий человек, с ним хорошо быть вместе, он не давит, деликатный и очень умный парень. Да, совсем мальчик, даже обличием своим он был такой тоненький, совсем юный. А Юрий — в нем меньше было такой благодатной притягательности,

он был носителем идеи и в нем был какой-то демонизм, он все-непременно желал подчинить человека своим взглядам, своему влиянию, ввести его в работу и сделать сопричастником идеи. Безусловно, в нем было лидерское начало. Но лидерство может по-разному проявляться. Я бы не назвал Вудку, как я сейчас его понимаю, яркой личностью. Однако, он, например, поражал меня какой-то основательностью. Взрослость виделась во всем: в его мышлении, в знаниях. Он легко писал. Это, безусловно, влияние его европейской одаренности, потому что Божье благословение на этих людях сохраняется и поныне.

У нас с ним не было, к сожалению, близких дружеских отношений, хотя он меня привлекал. В нем было то, чего во мне не было: какая-то идеальная завершенность. Но что-то в нем и отталкивало. Вот, например, другой человек из нашего движения — Олег Фролов — это удивительно близкий мне человек. Я очень полюбил его, особенно за время пребывания в 17-й зоне, где мы вместе сидели. Мы были большими друзьями, его образ я нюшу в своей душе и поныне. Этот человек оказал на меня нравственно благословенное влияние своей удивительной душевной чистотой. Он поражал бескорыстием даже тогда, хотя по тем временам бескорыстие было нередким явлением. Я постоянно его вспоминаю в молитвах, и душевно, чего не могу сказать о Вудке.

Валера тоже остался в моей памяти очень душевно. А Юрий — противоречиво. И когда я 3 года назад в Саратове прочел «Московщину», у меня очень испортилось настроение. По натуре я идеалист, лирическая сторона восприятия преобладает в моей памяти, в моем видении. Мне настолько дорогое мое прошлое, что я ни о ком из людей, окружавших меня тогда, не хотел бы говорить плохо, даже если бы и были для того причины. Эти причины я как-бы сам от себя скрываю, потому что дорога именно память о том времени, которое было для меня судьбоносным. И о Юре-то, вы видите, я не сказал ничего плохого, но те страницы «Московщины», которые мне прочитали (сам я уже не могу читать), меня очень расстроили,

что-то во мне сломали. Я никогда не стал бы писать о том времени так: умалчивая одно и преувеличивая другое.

Юрий — очень умный, просто поразительно умный, но в «Московщине» его куда-то перегнуло. Ну, да Бог ему судья!

В общем-то он оказал огромное влияние на меня. Я до какого-то времени постоянно чувствовал его приоритет, отдавал ему должное. Я не был идеальным локомотивом, просто у меня были хорошие организаторские способности, они и проявились тогда. Хотя меня тоже сносило в некий демонизм нигилистического толка.

— Движение оформлялось не в процессе дискуссий между вами, Вудка имел уже готовую стройную систему взглядов, и пытался привлечь людей под эту систему, верно?

— Конечно, Вудка не мог быть источником откровений, потому что только Господь Бог дает откровение, да и то, оно постепенно открывается на протяжении всей священной истории. И Вудка в этом смысле, как и все мы, рос. А с какого-то времени это стало нашим общим делом. Все люди, которые участвовали в движении, были со светлыми головами. Мы все хорошо учились, например, моим родителям институт все время слал благодарности за то, что я такой хороший. Все наши ребята постоянно читали, выкалывали какие-то статьи, предлагали новые взгляды. Да, это был совокупный процесс. Хотя, Вудка по своей природе был теоретиком, этого у него не отнять. И он был нашим теоретическим локомотивом. Конечно, его взгляды тоже претерпевали изменения, та же «Московщина» об этом свидетельствует. Впрочем, как и взгляды каждого из нас.

Он к тому времени усвоил (не знаю откуда, надо спросить у него) то, что тогда не было распространенным. Все знали, что этот строй имеет великие недостатки, что свершается страшная демагогическая ложь, когда на фасаде рисуют одно, а за фасадом происходит совершенно противоположное. Но что чтобы об этом так смело сказать (не забывайте, устами 18-летнего мальчика!) в тогдашней нашей действительности — это, конечно, было редкостью, и в этом была его большая заслуга. Хотя идея о том, что в нашей стране существует госкапитализм, не нова, она существовала еще с троцкистских времен, времен дискуссии в Третьем Интернационале. Просто Вудка имел к этому интерес, дотошность и минимум литературы.

Кое-что из такой литературы можно было достать даже в тогдашних условиях. Например, «Критика антисоветских теорий». Оппортунистические теории разбились в пух и прах, но, так или иначе, можно было из щепок составить представление об этих теориях.

— Олег Михайлович, а Вы тогда читали самиздат?

— Самиздата у нас практически не было. Вудка, и мы все, опирались на марксистскую литературу. Это, пожалуй, и было одной из особенностей нашего движения: мы все «высасывали» из легального марксизма-ленинизма. Мы штудировали те самые труды, до которых никому дела не было, разве что студенты конспектировали их без всякой попытки понимать содержимое. А мы же все это переживали как некую действительность. Что до самиздата, у нас были: письмо Федора Раскольникова к Сталину, письмо Солженицына к съезду писателей, да кое-что из Евтушенко, то есть, сущая невинность, которая тогда имела хождение во всех интеллигентских кругах. Но мы издавались сами. Мы писали работы и начинали потихонечку их издавать. Тон задал Вудка. Первой работой был его «Закат капитала» и последующие небольшие статьи по разным проблемам. Кроме Вудки писали еще один мальчик, по имени Гера, и я. Когда я перевелся на заочное отделение, то летом 68-го года, живя в деревне у отца, написал сборник статей под названием «Марксизм и действительность». Он, к сожалению, не был перепечатан и размножен, на него была только аннотация Михайлова (интересный человек из Саратова). Статьи из этого сборника говорят о том, что диапазон мышления, который задал Вудка, был присущ всем нам в той или иной мере. Сборник состоял из таких работ: «Армия и самодействующие вооруженные организации народа», «Об автономизации промышленного производства и децентрализации управления промышленностью», «Теория и практика сталинского террора». Здесь я обобщал сталинское законодательство и показывал, как был приспособлен правовой аппарат для массовой рубки голов. Следующая работа называлась «Механизм лжи». В ней я пытался анализировать работу пропагандистского аппарата, то есть как официальные идеологические клише воздействовали на сознание и подсознание людей, и проводил разрез между содержанием пропагандистской машины и откликом. Ну, и так далее.

— Где сейчас эти работы?

— Они находятся в Управлении госбезопасности Саратовской области.

— Вы не пытались их вернуть?

— Да зачем они мне нужны! Мне сейчас это интересно только как опыт прошедших лет.

После нашего знакомства с Вудкой мы одно время держались во взаимном неприятии взглядов друг друга. Я долгое время не мог принять его мнения, и, стоя на своих либерально-критических позициях, создал кружок в рязанском пединституте. Мы собирались в общежитии на улице Полонского. Туда входили очень интересные люди. Был один мальчик с факультета истории на английском, не помню сейчас его имени, еще был Женя Владимиров, его сосед по комнате с факультета химии и биологии, Людмила Боброва... Так или иначе, люди были интересные, но мало кто из них «проквасился» всем этим и осознал серьезность движения. Фактически, из этой группы только моя немощь проследовала к зшафту, то есть к Дубровлагу.

— Олег Михайлович, а вы знали Анну Климу? Она тогда была редактором педагогической многотиражки.

— Да, я слышал про эту даму, но не помню, чтобы я с ней встречался. Это было, по-моему, Вудкино приобретение.

— Да, Вудкино. Он давал ей свои работы как бы на оценку, она их ругала за незрелость, говорила что-то вроде «не суйтесь, мальчики, в столь серьезные дела», а потом, как будто, взялась перепечатывать Вудкины работы, за что и попала под пресс КГБ. Ее дело даже было выделено в отдельное производство в Москве.

— Та атмосфера, которая создавалась вокруг наших авантюрных кружков, делала свое дело. Тот же Женя Владимиров, начиненный нашими идеями, и другие, не сделали эти идеи делом жизни, но они стали их носителями. Ну, а по юношеской браваде могли трепаться в студенческой среде, и находились люди, которые тоже мыслили в похожем направлении. Так возникали контакты, о которых мы не знали.

Я хочу сказать о человеке, которого я знаю, и который, так или иначе, фигурировал в нашем деле. Это Аполлон Григорьевич Кузьмин. Ныне он один из лидеров «Отечества», довольно известный теперь человек. Это личность иного порядка. Когда нас арестовали, следователи уже знали о том, что Вудка, я, моя первая жена Маргарита, и Людмила

Боброва, которая тоже была участницей нашего кружка, имели контакты с Кузьминым. Апполон Григорьевич по своим взглядам был социал-демократ. Это умный человек с типичным интеллектом ученого, доктор наук. Он занимался источниковедением, у него много хороших работ, посвященных «Слову о полку Игореве».

Я с ним был знаком через Маргариту и Людмилу. Очень хорошо помню, что когда на первом курсе, на Октябрьские праздники, я приехал в Рязань, мы где-то оказались вместе, кажется в общежитии. Было хорошее полуночное застолье, я и Вудка пикнировались с Кузьминым. Он относился к нам снисходительно, но, видимо, чувствовал за нами не только напористость, но и какую-то конструкцию, может быть, несколько примитивную, но достаточно цельную. А сам Кузьмин не имел в то время цельности взглядов, хотя и был очень умным человеком.

Когда КГБшники нас арестовали, они, естественно, узнали все, что только можно, о Кузьмине. Они меня спрашивали: нет ли за вашей спиной какого-то человека старше вас, более умудренного, более образованного, который бы мог сформулировать ваши взгляды? Для них тоже было удивительно, что мы, такие юнцы, оказались способными на разработку какой-то теории, на такое серьезное, хорошо продуманное, законспирированное дело. Поскольку такого человека не было, эти вопросы отпали, но Апполон Григорьевич попал в створ видения КГБ.

— В уголовном деле говорится, что Вудка пытался показать свои работы Солженицыну.

— Я хорошо помню этот момент. Это было в 68-м году. Меня тоже пригласили принять участие в том визите к Солженицыну, потому что к тому времени у

меня сложилась репутация «литературного» мальчика, я и в самом деле очень много читал, следил за журналами. Но я по каким-то причинам не смог пойти. Потом мне рассказывали об этом. Я хорошо помню, что Солженицын тогда сказал, что он сам в прошлом придерживался марксистских взглядов, но сейчас он сам назвал бы свои взгляды то ли неохристианскими, то ли христианскими, как мне говорил Вудка, и поэтому наш идеологический ракурс ему чужд, он его отверг. Но он дал телефон Льва Копелева, дал единственно потому, что тот также стоял на социал-демократических позициях, которыми были начинены визитеры.

— А что за история была у Вас в Саратове с рукописью?

— История такова. В октябре 67-го года я был в Рязани. Вудка передал мне рукопись «Закат капитала». Она была написана в общей тетрадке с зеленой обложкой почерком Вудки. Это был чистовой вариант, только кое-где небольшие вставки. Он меня просил ее перепечатать и размножить. Я взялся. Естественно, по условиям конспирации, я не должен был эту тетрадку никому давать. Но я к тому времени был в угларе нашей работы. Организация была уже создана. В 66-м году, сразу, как только поступил в институт, я начал вербовать людей, и, надо сказать, имел успех. Наша группа расширялась, у нас была наработанная методология — работа Ленина «Марксизм и действительность», посредством которой мы доказывали, что существующий у нас строй есть госкапитализм. Есть бюрократия? Есть. Есть армия как средство подавления? Есть. Есть полиция? Есть. Есть суд? Есть. Государство нужно потому, что есть антагонистические классы, ибо государство — орудие по-

давления. Такая вот была примитивная, но довольно действенная логика. В основном в группе были студенты-юристы, потом стали появляться и другие люди — из университета и просто со стороны. И вот я приехал с этой тетрадкой, будучи в ажиотаже, в нервном возбуждении. А перед поездкой я общался с деканом нашего факультета. Этот человек произвел на меня хорошее впечатление тем, что громыхал с трибуны, ругая наши институтские беспорядки, и выступал как ратоборец здоровых и справедливых устоев, чем меня и подкупил. Поэтому я ему вручил тетрадку, увереный, что она произведет свое действие, и уж совершенно увереный, что она будет мне возвращена. Когда я дня через три пришел за своей тетрадкой, то сразу почувствовал перемену, какую-то уклончивость его ответов, и у меня, что называется, засосало под ложечкой. Я понял: здесь что-то нехорошо. Придя за рукописью в следующий раз, я с присущей мне тогда напористостью, просто-напросто потребовал, чтобы она мне была возвращена, ибо я уже понимал, что тут совершается нечто совершенно бесчестное. Мое доверие было обмануто, я был возмущен. Он сказал, что, к сожалению, эту тетрадку отдал ректору. Я тут же выговорил ему: разве можно было это делать, ведь она была дана ему совершенно доверительно и конфиденциально, и нетрудно предвидеть все последствия и т.д. Он же сказал, что ничего страшного, это, мол, все юношеская блажь и никаких последствий не будет. Такое, мол, случается невпервый, и отправил меня к ректору. Ректор у нас был тогда Демидов, он преподавал историю партии. Он сам по себе человек был не злобивый и администратор не ахти какой, но благодаря своему докторскому званию в области партии и, вероятно, хорошим связям на уровне обкома, стал ректором. Когда я пришел, он порасспрашивал меня о том, о сем, и на мой прямой вопрос о рукописи сказал, что передал ее в госбезопасность. Через день или два меня вызвали в ректорат. Там был небольшого роста плотненький человек в галстучке, он отрекомендовался тем-то и тем-то, и после небольшого разговора в кабинете ректора, он попросил меня пройти с ним в управление госбезопасности, которое было совсем недалеко, за два квартала. Вот тогда я впервые переступил злосчастный порог этого серого дома. Там меня допрашивали в присутствии

САРАТОВ

13. ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ БОБРОВ, 1946 г.р., студент; июнь; 70, 72; 3 года СР /12; Р.73/.
14. ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ КИРИКОВ, 1942 г.р., студент; авг.; 70, 72; 6 лет СР + 2 года ссылки /12; Р.70/.
15. ДМИТРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КУЛИКОВ, 1942 г.р., инженер; июнь; 70, 72; 5 лет СР /12; Р.72/.
16. АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ РОМАНОВ, 1949 г.р., студент; июнь; 70, 72; 6 лет СР + 2 года ссылки /12, Р.71/.
17. ОЛЕГ МИХАЙЛОВИЧ СЕНИН, 1947 г.р., следователь; авг.; 70, 72; 7 лет СР + 2 года ссылки /12; Р.69/.
18. МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ФОКСЕВ, 1947 г.р., студент; июль; 70, 72; 3 года СР /12; Р.74/.

«Хроника Текущих Событий» N 17. 1970 год.

АРХИВ «КАРТЫ»

трех человек. Я к тому времени уже продумал версию, что эта тетрадка мне была дана в поезде неким гражданином из города Калуги или еще какого-то, и что я должен был по такому-то адресу на главпочтamt напривить свой отклик об этой работе. Все это исправно было запротоколировано, мне как бы поверили и отпустили с миром. Но я прекрасно понимал, что с этого времени за мной началась систематическая слежка, поэтому, по условиям конспирации, я сразу прервал всякие контакты со своими друзьями. Отказался от руководства организацией, тем более, что обстоятельства заставили меня после Нового года я перейти на заочное отделение. Вернее, сначала я перевелся в МГУ на дневное отделение в начале 68 года. В МГУ на истфаке училась моя жена Маргарита. Перевод мне стоил больших трудов. Ректором был Иван Георгиевич Петровский, замечательный человек. Попавшись в МГУ из провинциального вуза (хотя у меня в зачетке были одни пятерки) было чрезвычайно трудно, туда просто не принимали. Но я записался к Петровскому на прием, как к депутату, он выслушал, посмотрел зачетку и... меня перевели. Но вдруг где-то в конце марта выясняется, что нет приказа о моем зачислении. Это отступление от темы, но интересный штрих к тому, в каких ножницах мы, «засвеченые», жили. Меня вызывает декан факультета и говорит: мы не можем вас принять. Я говорю: как же так, ведь есть резолюция ректора о моем зачислении, я, собственно, уже учусь. Но декан сослался на отсутствие мест в общежитии. Так меня и спровадили обратно в Саратов. Когда же я приехал в свой институт, они меня отказались восстанавливать на дневное отделение, хотя я был одним из лучших студентов. Переводитесь, говорят, на заочное. Поскольку это мне подходило, я и перевелся на заочное. А жена продолжала учиться. Она защитила диплом после того, как я был арестован. Меня арестовали в августе, она еще целый год училась, потом ее направили в Караганду. Вот таковы были последствия этой тетрадки.

— Олег Михайлович, расскажите о Вашей саратовской группе.

— Когда я приехал в Саратов — это было в 66-м году — я сразу стал заниматься вербовкой людей. Первым моим приобретением был Виктор Бобров, единственный из саратовской группы, кто сохранил марксистские убеждения, и который ныне в Бешкеке возглавляет какое-то неомарк-

систское движение. Он мне два подряд присыпал документы этого движения, но мне это было неинтересно. Знаю только, что с ним там были большие злоуполучения, погибла его сестра, преследовали его самого. Сейчас, к сожалению, у меня с ним нет никакой связи. А в то время мы с ним были очень близки.

Потом я работал с Алексеем Рудченко, это тот человек, с которым встречался Вудка в Саратове. Он был старостой нашей группы. Сам он из Саратовской области, выглядел постарше нас, имел осторожный крестьянский ум, но в то же время человек очень интересный. К сожалению, эта его осторожность потом привела в некую трусоватость, и он несколько малодушно вел себя на следствии и на процессе. Он там как-то уж очень каялся. Мы все там выглядели не Рахметовыми, но он — особенно. Ну, да Бог ему судья.

Еще был один замечательный мальчик, такой небольшой, лобастый, чем-то похожий на Ленина, — Юра Ильин. Он был из Казани. Мы его звали Юрочка.

Затем был такой высокий интеллигентного вида Юрий Ионов. Я ему дал кличку Дан. Он, кстати, тоже на следствии раскаивался в чем только мог, так его, бедного, прижали.

Был еще такой Валерий Клопников. Очень благородно себя вел. К моменту нашего ареста он, как и я, перевелся на заочный и работал где-то на Дальнем Востоке помощником прокурора. Его потом, естественно, лишили работы, но держался он очень достойно.

Еще у нас был Вячеслав Осин, тоже мое приобретение. Такой солидный парень, юрист. Я прочил его на свое место, и при этом так категорично настаивал, что меня упрекнули в диктаторстве.

Потом мною была приобретена замечательная девушка, которую я очень светло вспоминаю. Это Саша Александрова. Удивительный человек, настолько она серьезно и всей душой восприняла нашу идею, что даже себя готовила к возможным последствиям. Кстати, я тоже, предвидя перепитии, закаливался, плавал. В этом было много позерства, но тем не менее.

— Это серьезно, вы готовились к лагерям??

— Да, вполне серьезно, мы знали, что рано или поздно это чем-то кончится. Так вот, Сашенька Александрова была нашим курьером, и к ее чести надо сказать, что она удивительно порядочно держалась на допро-

сах. Читая дело, мы видели в пяти или шести протоколах, что она держалась сообразно уставу, а устав предписывал отрицать всякие обвинения и не давать никаких показаний. Она так и делала: ничего не знаю и показания давать не желаю. Вот такая была замечательная девушка.

Еще в нашей группе был Валентин Кириков. Этот вместе с Бобровым сел. Славный человек, он был старше нас, был членом партии. Он закончил какое-то военное училище, но по нездровью комиссован и поступил в юридический. Очень светлая личность наш Валентин Иванович.

Дмитрий Куликов — это не мое приобретение, но я с ним работал. Он тоже прошел по процессу. Сашу Фокеева я не знал, а вот с Александром Романовым работал довольно много. Очень интересный человек.

По делу было «пристегнуто» довольно много и других людей, которые находились в состоянии обработки. Мы держали этих людей в поле зрения, вели с ними разговоры, подсовывали какую-нибудь легальную литературу. А нелегальную литературу мы давали только тем людям, которые, по нашему мнению, созрели для такой работы.

Из тех, о ком я говорил, сел Виктор Бобров, он получил срок 3 года. Отсидел полтора и вышел по помилованию. Сел Валентин Кириков, отсидел из 6 лет, кажется, 3 года. Александр Романов отсидел весь срок. Он единственный из нашей саратовской организации отсидел полностью. Я получил самый большой срок — 7 лет и 2 года ссылки. Вудка получил 7 лет без ссылки, а Романов и Кириков получили по 6 лет. Кириков — с двумя годами ссылки, а Романов без ссылки.

Что касается моего помилования. Когда я пришел в лагерь, то первое время я был одним из заводил всякого рода акций. Меня сажали, лишали, всячески называли. Мы приехали в лагерь в начале мая, а в октябре меня посадили за все мои дела на 4 месяца в барак усиленного режима. Я отказался там работать, меня кормили один раз в сутки. Надо сказать, в нашем лагере было много христиан. Все предыдущие разговоры их со мной о вере вызывали у меня лишь неприятие. А тут, в условиях вынужденного поста, общение с Ивановым и Леонидом Ивановичем Бородиным (ныне он редактор журнала «Москва»), предыдущие разговоры (нас иногда вместе выводили на прогулку), и чтение книг, все это привело к тому, что у меня произошло рели-

тиозное озарение и обращение в веру. После выхода из БУРа у меня появился совершенно иной мировоззренческий крае. Вся марксистская наступательность была мной оставлена, я переменился в своих проявлениях, участие мое в лагерных акциях вскоре совершенно прекратилось, я стал общаться с людьми, подобными мне. По натуре своей я очень люблю работать, это качество у меня от мамы. Я много работал, выписывал книги, много читал, а на работе делал две нормы, до половины третьего шил рукавички. И у меня сложилась совсем другая репутация, и плюс ко всему, — другие настроения. Вот тогда мои родители стали меня тормошить. Прошло полсрока, надо писать просьбу о помиловании. Я решил — хорошо, буду писать. И в это самое время, заметив мой крен, подступили КГБшники. Они это всегда делают очень умело, прекрасно зная ситуацию, положение, психологию. В качестве профилактической меры меня, вместе с другими, повезли в Саранск, во внутреннюю тюрьму для разговора. Мы два месяца балдели: после лагеря, где нужно работать, посидеть в камере, почитать книжки, ничего не делая... А они использовали эти вояжи для разных целей. В основном — для вербовки тех, у кого наметился такой, как у меня крен. Других — для обработки в духе большей лояльности, третьих — для переубеждения и так далее.

Я выработал собственную позицию (бог меня вразумил) и всегда ее держался. Я говорил (и это было правдой), что по натуре я такой человек, что психически не выдержу внутреннего раздвоения, это приведет меня к психическому слому. Поскольку я предпочел бы не попасть в дурдом, а остаться самим собой, то я готов делать все, что угодно: примерно себя вести, не участвовать ни в каких акциях, тем более, что это уже стало моим убеждением. В лагере был самый широкий спектр людей, и люди, которые не участвовали в разных протестах, были не менее уважаемыми, если они просто сохраняли порядочность. Я это прекрасно знал, тем более, что у меня это шло не от каких-либо pragmatических соображений, а от убеждений. И вот, я сказал, что я просто не смогу быть стукачем.

Таким образом, я отбылся от вербовки, уверив чекистов в своей лояльности. Тогда они сказали: вы можете написать анализ ваших взглядов? Я сказал: вот это я могу сделать.

— Зачем им был нужен Ваш анализ?

— Затем, что в случае, если я в будущем дернусь бы куда-то с какой-то акцией, с каким-то выступлением или протестом, они бы в газетах (а на это у них прекрасно была набита рука) так продержнули бы меня! Такой-то в таком-то лагере заверял нас в пересмотре своих взглядов, а тем не менее...

— Что значит «пересматривать взгляды»?

— Я говорил о своей христианской позиции, говорил, что я стал верующим человеком, и марксистские методы борьбы со злом мне не присущи, я их просто не приемлю. Так оно и было. Злом против зла — это не христианская позиция. Вот в таком духе документ я написал, и, наверное, он до сих пор где-то есть. Они были не очень им удовлетворены, как я понял. Они хотели, чтобы я более энергично рванул на себе рубаху, но я сказал: это все, что я могу.

Такого рода подступы продолжались время от времени. Каким образом? Приезжает, скажем, в лагерь КГБшник и вызывает одного, другого, третьего. Причем, вызывает людей самых разных, это все делается продуманно, и невозможно понять, кто стучит, кто не стучит. Так вызывали и меня, и вели разговоры: ну, какая ситуация, какая то, а как се... И вот, зная о такой их тактике, я, когда вознамерился написать помиловку, своим друзьям объявил: чтобы не было никаких разговоров, я ухожу в затвор. А, надо сказать, к тому времени я имел в лагере довольно высокий рейтинг, в силу своих личностных качеств, какой-то присущей мне беззаветности, я уже имел авторитет. И для КГБшников то, что Сенин, такая сильная личность, отошел от протестов, уже было успехом, хотя они к этому «успеху» не имели отношения. Да, они меня сажали в БУР, но изменения в моем поведении произошли в результате моего мировоззренческого перепада, а не этих посадок! Но для них был важен факт, что один из смутиянов выбывает из игры, да еще бумагу сам написал. В этом я их уверил. И в том, что хватит с них этого, что я — личность не такого калибра, чтобы заслуживать их расположение еще и стукачеством. Так вот, дабы не было никаких разговоров, я объявил, что ухожу в затвор. Это было вполне возможно. В лагере каждый мог вести себя по-своему, и там были такие варианты поведения, когда человек, живя вместе со всеми,

совершенно ни с кем не общался. И я выбрал такой образ поведения, тем более, что он был мне органично присущ: я тогда очень много молился, много читал, были один-два человека, с которыми я общался, не более. Всякого рода чаепития, беседы — все это было мной оставлено. И теперь, когда меня вызывал КГБшник и задавал свои «невинные» вопросы: ну, а какая установка в лагере? (А вопрос-то этот на самом деле определял — стучишь ты или нет, с ними ты или не с ними!) Хотя вопрос, повторю, невинный, они, вроде бы и сами все это знают, но для них важно сломать личность, заставить говорить.) Я отвечал: вы же знаете, что я далек от всех лагерных дел, интересов, ничего сказать об этом не могу. Так оно и было.

И хотя все остальное у меня было хорошо, я много работал, все же моя помиловка ходила целий год по инстанциям. Я не знаю в лагере другого такого случая, чтобы так долго рассматривалось прошение о помиловании. Наконец, в марте месяце приходит моя помиловка. Я хорошо помню этот день, как меня вызвали к отрядному, была теплынь... Отрядный говорит: Сенин, вас помиловали, поздравляю, готовьте вещи, завтра вы освобождитесь. Передайте бумаги на проверку, что вы хотите вынести из зоны и так далее.

Это была ошеломляющая новость и трудно передать мое состояние... В этом было много тяжелого для меня. Конечно, мне бы хотелось отсидеть весь срок и не дергаться. Как я ни старался все это порядочно обставить, я все же клюнул на эту удочку — помиловку — пошел против своей натурь, и это было мучительно. Взять хотя бы те жертвы, на которые я шел ради помилования: сознательно уходил от общения с людьми, которые были мне дороги. Не было внутреннего удовлетворения еще и потому, что постоянно присутствовало сознание, что ты у них на каком-то крючке, и, вызывая тебя, они могут сказать: помилование-то ты подал, чего ж ты еще лягешься... И в чем-то ты теперь долженходить по половине. Это все очень противно моей душе, очень мучительно. Но, я благодарю бога за то, что он дал мне разума, и ни о каком сотрудничестве речи не шло, в этом моя совесть чиста. А самое главное: в этом акте о помиловании была формулировка, которой я никогда ни у кого не встречал. В ней была выражена степень их недоверия ко мне и желание перестраховаться. В

справке об освобождении говорилось: помиловать. Неотбытый срок считать условным с тремя последующими годами испытательного срока. То есть, у меня еще оставалось 2 года лагеря и 2 года ссылки. 4 года я находился в правовом положении условно осужденного. В любой момент, при любом нарушении, меня могли опять запереть, и я доживал бы этот срок без учета времени, проведенного на свободе. К тому же, три года испытательного срока, то есть, они меня вознамерились держать в ножницах на протяжении семи лет после освобождения! Такой формулировки я не встречал ни у кого. Я благодарен Богу за это свидетельство того, что я не сделался для настолько лояльным, чтобы меня можно было освободить под чистую.

Сидел я на двух зонах: 17-я большая и 17-я малая, Мордовия, Дубровлаг.

— А где сидели остальные члены вашей группы?

— Нашу группу разбили по два человека. На 17-й зоне я оказался с Мишой Фокеевым. Я его совершенно не знал. Он был законспирирован, мы его хотели сделать хранителем литературы, но, однако, тем людям, которые его знали, пришлось сказать о нем. На следствии такое бывало. Бедный Миша был настолько сломан этим, что, оказавшись в лагере, сразу встал, как говорят бытовики, на путь исправления, и чекисты нарочно поместили нас с ним вместе, надеясь на его влияние на меня. А когда я приехал на 17-ю большую, то там оказалась Саша Учитель, и мы некоторое время просидели вместе. Он в лагере держался ровной позиции, серьезно занимался наукой, выписывал книги. Но мы общались недолго, серьезной дружбы у нас не получилось. Потом в мою зону перевели Олега Фролова, но через некоторое время его отправили на Урал. Они всегда старались разлучить людей, как только видели, что они сближаются. Но все же вместе с Олегом мы просидели почти целый год.

— Потом вы с ним виделись?

— Нет. Когда я приехал из Караганды и позвонил ему, отец сказал, что теперь он живет в Израиле. И даже сказал мне по телефону (не забывайте, какое это было время!), что Олег очень хорошо отзывался обо мне.

Чтобы не забыть, я хочу вам сказать вот что. Отношения Олега с Таей меня поражали. Чем? Олег не так много об этом говорил, но помимо слов были дела. Тая совершила подвиг. Она ведь каждый день писала ему по пись-

му в лагерь. А письма в лагерь шли не так, как обычно по почте, каждый день, а их приносили, может быть раз в неделю или реже. И когда мы жили с Олегом, я каждый раз поражался изобилию писем от Таи. Олег тоже писал ей. Она просто удивительно держалась как женщина, как любимая, и во многом скрасила его лагерное существование. Он был счастливчиком, не было в зоне человека, который бы получил по стольку писем, как Олег Фролов, и все это делала Тая.

— В Петрозаводске ведь тоже была группа?

— Нет, не было. Там был только Саша Учитель. Он являлся моим приобретением, его вербовка инкриминировалась на следствие мне. Это случилось во время одного из моих наездов в Рязань, в 67-м году. Мы познакомились в Горьковской библиотеке, и потом на втором этаже, где лестница, мы с ним разговаривали на предмет проблем революционного марксизма. А на одной молодежной вечеринке у нас было продолжение этого разговора, и Саша очень быстро поддался, а я, естественно, очень хорошо наступал, и расстались мы, сговорившись, что там, в Петрозаводске, он будет работать в том же самом направлении. И действительно, он неплохо поработал, у него было несколько человек, которые разделяли его взгляды. Многих из этих людей, и из тех, кого я раньше перечислял, спасло вот что: наш процесс попадал на 1970-й год, это был 100-летний юбилей Ленина. И, конечно же, власти и органы госбезопасности сознательно пошли на то, чтобы избежать громкого и многолюдного процесса. Я могу сказать как юрист: многие из этих людей подпадали под состав преступления статей 70 и 72. Однако, они были высшей милостью уволены от осуждения, хотя с ними расправились по-своему.

Один из людей, которых обработал Саша, должен был ехать в Чехословакию учиться там в одном из институтов или университетов. Мы решили передать с этим человеком наши программные документы, тем более, что Чехословакия нас очень интересовала. События Пражской весны и августа 68-го года нами активно обсуждались и осмысливались. Сам по себе чешский вариант был одним из знамений верности наших теоретических разработок. Чтобы передать документы, надо было их тщательно законспирировать. Мы пересняли их на пленку, кассету вмонтировали в

кусок мыла. Эту кассету возила в Петрозаводск моя сестра Галина, которая тогда училась в рязанском пединституте на факультете хим-био. Я сейчас не помню, чем закончилась эта история, передал он или нет документы. Скорее всего нет, потому что нас в августе арестовали, а его, наверное, не выпустили за границу.

— А Вильнюс и Клайпеда?

— Об этом я мало что могу сказать, знаю только общую картину. Когда Грилюс закончил институт, его направили работать в Клайпеду, в рыбный центр, он работал там на радио. Он, естественно, занимался там тем же, чем и каждый из нас. Грилюс — человек живой, деятельный, энергичный. По-моему, в Клайпеде тоже был круг людей, находившихся под его влиянием, но подробнее я не знаю.

— Как вы реагировали на ввод войск в Чехословакию?

— Реакция была совершенно однозначной. Мы понимали, что это есть не что иное, как попытка тоталитарного режима противостоять всему тому, что является его противоположностью. Мы считали, что тот вариант социализма, который предложил Дубчек — это очень близко к подлинно марксистской модели, которая мыслилась нами как перспективная модель для России, вернее, для Союза. Конечно, август был для нас временем трагическим. Потом, в декабре 70-го года, уже будучи в зоне, мы с Олегом Фроловым переживали польские события — расстрелы в Гдыне и Гданьске. Когда об этом объявили по радио, я помню, был оттепельный день, снег таял, все раскалилось, был вечер, темень, ветер, и мы с Олегом и еще с одним лагерным марксистом Бульбицким с Украины, (такой радетель за мировой пролетариат, по-марксистски ограниченный, он был раза в два старше нас. Мы то были еще школьники, а он — сложившийся тип), второем расхаживали за бараком, и, окрыленные тем, что пошло наше дело по Европе, пели какую-то революционную песню типа «Варшавянки». Представьте, что все это было всерьез, мы были в каком-то удивительном органичном единстве со всем тем, что происходило, искренне, истово откликались душой на все эти события.

— Олег Михайлович, тогдашние марксисты были единны или же делились на какие-то различные направления?

— В лагере было два крупных пласта: пласт антисоветчиков, к которым и мы принадлежали и

Рязанский педагогический институт.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

пласт осужденных за военные преступления. Эти люди отсиживали свои 25-летние сроки, потому что 15 лет, предусмотренные Уголовным Кодексом 62-го года и Основами уголовного законодательства 58-го года, на них не распространялись, закон не имел обратной силы. Военные преступники было единственным исключением. Эти бедные люди досиживали свои ужасные, еще при Сталине полученные сроки, и мы оказались вместе с ними. Надо сказать, это привносило своеобразный колорит в нашу лагерную жизнь. Во-первых, после многочисленных амнистий, фильтров и чисток, в лагере остались люди, действительно достойные того, чтобы там находиться. Эти люди были интересны как носители исторической памяти, как активные и довольно высоко стоявшие участники тех или иных движений и организаций. И мы, молодые и открытые для всякого исторического знания люди, получали эту информацию из первых рук. Именно в лагере я узнал о пакте Молотова-Риббентропа, о том, как произошло присоединение Прибалтийских государств, что на самом деле представляло собой ОУНовское движение. За этими людьми, которые по прошествии десятилетий лишились всяческой озлобленности, открывалась объективная правда о тех временах.

Что касается пласта антисоветчиков, то тут было своего рода деление на землячества. Например, по национальному признаку (особенно у малых народов). Скажем, армяне. У них была своя община. Они вместе очень друж-

но держались — чаевничали, общались, всегда была взаимопомощь, что-то делили, читали, выписывали свою прессу и так далее. Это не значит, что они были закрыты, нет. Они дружили с кем угодно, приглашали на свои чаепития. Когда отмечали свои национальные праздники, они устраивали общее застолье, заваривали ведро-два чая, в зависимости от возможностей и масштабов самого события.

Украинцев было много, как и русских. Они дробились на разные направления. Самые многочисленные — националисты, но были и другие. Русские же, в силу своей многочисленности, тоже делились: на марксистов, на православных (были еще русские националисты, но это примерно тоже самое, что православные).

Как правило, с людьми, принадлежащими к одной национальности, происходили одни и те же типические трансформации. Вот, например, украинцы, по каким бы мотивам они ни садились, в конце концов они становились националистами. Я знал марксистскую группу из какого-то киевского института (причем, украинская ГБ давала страшные сорки, это были еще более свирепые органы, чем в России. Они знать не хотели о 70-й статье, сразу давали 64-ю — измена родине, по которой гармошка сроков начиналась от 8 лет), они тоже постепенно стали националистами.

Евреи попадали в лагерь по самым различным поводам. Например, «самолетные» процессы. Это были люди, которые желали

уехать, причем не всех влекло чувство исторической родины или желание вернуться к вере отцов. Евреи, в основном, становились религиозными националистами, изучали древнееврейский язык, Тору и так далее.

Что касается русских, то основным направлением трансформаций было превращение русских самых разнообразных мировоззренческих и идеологических оттенков в русских националистов православного толка. Это произошло и со мной, с Валентином Кириковым, с Александром Романовым. Но некоторые оставались на своих изначальных позициях, например, Дмитрий Куликов, Виктор Бобров, и другие.

— Расскажите, как происходил арест?

Примерно месяца за полтора, и даже больше, я стал и чувствовать, и понимать, что я в створе пристального внимания охранников, то есть, я заметил слежку. В чем она проявлялась? Впервые, в следующем. Я жил в квартире жены на улице Станкозаводской, дом 12, квартира 25, и эта квартира была на первом этаже. Рядом находилась детская комната милиции. Однажды, когда я пришел домой, девушка моей жены (а он был активист, общественник) сказал мне, что в детскую комнату кто-то лазил. Я смекнул, что они могли поставить там подслушивающее устройство. К тому времени я работал в прокуратуре, у меня был свой кабинет, дверь в этот кабинет выходила в общую секретарскую комнату, в которой были еще двери к прокурору и помощнику прокурора. В секретарской был телефонный погребок, пучок телефонных связей. Как обычно, однажды я ушел на обед, а потом вернулся, что-то забыв, кажется, ключи в сейфе. Прошло минут семь, как я ушел. Вернувшись, я увидел, как трое копаются в этом телефонном погребке, а при моем появлении один из них не смог скрыть своего смущения. Я понял, что они ставят устройство для прослушивания моего телефона.

Однажды я получил по телефону приглашение от Мартимонова встретиться и обсудить некоторые вопросы. Мы с ним встретились, и эта встреча не пришла мне по душе. Сейчас уже не помню, что именно меня насторожило, но после этого разговора с Мартимоновым моя тревога усилилась. Да еще однажды я услышал из своего кабинета телефонный разговор прокурора нашего отдела (кстати, она сейчас там у вас довольно видное положение занимает, Людмила Анатольевна

ее зовут).

— Фамилию не помните?

— Нет, фамилию забыл. Впрочем, я ничего плохого о ней сказать не могу. Так вот, она была в отпуске, и заменяя ее некий Иван Федорович, помощник прокурора, замечательный человек. И я слышу, как он разговаривает по телефону обо мне. А потом он мне говорит: «Олег, что-то из прокуратуры области интересовались, сколько у тебя дел в производстве». Я уже смекнул, к чему это и спрашиваю его: «А как вы думаете, чего это они интересуются?» «Ну, не знаю, — говорит он, — может быть, на повышение тебя выдвигают, а может, лекции читать в какой-нибудь колхоз, уборочная ведь идет.»

Я очень хорошо помню день ареста. Это была пятница, 8 августа, теплый, пасмурный день. Моя жена Маргарита вместе с dochенькой Аленкой, которой тогда был год и 4 месяца, гостила у моего отца, который работал управляющим в Шиловском районе. Деревенька находилась недалеко от Куйбышевской трассы. Я уже несколько раз до этого, имея в портфеле милицийский жезл, который мне любезно отдали ребята из отдела ГАИ нашего РОВД, выезжал на Куйбышевскую трассу, останавливал машину и ехал. И в этот раз с такими же намерениями, имея в портфеле этот жезл, гостицы для Аленки и рукопись антисоветской работы, над которой я намеревался потрудиться, пришел утром в прокуратуру. Там был только помощник прокурора Иван Федорович, и больше никого. Вдруг слышу звонок к нему по телефону, и он говорит: «Хорошо, хорошо, мы с ним сейчас поднимемся к вам». Заходит ко мне и говорит: «Олег Михайлович, прокурор области, начальник отдела кадров Огородников и зампрокурора нас вместе с тобой вызывают». Поднялись, они нас ждут. «Так и так, Олег Михайлович, к нам пришел приказ о сокращении штатов. Поскольку вы у нас работаете совсем недавно, то мы решили сократить именно вас». Я это все выслушал, и как-то сразу меня взорвало. Говорю: «Я понимал, что за всем этим скрывается другая подделка». «Что вы имеете в виду?» Я сказал, что во время учебы в институте имел неприятную историю с одной антисоветской рукописью, к которой не имею никакого отношения, однако, этот хвост до сих пор тянется за мной, и в этом увольнении я вижу ни что иное, как акцию КГБ. Они картино пожали плечами:

мы-де ничего не знаем, если же лаете, то выясняйте у них. «Я именно это и намереваюсь сделать сию же минуту». И еще была сказана знаменательная фраза. После того, как зампрокурора сообщил о намерении меня сократить, он добавил: «В ближайшее время мы позаботимся о вашем трудоустройстве». Они действительно позаботились, я был основательно трудоустроен.

Я был расстроен, совершенно убит, и в этот момент пронесся целый вихрь мыслей в моей смятенной голове. Первое, что я подумал: надо сжечь рукопись. Где же это сделать? Если я в кабинете начну палить, будет дымище. И я сунул рукопись обратно в паптфель, а его, не найдя ничего лучшего, запер в сейф, и вышел из прокуратуры. Оказалось, только я вышел, прошел по Либкнихта, потом по правой стороне Ленина к центру, они тут же и подъехали. Для чего нужно было меня уволить? Чтобы я нигде не фигурировал как работник прокуратуры. И действительно, в протоколах они стали лепить: «до ареста не работал». Я говорю: «Ребята, вы это дело бросьте. Вы будете писать так, как оно было. Я работал следователем прокуратуры.» И действительно, по всем показаниям, и в приговоре, и в обвинительном заключении я прошел как следователь прокуратуры.

Дошел я до угла улицы Свободы, до аптеки... Такое милое для меня место, связанное с моими влюбленными прогулками... Я остановился в каком-то замешательстве, потом тронулся вниз по улице Ленина, подошел к банку. Подходит мужчина безликой наружности в болонии, с галстуком: «Вы Олег Михайлович Сенин?» «Да, он самый.» «Пойдемте со мной.» Когда я зашел в КГБ, мне сказали: «Посидите». Я посидел в каком-то полуподвальном помещении с зарешеченными окнами. Потом пригласили в кабинет, там сидели три человека, кто именно — не помню, кажется, один из них был Сконников, начальник следственного отдела. Он из всех рязанских Гбшников был самый неприятный человек, самая одиозная фигура.

«Олег Михайлович, вы знаете, по какому делу мы собираемся с вами поговорить?» «Нет, не знаю.» «Вы знакомы с такими-то?» «Нет, не знаком.» «Да вы бросьте...» Тут я взрываюсь: «Это вы бросьте свои сталинские замашки! Я никого не знаю, и вас бы знать не хотел.» «Ну хорошо, дело ваше. Но если вы сейчас начнете говорить, то мы можем вас выпустить под подпи-

ску о невыезде, а если нет, то мы будем вынуждены вас задержать.» «Я ни в чем не виновен, никого не знаю.» Они меня оставили. Я сидел в кабинете, меня пас какой-то молодой. Он очень мило со мной разговаривал, даже о романах, о литературе. Ничего провокационного не было в его вопросах, просто он меня краулил и развлекал. Принесли из буфета чай и бутерброда, я немножко перекусил. Прошло часа полтора, меня вызывают в кабинет Маркелова, сидит Маркелов, еще человек семь-восемь... Те же самые разговоры: «Мы знаем, что вы были связаны с Будкой.» «Знать ничего не знаю.» «Вот ваше дело, вы прекрасно понимаете, что из этого может выйти. Подумайте о своей жене.» «Вы же работник наших органов», и прочие разные уверования. Помню одну фразу: «Ясно, что этот — из руководства. Фанатик.» Маркелов говорит: «Вот передо мной протокол о вашем задержании. Либо вы начинаете говорить, либо я его подписываю.» После этого меня отправляют к следователю. Молодой, лет 32-х следователь меня встречает: «О, надо же, такой русский парень, светловолосый, голубоглазый! Олег, да что же у тебя с этими евреями общего?! Да они же враги!» Я ему с металлом в голосе: «Во-первых, не «ты», а «вы», во-вторых...», и выдал что-то насчет антисемитизма. Он осекся: «Ну извините, я ведь не навязываюсь...»

Был составлен первый протокол все в том же духе: не знаю, не участвовал, не занимался. Ну, и все, подписал протокол, выслушал последние уверования... Выводят меня через парадный подъезд, тут стоит «Волга», ходят люди... Сажают меня на заднее сидение, по бокам два молодца, мы поехали. Они меня не арестовали, а задержали по 122-й статье на трое суток. И сделано это было с единственной целью — промять мне косточки на твердых нарах. Условия содержания в КПЗ — не то, что условия содержания в тюрьме.

Приезжаем мы в КПЗ, что на площади Мичурина, во дворе УВД. А я там бывал раньше, мне приходилось привозить туда задержанных, дежурный меня знал. Заходим туда, трое чекистов и я. Они показывают свои книжки управления госбезопасности, дежурный удивлен. Мы, говорят, привезли задержанного. А я уже знаю, что надо делать в таких случаях: надо вывернуть карманы и выложить их содержимое на стол. Я вытаскиваю свою красную книжку, где написано «Прокуратура Союза ССР» и тоже

выкладывая ее на стол. У дежурного отвисает челюсть, он спрашивает: «А где же задержанный?» «А вот он», — говорят. Отвели меня в камеру. Что такое камера КПЗ? Входишь, и тут же сразу помост деревянный, повыше колена сантиметров на пятнадцать — это то, на чем надо спать. У дверей небольшое пространство в полтора метра, где можно как бы прогуливаться. Закрыли за мной дверь... Я помню, первое, что я испытал: пластиющая, скимающая сердце боль, мука, сознание того, что нечто оборвалось, случилось непоправимое.

Я пытался облегчить эту муку тем, что вспоминал о дочери, о жене, и еще тем, что пытался заснуть. Только заснул — лязг дверей, стук — ко мне мощным пинком забрасывают какого-то пацана, буквально — шкета. Это оказался мой сокамерник, потом еще один... Представьте: с вечера пятницы, всю субботу, ночь на воскресенье, воскресенье и ночь на понедельник я провел вот так, в таком обвале, в такой муке! Был уже август, ночью холода. Хорошо, на мне был плащ. Мы с этим пацаном спали, прижавшись друг к другу.

В понедельник утром за мной приехали и через УВД проводили меня к выходу, все сбежались смотреть. Прошел слух: в прокуратуре арестовали шпиона. Я гордо мимо них прошел... Привезли меня в изолятор — а там меня тоже многие знали. Привезли и закрыли в бокс — такое узкое помещение без окна,

только дверь — такой каменный мешок — горит лампочка, все зашлепано штукатуркой и стоит бетонный стульчик. Вот тут я почувствовал психический стресс. Я подумал: вот тут мне и сидеть. Я чувствовал сдавленность, удушье... Я забаранил в дверь: долго вы меня собираетесь тут держать?! Дверь открылась; еще немного побудьте здесь. Действительно, через некоторое время меня повели в парикмахерскую. Эзк, который меня стриг, сказал: «Тут уже двое твоих сидят.» Я спрашиваю: «Какие?» Он говорит: «Один блондин», — я понял — Фролов. «Другой такой черный», я думаю — Ну, Вудка. После стрижки меня повели в баню, а потом подняли на второй этаж, в ту башню, что ближе к мосту. Огромной толщины стены, круглая комната, сваренные кровати. Там сидели вместе со мной очень интересные личности. Первый — старик с бледным, зловещим лицом. Рецидивист, волк. В этот момент он сидел за убийство. Я думаю, его использовали как «насадку». Второй — дебильного вида парень, амбал лет восемнадцати, с дегенеративным лицом. Он тоже сидел за убийство. Это соседство тоже было психологическим прессингом.

— А разве не было тогда положения о том, что работники органов содержатся в отдельных камерах?

— Вообще, такое положение было. Для работников органов были спецлагеря. Что касается отдельных камер — я не знаю. Вообще, отношение к нам в лагере было сочувственным. О нас там ходили легенды, что мы вооружены, да мы с автоматами этих красных!.. Но бывало и другое. Подсадки, через которых они старались создавать тяжелую психологическую атмосферу.

В этой тюрьме я слышал голос Вудки. С момента ареста — первый и последний раз. Вдруг вечером слышу голос Валеры: «Юст, Юст!» Тогда еще не было у него имени Арье, они еще не дошли до таких глубин иврита. Так вот, Валера кричит: «Юст, Юст, Мартимонов провокатор!» Я тогда рванулся и крикнул: «Вэл, Вэл, я здесь!»

А с Грилюсом мы встретились интересным образом. Меня перевели в другую камеру, тоже подсадили убийцу, такой был шустрый малый, дока! Среди зэков есть интересные люди. Этот занимался историческими романами, много знал, рассуждал. Но явно, что он был наследкой, потому что, когда мы возвращались с прогулки, он приносил с собой

пачку чая, тут же колол какие-то щепки и варил себе чай. Ну, ясно, что без санкции ментов он бы этот чай не получил. Вдруг где-то в сентябре (я уже ждал этапа, на допросы меня уже не вызывали) в камере стали чинить радио. Техник полез к продюктору, дверь была открыта и я смотрю — выходит к умывальнику, что был прямо напротив моей камеры, Шимон. «Привет, Олег.» «Привет.» Не помню, о чем мы переговорились. А потом мы стали делать так. Его камера была в башне, и он проходил мимо моей, а у меня глазок был без стекла. Шимон, проходя, швыряя в этот глазок записки, и раза два эти записки ко мне попадали. Более того, среди obsługi оказался парень из моей деревни, Володя Еремишин. Как-то раз я не пошел на прогулку, он открыл кормушку: «Олег, узнаешь?» Я: «Володя!» Он говорит: «Тот, который с тобой в камере — наследка.» Я говорю: «Володя, ты можешь передавать записки?» «Давай», — говорит. И когда мы выходили на прогулку, он открывал камеру и мне в карман клал записку. Раза два или три так было.

Потом меня отправили этапом в Саратов, я очень долго шел туда этим этапом. 1-го октября меня привезли в Саратов.

— Вы помните следователей, которые вели дело?

— Некоторых помню. Моим следователем был некто Константинов. Уже тогда ему было под 60 лет, он собирался уходить на пенсию. Это был довольно деликатный, даже мягкий человек. Они мне дали именно такого, потому что я иногда круто себя вел, а он мог найти ко мне подход, у нас с ним были довольно бесконфликтные отношения. Время от времени меня допрашивали следователи то Фролова, то Вудки. Я помню, Чекин, такой хмуроватый, с уральским акцентом (видимо, он был из Пермского управления) — это был следователь Вудки. Следователя Олега я не помню, много времени прошло.

— А как образовалось саратовское дело?

— Потом мое дело выделили в отдельное производство и отправили в Саратов, а на рязанском процессе мои показания только зачитывались.

Что касается моих показаний. Почему я получил самый большой срок? Фактически, я начал заниматься всей этой революцией в 65-м году, в 66-м я приехал в Саратов и занимался там до осени 68-го года. Но, фактически, я выключился из практической работы в 67 году, и зани-

мался теоретической работой, поддерживая кое-какие связи. Почему они мне влупили такой большой сорт? Во-первых, сыграли роль личностные качества. Они меня считали фанатом и человеком больших потенциальных возможностей. Они совершенно не верили в мое раскаяние (мы все там раскаялись). Во-вторых, за мое поведение на следствии. Следствие — процесс психологически очень тяжелый, и я не могу сказать, что вел себя там геройски, но когда нас везли этапом, мы в Сызрани вместе сидели в камере с Куликовым. Дима Куликов сказал: «Олег, мы все отдаем тебе должное, на следствии ты держался лучше всех.» Действительно, я сознавал свое лидерство, сознавал, что я всех наставлял, и это как-то меня обязывало. Большинство показаний я давал только после того, как мне зачитывали показания одного или двух свидетелей или участников дела. Сам я инициативы на следствии никогда не появлялся, я только соглашался с фактами, когда как юрист понимал, что факты эти достоверны. Иногда меня очными ставками уламывали в чем-то сознаться.

Самым тяжелым ударом с конца следствия был эпизод с террактом. Намерение свещения терракта.

— ???!

— В 68-м году произошли известные события на Даманском. Тогда мы, слушая западные радиостанции, узнали, что Советский Союз может использовать эти события для нанесения preventivного ядерного удара по Китаю. Западные станции утверждали, что именно Советский Союз и спровоцировал эти события, ибо они ему сейчас политически выгодны. И мы, мальчишки, решили, что это может быть истиной, и за этим действительно может последовать ядерный удар, тем более, что Китай тогда имел ракеты лишь среднего радиуса действия. И мы, желая предотвратить массовую гибель ни в чем невинных людей, решили направить из разных городов страны письма протеста и предупреждения, представив себя, как организацию, которая, в противном случае, прибегнет к тактике индивидуального террора. Это обсуждалось в Рязани, и вся рязанская группа была сторонницей такого решения. Более того, мы обсуждали возможности осуществления терракта. Договорились до того, что на первомайской демонстрации кто-то останется в Соборе Василия Блаженного, спрячется. Нужно достать винтовку с оптическим прицелом. Другой вариант — во время демонстрации нако-

диться рядом с транспортом, потом вскочить на эту платформу... Надо выбрать место, чтобы пристреляться... Мальчишество, конечно, однако, разговоры такие велись. На Даманском все затихло, необходимость в терракте отпала.

— Вы были готовы стрелять в людей?

— Теоретически — да, а практически — я не знаю, как бы это все получилось. Мы были противниками террора. Мы были марксистами, а у марксистов индивидуальный террор не является средством политической борьбы. Мы были противниками, но учитывая ситуацию, решили сначала сделать предупреждение, и если бы оно не вызывало действия, и продолжалось бы психологическое нагнетание, подготовка к наступлению ядерного удара, влекущего массовую гибель людей, то мы были готовы пойти на терракт. По крайней мере, мы тогда так полагали. Хотя, я не представляю, как бы лично я в кого-то стрелял.

— Кто же ляпнул на следствии об этом?

— Уже заканчивалось следствие, был конец ноября, в Саратове. Вдруг меня выдергивают из камеры, привозят в управление (хотя, последний месяц допрашивали в тюрьме). Я вхожу, смотрю, мой следователь Проданов в кителе, такой из себя весь строгий, чем-то взволнованный, со мной разговаривает совсем иначе. Потом заходят два его помощника, тоже в кителях. Он звонит, докладывает: обвиняемый Сенин доставлен. Входит генерал Васькин, начальник управления. Те — под козырек, Проданов рапортует: товарищ генерал, разрешите приступить к допросу обвиняемого Сенина по делу такому-то. Генерал разрешает, и следователь, стоя, с дрожью в голосе зачитывает мне показания Виктора Боброва об этом самом намерении. (Я обсуждал с саратовской группой решение рязанской группы об этом терракте, но саратовская группа отнеслась к этому отрицательно.) У меня отвисла челюсть. Я как юрист понимал, что это такое. Если бы они вменили нам намерения совершение терракта, гармошка сроков начиналась бы с восьми лет. Мандраж был подлинный. Надо же было Боброву расколоться! А у него, оказывается, при аресте нашли какой-то оптический прицел, какую-то трубу. Не знаю уж как это вышло, но он взял и сказал про терракт.

Слава Богу, пронесло, однако этот эпизод был в обвинительном заключении, как одно из

отягчающих обстоятельств.

После лагеря, по возвращению к своей жене Маргарите, мне было отказано в прописке. Я имел условный срок. Пришлось идти в КГБ и по звонку оттуда мне прописку дали. Затем я поехал поступать в семинарию и договаривался о возможном служении в Архангельской епархии с владыкой Сидором Архангельским и Холмогорским (тоже делая это конспиративно). Я убрал из своих документов срок, сделал это с благословения отца Евгения Бабинцева (сам бы я не дерзнул, все-таки, в Богоугодное заведение поступаю, и вдруг пуститься на такую ложь!) Но это не помогло, в семинарию я не поступил. В этом я чувствовал руку КГБ, потому что и возраст мой, и облик явно свидетельствовали о серьезности моих намерений, но мне не предложили даже, как предлагали многим, поехать куданибудь в епархию послужить.

Затем я служу у Владыки, он обещает мне скорое рукоположение, подает на меня бумаги для моего служения в качестве епархиального протодьякона и секретаря епархиального управления. Проходит время, рукоположения нет. Является КГБшник, находит меня на свечном складе и опять канитель с вербовкой и мой отрицательный ответ.

В восемидесятом году мы с Катериной (с первой женой я расстался) приезжаем в Тулу, у нас маленький сын Никон, и Катерина брюхата Настенькой, ни кола, ни двора. Здесь я начал преподавать на подпольных библейских курсах. Тут тоже было много треволнений, эти курсы пытались прикрыть... В 82-м году я принимаю крещение, становлюсь членом Адвентистской церкви, потом долгое время я работал под прикрытием редактора издательства, потом работал разъездным миссионером. Власти официально к служению в церкви меня не допускали, контролировали они всех, в том числе и адвентистское церковное руководство. И только после перестройки я был рукоположен дьяконом, потом — пресвитером Тульской общины, и, наконец, в 91-м году я был рукоположен епископом, или, как в адвентистской церкви называют, проповедником, уже будучи преподавателем семинарии. Вот так, ребята, и сложилась жизнь...

А людей, лучше чем тогда в Рязани, Саратове, в бараках 17-го лагеря я, наверное, потом и не встречал. И те годы, как не парадоксально сейчас звучит, я считаю лучшими в своей жизни.

Дело «Вудки»: вместо послесловия

Председателю Областного совета народных депутатов Приходько.
Прокурору Рязанской области Гамзину.
Председателю областного управления МБ РФ Сергееву.

ЗАЯВЛЕНИЕ ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

В соответствии со ст.3 и 5 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», по заключению прокуратуры Российской Федерации от 15 июня 1992 г., необоснованно осужденные по ст.70, часть 1, и ст.72 УК РСФСР Вудка Ю.В., Вудка В.В., Грилюс С.А., Мартимонов Е.Я., Заславский С.М. и Фролов О.И. — РЕАБИЛИТИРОВАНЫ ЗА ОТСУСТВИЕМ В ИХ ДЕЙСТВИЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

Таким образом, после полугодовой проволочки (первый депутатский запрос с требованием рассмотреть дело был направлен в прокуратуру 23.12.91 г.), законность в отношении невинно осужденных людей была частично восстановлена.

Тем не менее, люди, сфабриковавшие «политическое» дело в 68-70 годах, продолжают занимать посты в органах правопорядка и судопроизводства.

Можно ли говорить о правовом обществе в стране, где должностные лица, грубо нарушившие закон: виновные в репрессиях против невинных людей, продолжают занимать ответственные посты?

Статья 18 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» гласит: «... работники органов ВЧК, ГПУ-ОГПУ, УНКВД -НКВД, МГБ, прокуратуры, суды, члены комиссий, «особых совещаний», «двоечек», «троек», работники других органов, осуществлявшие судебные полномочия, судьи, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными в фальсификации дел, применении незаконных методов расследования, преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати...»

Мы обращаемся в областной Совет народных депутатов, в областную прокуратуру и областное управление Министерства безопасности с требованием безотлагательно рассмотреть вопрос о вышеупомянутых сотрудниках бывшего КГБ, милиции, прокуратуры и судов, в соответствии со статьями действующего закона «О реабилитации жертв политических репрессий».

Прокуратурой Рязанской области рассмотрено заявление Совета Рязанского регионального отделения Международного правозащитного общества «Мемориал», опубликованное 4 ноября 1992 года в газете «Вечерняя Рязань»; о привлечении к уголовной ответственности работников КГБ, милиции, прокуратуры и судов за фальсификацию при расследовании дела и незаконное осуждение по ст.70, часть 1, и 72 УК РСФСР Вудки Ю.В., Вудка В.В., Грилюса С.А., Мартимонова Е.Я., Заславского С.М., Фролова О.И.

Приговором судебной коллегии по уголовным делам Рязанского областного суда от 19 февраля 1970 года и определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР от 16 июня 1970 года, вышеуказанные лица были признаны виновными в том, что являясь членами антисоветской группы, в 1967-1969 годах проводили активную антисоветскую деятельность, направленную на насильственное свержение существующего в Советском Союзе государственного и общественного строя. С целью распространения клеветнических измышлений, порочащих существующий строй, Вудка Юрий написал трактат «Закат капитала» и, в развитие изложенных в нем положений, еще ряд статей, а другие члены группы размножали и распространяли их по различным регионам страны среди знакомых.

На своих собраниях члены группы обсуждали вопросы практической антисоветской деятельности: увеличения численности участников группы, создания аналогичных групп в других городах СССР, соблюдения конспирации при проведении антисоветской деятельности, пересылки литературы антисоветского содержания за границу, установления контактов с деседентами (так в оригинале — РЕД.), методы борьбы с существующим в СССР строем.

В «Закате капитала» Вудка указал, что власть должна быть свергнута революционным путем, с помощью партизанской войны.

В судебном заседании осужденные полностью признали себя виновными в предъявленном обвинении, не отрицали вины как сами, так и защищавшие их адвокаты в кассационных жалобах, направленных в Верховный суд РСФСР, лишь просили о снижении срока наказания.

В основу обвинения осужденных судом, помимо их признательных показаний, были положены показания свидетелей: Красик, Лоскутова, Владимирова, Сенина, Рудченко, Григорьевой, Учителя, Фабрштейна, Каплан и многих других, которые рассказали,

что осужденные обрабатывали их в антисоветском духе, вовлекали в размножение и распространение работ, написанных Вудкой.

Кроме того, к делу приобщены вещественные доказательства — написанные Вудкой Юрием и Фроловым Олегом статьи антисоветского содержания, размноженные и распространенные участниками группы в Рязани, Саратове и других городах Советского Союза. Фролов в статье «О тактике нелегальной работы и партизанской войны» указывал, что свержение существующего в СССР строя возможно лишь путем вооруженной борьбы. Вооружаться следует, скопя оружие или похищая его из воинских складов.

Осужденные обсуждали также вопрос о привлечении на свою сторону армии. Так, свидетель Лоскутов рассказал, что перед его отправкой на службу в армию Фролов беседовал с ним и просил выяснить настроение военных, можно ли рассчитывать на их поддержку в случае революционного подъема в стране. Просил вовлекать военнослужащих в антисоветскую деятельность, распространять среди них трактат «Закат капитала» и другие статьи аналогичного содержания. Члену саратовской группы Григорьеву рекомендовали устроиться на работу в органы КГБ.

Указанные действия осужденных в то время правильно были квалифицированы по ст. 70, ч. 1, и ст. 72 УК РСФСР в редакции 1960 года. В ст. 70, ч. 1, УК РСФСР указывается, что «Агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершение отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания.» Все эти признаки преступления в действиях Вудки и других тогда имели место.

Вудка и другие осужденные реабилитированы 15 июня 1992 года по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации в соответствии со ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года.

В ст. 5 Закона указано: «Признаются не содержащими общественной опасности нижеперечисленные действия и реабилитируются НЕЗАВИСИМО ОТ ФАКТИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ лица, осужденные за:

- а) антисоветскую агитацию и пропаганду;
- б) распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй...»

Таким образом, к моменту рассмотрения дела о реабилитации Вудки и других, их дело перестало быть общественно-опасным, поскольку изменилась сама жизнь, ее уклад. Уголовное законодательство по ст. 70 УК РСФСР, в нынешней редакции (1990 г.) требует теперь наличия публичности в антигосударственной деятельности и конкретных насилиственных действий контрреволюционного ха-

рактера (!!! — РЕД.), чего не было в ст. 70 УК РСФСР прежней редакции на момент их привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

При изучении материалов уголовного дела фактов незаконных методов ведения следствия, фальсификации со стороны работников КГБ и других правоохранительных органов не установлено.

Оснований для привлечения их к уголовной ответственности не имеется.

И.о. прокурора Рязанской области, старший советник юстиции А.В. Пилипенко.

Коллегии Верховного Суда Российской Федерации

...Рязанское отделение Международного правозащитного общества «Мемориал» в этом году в третий раз обращается с ходатайством о рассмотрении вопроса, касающегося председателя рязанского областного суда Матвеева А.С. Вместе с запросами мы представили в ваш адрес ксерокопии имеющихся в нашем распоряжении документов и заявлений граждан, свидетельствующих об участии предоблсуда Матвеева в политических процессах, в частности, в процессе по делу так называемой «Марксистской партии нового типа» в 1970 году.

В соответствии со ст. 3 и 5 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», по заключению прокуратуры Российской Федерации от 15 июня 1992 г., необоснованно осужденные по ст. 70, часть 1, и ст. 72 УК РСФСР члены упомянутой группы Вудка Ю.В., Вудка В.В., Грилюс С.А., Мартимонов Е.Я., Заславский С.М. и Фролов О.И. — **РЕАБИЛИТИРОВАНЫ ЗА ОТСУТСТВИЕМ В ИХ ДЕЙСТВИЯХ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ.**

В соответствии с положениями статьи 18 Закона «О реабилитации» «... судьи, участвовавшие в расследовании и рассмотрении дел о политических репрессиях, несут УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ на основании действующего уголовного законодательства. Сведения о лицах, признанных в установленном порядке виновными... в преступлениях против правосудия, периодически публикуются органами печати...»

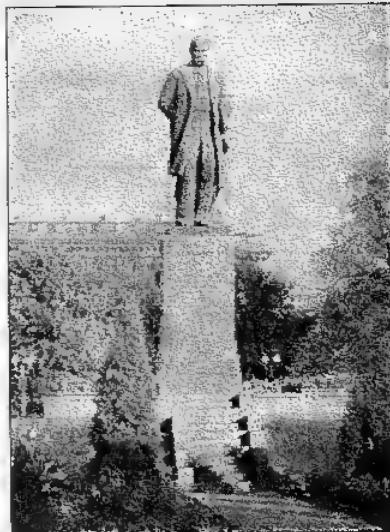
Мы обращаемся к Пленуму Верховного Суда с требованием безотлагательно рассмотреть вопрос о привлечении к ответственности в соответствии со статьями действующего закона «О реабилитации жертв политических репрессий» Председателя рязанского областного суда А.С. Матвеева.

... Указом Президента Российской Федерации Ельцина Б.Н. председателю Рязанского областного суда Матвееву А.С. «за большой вклад... и т. п.» в 1994 году присвоено звание **Заслуженного юриста Российской Федерации.**

Евгений ЗАХАРОВ

Попытка сравнения диссидентского движения в России и на Украине

«Карта» продолжает публикацию материалов первой Международной конференции «Диссидентское движение в СССР. 1950-1980-е годы», проведенной Научно-информационным и просветительским Центром общества «Мемориал».

В работе конференции приняли участие исследователи из стран бывшего СССР (России, Украины, Литвы), Европы (Германии, Франции, Великобритании, Польши), США, Израиля, Австралии.

Сборник материалов конференции вскоре выйдет из печати.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей материал председателя харьковского «Мемориала», сопредседателя харьковской правозащитной группы ЕВГЕНИЯ ЗАХАРОВА.

Едина ли история диссидентского движения в СССР? Или же она представляет собой совокупность историй национальных, религиозных и прочих движений? Это не праздный вопрос, поскольку ответ на него во многом определяет пути изучения истории инакомыслия.

Первый ответ, лежащий на поверхности – да, едина. Во-первых, у многих диссидентов в основе лежало одно и то же чувство – нежелание смириться с насилием и ложью, часто эти люди во многом похожи, хоть и принадлежат к разным национальностям и вероисповеданиям. Во-вторых, формы диссидентской деятельности были везде одинаковы – распространение самиздата, сбор и распространение информации о репрессиях, петиции в органы власти и международные организации и т.д. В-третьих, диссидентам противостояли одни и те же структуры – КПСС, КГБ, прокуратура, МВД, суды, деятельность которых была регламентирована по вертикали, и решения часто принимались в Москве на самом верхнем уровне.

С другой стороны, идущая от Л.М. Алексеевой систематизация – национальные движения, религиозные движения, гражданские движения – показывает, что диссидентское движение в разных республиках бывшего СССР выдвигало разные задачи. Есть и существенные временные отли-

чия: национальные движения возникли раньше большинства религиозных и намного раньше гражданских. Попытаемся ответить на поставленный вопрос, обратившись к диссидентскому движению на Украине и сравнив его с диссидентским движением в России.

Диссидентское движение на Украине в целом можно характеризовать как движение за национальное освобождение. Как и в Литве, оно фактически не прекращалось с конца второй мировой войны.

Вспомним, что и ранее украинское крестьянство особенно упорно сопротивлялось коллективизации, следствием чего был искусственный голод 32-33-х гг., унесший 8 млн. жизней.

Присоединение западноукраинских земель, бывших до первой мировой войны в составе Российской и Австро-Венгерской империй, а между войнами включенных в территорию Польши, Чехословакии и Румынии, дало толчок украинскому освободительному движению.

Украинский народ – единственный народ, воевавший и против коричневых, и против красных. Наиболее массовая организация – Организация Украинских Националистов (ОУН) – возглавила борьбу вначале против немецкого фашизма, а потом против коммунизма. Созданная ею Украинская Повстанческая Армия (УПА) два го-

да воевала с Гитлером и шесть лет – со Сталиным, продержавшись до начала 50-х годов. (Отдельные подразделения ОУН-УПА сотрудничали с нацистами и принимали участие в карательных операциях – ПРИМ. РЕД.)

Советская историография представляет воинов УПА как бандитов, грабивших и убивавших женщин, стариков и детей, устраивавших еврейские погромы. Сейчас стало очевидно, что этот взгляд по крайней мере односторонен. Пересмотр в настоящее время прокуратурой Украины дел бывших бойцов УПА показал, что подавляющее большинство их бандитами не были (в соответствии с Законом Украины «О реабилитации жертв политических репрессий» дела бойцов УПА пересматриваются в индивидуальном порядке, и они реабилитируются, если не являлись участниками бандформирований; по Львовской области к началу 1992 года пересмотрено более 10000 дел и только 80 человек не было реабилитировано). Кроме того, стали известны факты массовых убийств мирного населения сотрудниками НКВД, переодетыми под бандеровцев. Террор же против бойцов УПА был жестоким: сотни тысяч их пошли в лагеря со стандартным 25-летним сроком. Целые села в Западной Украине были высланы «за пособничество УПА» – более 2 млн. человек. Гражданская война в Запад-

ной Украине 1944–1950-х гг. еще ждет своих историков.

Несмотря на массовые репрессии, национальное движение в 50-е – 60-е годы было локализовано именно на Западе Украины. 10 из 17 раскрытых подпольных организаций действовали здесь. Как указывает Л. М. Алексеева, в этих организациях преавалирующей была национальная идея.

В конце 50-х годов начался новый период в национально-освободительном движении, получивший название «шестидесятничества». Основу его составляли молодые люди, разбуженные хрущевской оттепелью, – поэты, художники, музыканты, историки, публицисты. Основной пафос движения – борьба с русификацией, возрождение национальной культуры. Это движение распространялось на всю Украину, его центром был Киев. Шестидесятники вызвали сочувствие и у части украинской номенклатуры, возможно, поэтому до 1965 года оно почти не встречало отпора. Многие его участники делали успешную карьеру. Шестидесятники не ставили вопрос об отделении Украины от СССР, они надеялись на либерализацию режима и на решение национальной проблемы в составе СССР.

Первая волна репрессий прошла в августе–сентябре 1965 года. Было арестовано более 20 человек, в той или иной степени причастных к движению, из них 7 киевлян, из которых ведущей фигурой был поэт Иван Светличный. Его через 8 месяцев освободили «за недостатком улик». Возникает ощущение, что эта акция делалась по приказу из Москвы, но неохотно. И вплоть до 1972 года отношение к шестидесятникам было вполне либераль-

ным. Это проявлялось, в частности, в том, что власти почти не мешали ставшему традиционным возложению цветов к памятнику Шевченко в разных городах Украины. В Киеве в этот день обычно собирались несколько сот человек, пели песни, читали стихи. В 1967 году власти было попробовали сорвать встречу, но наткнулись на упорное противостояние собравшихся и отступили. Интересно, что эта относительная мягкость тогдашних лет в отношении национального движения не распространялась на участников правозащитного движения общедемократической направленности. Так, например, в 1969 году были арестованы и осуждены четверо харьковчан за то, что они подписали письмо в ООН Инициативной группы защиты прав человека в СССР, хотя из Москвы пришла рекомендация воздержаться от арестов.

1972 год стал переломным. Он начался с многочисленных арестов активистов шестидесятников, аресты сопровождались массовыми обысками и увольнениями с работы. В среде так называемых сознательных украинцев были уволены тысячи людей. Чистка коснулась не только научных и культурных учреждений, но и сельской интеллигенции и партийных и советских работников. Огромные масштабы приобрела тайная и явная слежка, перехват писем, прослушивание телефонных разговоров. Одновременно началась новая волна русификации. Так шло широко задуманное мероприятие по искоренению национального самосознания украинцев.

В дальнейшем Украина превратилась в полигон для апробирования КГБ новых методов борьбы с инакомыслящими. Здесь были со-

вершены первые таинственные (похоже, что политические) убийства (Алла Горская, Владимир Иvasюк, Николай Зварич), впервые были подложены наркотики при обысках. Здесь была начата практика фабрикации уголовных дел – за изнасилование, за хулиганство, за сопротивление власти, за хранение наркотиков и т. д. Именно на Украине репрессии были особенно жестокими. Ей принадлежит печальная пальма первенства во многом. Первый лагерный срок за участие в хельсинском движении женщине (Ольге Гейко), первое применение 191-прим к женщине пенсионного возраста – 75-летней Оксане Мешко, первое осуждение женщины за то, что она добивалась освобождения мужа-политзаключенного (Раиса Руденко). С Украины начались и повторные аресты – членов Украинской Хельсинской Группы (УХГ).

УХГ была создана в 1976 году и просуществовала до 1981 года. Всякий, кто вступал в УХГ, подвергался аресту и осуждению по сфабрикованному уголовному обвинению или по 62 статье УК УССР (украинский аналог 70 статьи УК РСФСР). УХГ все свое внимание сосредоточила на фиксации нарушений в отношении украинцев права на национальное равноправие. В отличие от других хельсинских групп, она не откликалась на религиозные преследования, на движение за социально-экономические права. И программный документ УХГ, и остальные ее 30 документов посвящены разным аспектам национальной проблемы.

В конце 70-х – начале 80-х годов украинское национальное движение вернулось к подпольным организациям и к идеи отде-

Андрей МЕЛЬНИК

Степан БАНДЕРА

Роман ШУХЕВИЧ
РИСУНКИ М. ФАРТУХА

Оксана МЕШКО

Василь СТУС

Ольга ГЕЙКО-МАТУСЕВИЧ
ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

ния Украины от СССР. В результате жестоких репрессий и усиливающейся русификации шестидесятники поняли, что их надежды на решение национальной проблемы в составе СССР были тщетны.

Какова география национального движения? Многие считают, что оно было сконцентрировано на Западной Украине и в Киеве. Но это ошибка. Так, например, в 1972 году в Восточной и Западной Украине было арестовано примерно одинаковое число человек. В первом составе УХГ в человек — с Восточной Украины (в основном из Киева) и 1 — с Западной Украины. Великий украинский поэт Василь Стус родом из Донецкой области. Можно утверждать, что если на Западной Украине диссидентское движение принимало преимущественно форму национально-освободительного и религиозных движений, то в Восточной Украине национальное и религиозное движения сочетались с правозащитным. Правозащитное движение, не ставящее во главу угла национальную проблему, было более заметно в больших городах востока и юга Украины — Харькове, Одессе, Черновцах, Луганске, Запорожье, Донецке. Так, например, в Харькове в течение 60-х — 80-х годов зафиксированы три процесса над участниками национального движения, шесть — над активистами движения за свободный выезд из СССР, четыре — над участниками правозащитного движения, четыре — над участниками религиозных движений. Следует заметить, что точные оценки географии и масштаба национального и религиозных движений весьма затруднены, поскольку их участники часто не имели связей с моско-

ковскими правозащитниками. Информация об украинцах часто появлялась уже из лагерей и нередко в искаженном виде. Многое становится известно только сейчас в связи с вводом в действие Закона о реабилитации.

В чем сходство и различие российского и украинского правозащитного движений?

В целом социальная база украинского движения шире, чем российского. Это объясняется во многом тем, что шестидесятники были преимущественно интеллигентами в первом поколении, выходцами из села. Кроме того, национальная идея имеет гораздо больше сторонников вне интеллигенции, чем правозащитная.

Деятельность участников правозащитного движения была во многом аналогична деятельности московских, ленинградских и иных российских правозащитников. Это подтверждается примерами харьковских дел Алтунича, Левина, Недобора и Пономарева в 1969 году, Корягина, Анцупова в 1981 году, дела Вячеслава Игрунова в Одессе в 1975 году и другими. В то же время к концу 70-х годов стала проявляться тенденция смыкания правозащитников-неукраинцев с национальным движением на его платформе. Об этом свидетельствуют одесские процессы разных периодов (дело Нины Строкатой, дело Барладяну, дело Михайленко, дело Бутова и др.), вступление в УХГ неукраинцев — русских В. Маленкова и П. Винса и еврея Иосифа Зисельса, делом о листовках в Киеве в 1981-м г. и др.

Между украинскими шестидесятниками и московскими правозащитниками вообще много общего. Как указывает Л. М. Алексеев,

ва, и то, и другое движение были интеллигентскими и очень близкими по духу, социальному составу участников, аргументации требований и способам самовыражения. Знакомство произошло в мордовских лагерях, где сидели вместе украинцы, арестованные в 1965 году, Синявский и Даниэль, позже Гинзбург и Галанков. Путь с Украины в Мордовию лежал через Москву, и родственники украинских политзаключенных останавливались у родственников и близких московских правозащитников, передавали через них информацию в «Хронику текущих событий» и за рубеж. Шестидесятники включились в кампанию защиты А. Гинзбурга и Ю. Галанкова в 1968-м г., представители других республик в этом участии не принимали. УХГ была также тесно связана с Московской Хельсинской Группой, созданной по ее примеру, использовала ее опыт, имела в ней своего представителя — генерала П. Г. Григоренко. Украинские политзаключенные были участниками коллективных обращений, в которых отражались общедемократические требования, многие участвовали в различных коллективных лагерных акциях.

Вместе с тем следует заметить, что диссидентское движение на Украине было гораздо в большей степени политизировано, чем российское правозащитное движение. Это сказалось в перестроичный период: почти все украинские политзаключенные баллотировались в депутаты Советов разных уровней. На Украине во главе практически всех политических партий национально-демократических ориентаций стоят бывшие политзаключенные (во

главе республиканской партии — Микаил Горынь, Левко Лукьяненко, Василь Овсиенко и др.; республиканской консервативной партии — Степан Хмара, демократической партии — Юрий Бадзю; христианско-демократической партии — Василь Сичко и т. д.). В то же время правозащитной деятельностью занимаются буквально единицы (Семен Глузман, Мирослав Маринович, отчасти Василь Лисовой и Генрих Алтунян).

Хейфиц в своих книгах, глубоко, на мой взгляд, исследовал взаимоотношения представителей различных национальных движений. В российском национальном движении преобладала имперская идея, великороджавость, совершиенно неприемлемая украинским диссидентами. Уже тогда было очевидно это принципиальное расхождение украинского и русского национальных движений, переросшее в настоящее время в явную вражду. К сожалению, в отношении русского национального движения осталось верным старое высказывание В. Винниченко: «Российская демократия кончается там, где начинается национальное самоопределение». Что же касается украинского национального движения, то в нем было две струи. К демократической его части вполне можно отнести слова Степана Бандеры, сказанные им в радиointerview в 1954 году: «Украинское националистическое движение не имеет ничего общего с нацизмом, фашизмом или национал-социализмом. Украинский национализм борется против тоталитаризма, расизма и всякой диктатуры или применения насилия. Название «украинский националист»озвучно на званию «украинский патриот».

Украинский национализм был

и бывает разным. Была и вторая часть в украинском национальном движении, менее культурная и образованная, склонная к самоизоляции, к подпольным методам борьбы, с недоверием, переходящим в ненависть по отношению к российскому демократическому движению. В этой среде родился лозунг «Украина для украинцев», поддержаный частью украинских политзаключенных (Иосип Тереля, Олесь Бердник и другие). В этой среде проявляется русофobia, нередок антисемитизм. Эта часть украинского национализма во многом смыкается с российским национализмом, например, в неприятии демократии.

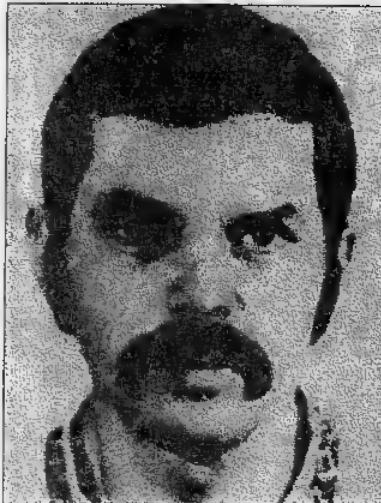
Что касается религиозных движений, то особенностью Украины является наличие греко-католической и автокефальной православной церквей. Верующие, принадлежащие к этим конфессиям, жестоко преследовались. Существование этих церквей на Украине власти не признавали вообще.

В чем сходство и различие украинского и российского самиздата? Украинский самиздат в основном сосредоточен на национальной проблеме, в этом смысле он значительно уже, чем российский. По этой причине большая часть украинского самиздата малоизвестна и осталась достоянием только украинского читателя. В украинском самиздате практически не было социально-экономической публистики, мало философских работ. На Украине распространялся и российский самиздат. В этом большая заслуга Леонида Плюща, который размножал в Киеве привезенные им из Москвы рукописи. Плющ организовал перевод на русский язык лучших произведений украинского самиздата для передачи в Моск-

ву и за рубеж. Так мир узнал книги Ивана Дзюбы «Интернационализм или русификация?» и «Горе от ума» Вячеслава Чорновила. Выдающимся явлением украинского самиздата стало периодическое издание информационного бюллетеня «Украинский вестник». В 1970-1972 гг. вышли первые шесть выпусков, в 1973-1975 гг. — седьмой, восьмой и девятый. Издание «Вестника» было возобновлено в 1987 году и продолжалось до 1990 года. Если «Хроника текущих событий» содержала только информацию о репрессиях и положении политзаключенных, то «Украинский вестник» помимо такой информации включал в себя произведения, распространяемые в самиздате — исследования по истории, данные о геноциде и этноциде украинцев, литературоведческие работы, стихи, прозу. Характерен высокий профессиональный уровень этого издания.

Таким образом, сравнивая украинское и российское диссидентские движения, можно заключить, что они были тесно связанны и во многом сходны. Тем не менее выдвигаемые ими задачи были разными, принципиально также их различие в отношении к национальной проблеме. Это обусловило разную логику их развития. Поэтому целесообразно изучать эти движения отдельно. Необходимо заново составить список украинских политзаключенных, составить указатель украинского самиздата, осуществить переиздание всех выпусков «Украинского вестника» и лучших образцов самиздата.

Харьков

Мирослав МАРИНОВИЧ

Райса РУДЕНКО

Нина СТРОКАТАЯ
ФОТОАРХИВ «КARTЫ»

Марк ПОПОВСКИЙ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Эти строки никогда бы не были написаны, если бы через 17 лет после отъезда из Советского Союза меня не догнало бы в Нью-Йорке письмо доктора химических наук, москвички Евгении Николаевны Олсуфьевой. Незнакомая мне ученая дама, разыскав как-то американский адрес, прислала просьбу написать воспоминания об ее отце. В следующем 1995 году, к его 90-летию, она собирается выпустить книгу воспоминаний. Ряд бывших сотрудников и учеников покойного Николая Григорьевича уже пишут статьи для будущего сборника.

Да, конечно, я не забыл Николая Григорьевича Олсуфьева, серьезного ученого, члена-корреспондента Академии медицинских наук, чуть ли не четыре десятка лет возглавлявшего лабораторию туляремии в Институте эпидемиологии и микробиологии АМН. В моей литературной жизни человек этот сыграл хотя и краткую, но чрезвычайно яркую роль. Он рискнул сообщить мне, в ту пору молодому литератору, то, о чем никто другой рассказать не решался.

На пороге 60-х мне еще не было и сорока. Влюбленный в творчество Поля де Крюи (de Крайф), американского писателя-документалиста, писавшего о людях науки, я пытался продолжать его традиции в российской литературе. В поисках выдающихся ученых медиков и биологов я мотался по всей стране. Мое увлечение вполне соответствовало тогдашней официальной ориентации. По логике тех лет самая передовая в мире советская наука, конечно же, является подательницей самых великих научных достижений. Мне, начинающему литератору-публицисту, надлежало подкреплять этот пропагандистский тезис своими газетно-журнальными очерками и книгами. Что я и делал. Носился из месяца в месяц по так называемым творческим командировкам в поисках достойных героев. Пожаловаться не могу, меня печатали и в толстых и в тонких журналах, в «Литгазете», «Известиях» и даже «Правде». В 1961 году, когда на подходе оказалась пятая по счету книга, меня приняли в Союз писателей. Та книга, под заголовком «По следам отступающих», должна была сообщить немало интересного о борьбе ученых с опасными и особо опасны-

ми болезнями. В поисках героев я побывал в Астрахани, Ташкенте, Самарканде, Ленинграде, Саратове. На Саратове я споткнулся.

Все не так просто...

Сейчас уже не помню, кто именно посоветовал мне написать «туляремийную эпопею» — историю открытия туляремии, болезни, которой люди заражаются от крыс, мышей, диких грызунов. Этой, очень похожей на чуму, болезнью имели шанс заразиться в нашей стране не менее 50 миллионов человек. Но лишь до тех пор, пока не была создана противотуляремийная вакцина. Профессор Олсуфьев, ведущий специалист по этому вопросу, порекомендовал мне для начала съездить в Саратов, в институт «Микроб». Сотрудники института Алевтина Вольферц, Дмитрий Голов и Сергей Суворов в середине 20-х первыми обнаружили туляремию на территории нашей страны, выделили микроб и разобрались как эта зараза передается от грызунов к человеку.

Поездка в Саратов оставила у меня странное ощущение. Мои собеседники явно удивляли откровенного разговора. Все три первооткрывателя и исследователя туляремии к этому времени были уже в могиле. Их коллеги вроде бы охотно сообщали суть научных поисков Вольферц, Голова и Суворова, но, когда дело доходило до подробностей их жизни, смущались, умолкали, уклонялись от деталей. Тем не менее фигуры этих троих вызывали у меня несомненное уважение. Алевтина Вольферц, молодая хрупкая женщина, чтобы изучить характер болезни, привила себе инфекцию и тяжелейшим образом переболела. Страстно былвлечен эпидемиологией и Дмитрий Голов. Он выловил несколько тысяч насекомых, обитающих в норах грызунов, и установил, что именно комары и иксодовые клещи виноваты в передаче болезни от животных к человеку. Если про американца Френсиса, открывшего туляремию в Соединенных штатах, говорили, что он делает 50 опытов там, где 48 было бы вполне достаточно, то современники Голова утверждали, что он делал 100 экспериментов там, где всякий другой на его месте поставил бы 50.

О кончине этих троих саратов-

цы говорили неохотно. В начале 30-х всех их почти одновременно арестовали неизвестно за что. Вольферц после восьми лет лагерей вернулась в институт, но туберкулез, которым она там заразилась, очень быстро свел ее в могилу. Она умерла в 46 лет. Сергей Суворов провел в застенках ОГПУ шесть лет, а Дмитрий Голов в институт вообще не вернулся. Что с ним произошло никто не знает. Есть слухи, что его расстреляли в 1937-м. За что, почему пострадали эти герои науки — никто в Саратове мне ответить не смог, а может быть и не захотел. Я допытывался, где и когда была создана вакцина против туляремии, но собеседники мои явно увиливали от ответа на эти вопросы. Советовали только разыскать в Минске профессора Эльберта, одного из двух творцов этого замечательного препарата, который спасает ныне от заражения миллионы людей. Второй создатель вакцины — Николай Гайский к этому времени тоже умер.

Встретиться с профессором Эльбертом мне долго не удавалось: он тяжело болел, перенес несколько операций. Я звонил и писал ему в Минск, но он просил меня не приезжать. Работа над книгой застопорилась. Научных фактов мне удалось накопить вполне достаточно, но обстоятельства, в которых исследователи совершили свои открытия, плыли в каком-то тумане. В эти месяцы я состоялся наши встречи с Олсуфьевым. Высокий, изящный, аккуратно одетый профессор был вполне корректен, но поначалу показался мне человеком суховатым и даже скрытным. На мои жалобы, что саратовцы что-то утаивают, Олсуфьев молча пожал плечами, дескать не мое дело. Отогреть этого ученого, приблизить его к моим творческим проблемам и переживаниям никак не удавалось. Раздосадовавшись, я во время одной из встреч начал втолковывать ему, что не просто пересказываю услышанное от ученых, но ищу у своих героев элементы мужества, высокой нравственности, самоотверженности. Я попытался объяснить моему суховатому собеседнику, что именно нравственное лицо ученого более всего занимает меня. Вот почему я так настойчиво пытаюсь проникнуть в личный мир моих героев, в дета-

ли их личной жизни. Этот монолог как будто бы сблизил нас. Когда я показал Олсуфьеву привезенную из Саратова фотографию 1934 года, на которой он вместе с покойным Головым изображен едущим вылавливать зараженных туляремией грызунов, он оживился, позволил себе несколько сочувственных фраз о своем погибшем коллеге. «Это был рослый красавец с капитанским басом и повадками морского волка», — сказал Николай Григорьевич. — Голов переболел всеми болезнями, которые изучал: сыпным тифом, туляремией, бруцеллезом. Но ничто его не останавливало. У себя дома Голов хранил коллекцию живых клещей, тех самых, что передают туляремию от грызунов к человеку. Когда его забирали, он на прощанье сказал жене: сбереги дочь и клещевой питомник. Вторую просьбу жена выполнила не смогла: Дмитрий Голов кормил клещей собственной кровью.»

Я попытался в тот раз вытянуть из профессора какие-нибудь подробности об арестах ученых в 30-е годы, но Николай Григорьевич замкнулся. Я снова сел на своего конька. Рассказал как трудно мне находить порядочных ученых, тех, что не гнутся перед чиновниками, ставят истину выше страха. Ведь сопротивлялся же политическому давлению Иван Петрович Павлов. Он даже настаивал на своем праве выехать из большевистской России в Англию. Именно эта нравственная прочность и заставила Ленина в конце концов распорядиться о специальной помощи знаменитому физиологу.

Профессор Олсуфьев и эту мою тираду высушлал молча. Сегодня, прочитав письмо его дочери, я лучше понимаю его тогдашнее состояние. Оказывается, отец Олсуфьева — знаменитый ученый-энтомолог — эмигрировал в первые годы после революции. Он не подавал вестей о себе десятки лет. Только 45 лет спустя Олсуфьев-сын узнал, где жил и как умер его отец. А ведь за «папу-шпиона» можно было угодить в лагерь, а то и куда подальше, и в 30-е, и 40-е, и в 50-е годы. Надо ли удивляться, что сын почти весь век пребывал в тайном страхе. Даже в его некрологе, опубликованном в 1988 году, все еще значится, что отец Николая Григорьевича был всего лишь «служащим»...

Подавая мне руку на прощанье, профессор предложил в следующий раз встретиться не в его служебном кабинете, где мы всегда беседовали, а у него дома. Я не придал этому обстоятельству никакого значения. И напрасно.

Алевтина ФОЛЬФЕРЦ

Дмитрий ГОЛОВ
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ПОПОВСКОГО

Наука за решеткой

Разговор в профессорской квартире на улице Литвина-Седого начался несколько неожиданно. Олсуфьев напомнил о моем взволнованном монологе по поводу науки и этики. «Вы наверное правы, — сказал он, почему-то хмурясь. — Но я в теорию пускаться не стану. Просто расскажу о том, о чем саратовские коллеги говорить побоялись.»

Вкратце рассказ Николая Григорьевича свелся к следующему. В начале тридцатых годов в западных журналах появились статьи о том, что в будущей войне не исключено применение бактериологического оружия. Скорее всего, его применят Германия, чтобы отомстить союзникам, разгромившим ее в Первой мировой войне. Началась дискуссия, в которой высказано было суждение, что агрессор, скорее всего, изберет для атаки чуму или недавно открытую туляремию. Скорее всего, даже туляремию, так как она не убивает свои жертвы немедленно, а только выводит их из строя. Масса тяжело больных в рядах зараженной армии противника способна деморализовать фронт и тыл, посеять всеобщую панику.

Сталину, конечно же, доложили об этой научной дискуссии. Происходила она в то самое время, когда Гитлер рвался к власти. Из Кремля последовал соответствующий приказ: активизировать производство наступательного и оборонительного бактериологического оружия. Практически осуществить приказ было поручено ОГПУ. Начались аресты микробиологов, имевших отношение к исследованиям чумы и туляремии. Одними из первых взяли Алевтину Вольферц, Дмитрия Голова и Сергея Суворова. Затем были сквачены еще несколько десятков микробиологов Москвы, Харькова, Саратова, Минска. Среди арестованных оказались, в частности, минский профессор Борис Эльберт, ученый из Москвы Николай Гайский, директор саратовского института «Микроб» Никаноров и многие другие. Их обвиняли в чем угодно: в шпионаже, вредительстве, саботаже, но подлинную причину ареста, конечно, скрывали.

Ученых-арестантов свезли в город Сузdal, где в бывшем женском монастыре был создан секретный институт. В 1932 году девятиадцать свезенных сюда со всей страны микробиологов начали работу над наступательным и оборонительным бактериологическим оружием. Именно здесь, напряженно работая, Эльберт и Гайский создали в 1935 году первую в мире живую, противотуляремийную вакцину. Вакцина, получившая название «Москва», оказалась идеальным препаратом: стоило ее привить человеку, и он навсегда приобретал иммунитет к туляремии.

В 1937 году институт в Суздале расформировали. Часть сотрудников расстреляли, других перевели в дальние лагеря. Эльберту и Гайскому повезло: их выпустили на свободу. Покидая Сузdal, они сдали все свои записи и пробы тюремщикам. Позднее выяснилось: ценнейший препарат утерян. Те, кто умели охранять ученых микробиологов, абсолют-

но не способны были сохранить микробные культуры.

Я передаю лишь малую часть того, что узнал в тот день. Николай Григорьевич рассказал, как ученые в Суздале голодали, как, с риском для жизни, лазили за картошкой в соседние огороды, как болели и умирали в ужасстве лагерной жизни. Бывшего директора института «Микроб» Никанорова расстреляли лишь за то, что он отрицательно высказался о научной ценности некоторых проводимых в Суздале исследований. Я слушал Олсуфьева с изумлением и благодарностью. Хотя на дворе стоял уже 1962 год, девятый год после смерти Сталина, такие подробности о деятельности ОГПУ в прессу еще не проникали. То, что разгласил в тот день профессор Олсуфьев могло очень серьезно оказаться на его карьере. Но, завершив свой рассказ, он не пустился в рассуждения о том, следует или не следует писать обо всем этом, и надо или не надо упоминать его имя. Просто закончил говорить, встал и подал мне, ошарашенному, свою сильную руку: «Желаю успеха!»

Под свежим впечатлением от всего услышанного я в те же дни засел за главу, посвященную сузальской шарашке. Только написал первые страницы — звонок от Бориса Яковлевича Эльберта. Творец туляремийной вакцины сообщил, что приехал в Москву на операцию, и что мы можем побеседовать в онкологическом институте, где он будет не менее месяца. Об этих встречах наших в больничном коридоре я вспоминаю с горечью. У профессора Эльбера был рак горла. Он не морщился, но я явственно видел страдание в его глазах. После каждого свидания (всего их было пять) у моего собеседника опухало горло и он лишился голоса. Но проходило несколько дней, и я снова получал приглашение продолжить интервью.

После рассказа Бориса Яковлевича картина жизни в «научно-исследовательской» каталажке стала еще детальней и страшней. Оказывается, в те самые годы, когда гэпзушники потеряли вакцину Эльбера-Гайского, на страну несколько раз обрушивались эпидемии туляремии. Столкнулась с этой болезнью и Красная армия. Атаковали наших бойцов не немцы, а клещи, забирающиеся в окопы и землянки. Отбить эти атаки было нечем. Правда, незадолго до начала войны, Эльберт уговорил Гайского повторить проделанные в тюрьме опыты. После двух лет работы вакцину удалось создать заново. В послевоенные годы она спасла от заражения миллионы людей, которым угрожали многочисленные эпидемии туляремии, прокатившиеся по стране. В частности, удалось остановить эпидемию, которая обрушилась на тех, кто приехал восстанавливать Сталинград. Этот успех был отмечен властями: два бывших заключенных, Эльберт и Гайский, были удостоены Сталинской премии за 1946 год.

«Мы не понимали, за что нас убивали и мучали, — сказал во время последней нашей беседы профессор Эльберт. — Наше единственное желание состояло в том, чтобы дать Родине наилучшие препараты и в кратчайший срок. Чего добивались наши туляремщики — мне так и осталось непонятно. Если от туляремии на сто заразившихся обычно умирало пять человек, то из ста советских микробиологов, исследователей чумы и туляремии, скваченных в начале 30-х, в живых не осталось и пяти». Наш разговор с Борисом Яковлевичем происходил в декабре 1962 года. Полгода спустя его не стало. Но до этого я еще успел получить от него письмо из Минска. Запомнилась фраза из этого, можно сказать прощального, послания: «Благодарю судьбу за то, что

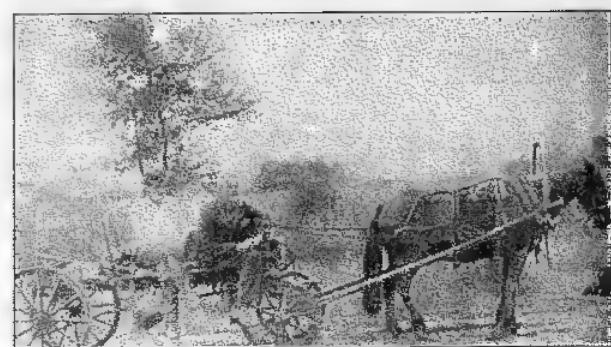
мне довелось быть участником и свидетелем событий, скрытых под спудом, но оказавшихся интересными для истории».

«Скрытых под спудом...» Очень скоро мне пришлось убедиться: советский режим не так легко расстается со своими тайнами.

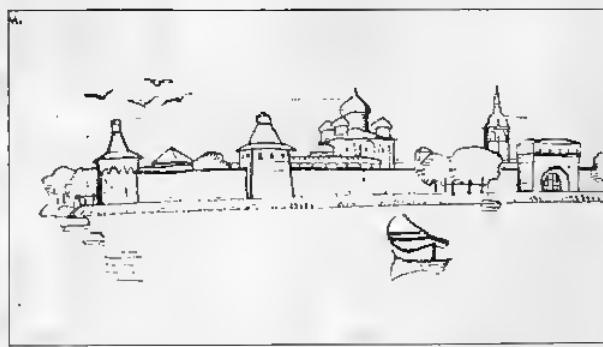
Вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Моя редакторша в издательстве «Молодая Гвардия» Л.А., женщина неопределенного возраста, из тех, о ком хочется сказать «без цвета и без запаха», в общем-то не слишком корежила мои тексты. Думаю, что ей было решительно наплевать на всех этих героев науки и их подвиги. Главное достоинство моих рукописей виделось ей, очевидно, в их политической безопасности. Это и было то самое, за что ей платили зарплату и даже обещали в будущем году дать квартиру. Квартира, насколько я мог понять, была главной мечтой Л.А. К этой теме она возвращалась особенно охотно.

Вычитанная рукопись «По следам отступающих» (имелись ввиду отступающие под натиском науки человеческие болезни) пошла в типографию. Казалось бы, ничего не могло помешать ей выйти в свет в следующем, 1963, году, в полном соответствии с издательским планом. Но однажды, зайдя по какому-то пустяковому поводу в редакцию, я застал Л.А. непривычно смущенной. Она положила передо мной верстку книги и, как бы между прочим, заметила, что некоторые места пришлось убрать. Я перелистал текст и ужаснулся: вся история о трех саратовских ученых, открывших туляремию и в благодарность за свои открытия истерзанных гэпзушниками, была исчеркана, а сузальская эпопея выброшена полностью. «Это не наша правка, — беспокойно зашептала редакторша. — И даже не

Дмитрий ГОЛОВ и Николай ОЛСУФЬЕВ в окрестностях Алма-Аты. 1934 год.
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ПОПОВСКОГО

Сузdal. Бывший женский монастырь, в годы войны — «шарашка».
РИСУНОК ИЗ АРХИВА М. ПОПОВСКОГО

нашего цензора. Так наверху решили». Я ответил, что в таком виде выпускать книгу не согласен. Напомнил Л.А. о том, сколько времени и сил ушло у меня на поиски исходного материала. Да и вообще, какое мы имеем право замалчивать эту трагическую историю? «Я не виновата, — продолжала твердить Л.А. — Это наверху...»

В конце концов удалось дознаться, что рукопись мою издательский цензор, на всякий случай, заслал на Лубянку, в литературный отдел КГБ (был у них и такой), и читал ее там сам начальник отдела генерал Белоконев. Откровенность, в которую пустилась со мной редакторша, стала понятной, когда она, чуть не плача, напомнила о предстоящем получении квартиры. «Поймите, если книга ваша, стоящая в плане, не выйдет в срок, мне голову оторвут, а что квартиру не дадут, так это уж точно.»

Я предложил компромисс: редакторша добивается аудиенции в соответствующем отделе КГБ, и мы вдвоем с ней пойдем выяснять, почему понадобилось уродовать рукопись. Как ни странно, такая встреча состоялась. Помню какой-то неприметный вход со стороны Кузнецкого моста, несколько ступенек вниз. Осталось в памяти и на редкость бесцветное лицо принимавшего нас кагэбшника (генерал до встречи с нами, разумеется, не снизошел). Я произнес бесцветному дяденьке заранее заготовленную речь о демократии, которая ныне, после двадцатого съезда партии, восторжествовала во всей стране; о необходимости восстановить правду о несправедливо замученных ученых-патриотах и т.п. Гэбэшник не перебивал. А потом спокойно, как о чем-то давно и твердо решенном, заявил, что восстанавливать авторский текст никто не разрешит. И вообще, кому это сегодня интересно читать про события тридцатилетней давности? Я еще раз вякнул, что в изуродованном виде книгу свою выпускать не позволю, и направился к выходу. Не проронившая за время беседы ни слова редакторша с опущенной головой поплелась следом.

Я хотел как можно быстрее выбраться из этого подвала и отцепиться от Л.А., но она не дала мне уйти. Тут же, на тротуаре, стала твердить о том, какие беды ждут ее, если книга не выйдет; сквозь слезы взывала к моей совести, твердила в десятый раз, что ее вины тут нет, а пострадает в конечном счете только она одна. Я молчал. Уже умер профессор Эльберт, благо-

Борис ЭЛЬБЕРТ

Николай ГАЙСКИЙ
ФОТО ИЗ АРХИВА М. ПОПОВСКОГО

даривший меня за то, что я вытащил из-под спуда правду о трагической судьбе десятков российских ученых. Пошел на риск профессор Олсуфьев, рассказавший о сузdalской трагедии. Ну, допустим, я согласился на кагэбшний вариант. Олсуфьев берет вышедшую книгу, листает ее и видит, что я сдрейфил, не рискнул сообщить правды, которую он мне открыл. Не трудно представить как больно это ударит его, как оскорбит... А с другой стороны эта несчастная Л.А. Она действительно ни в чем не виновата. Квартира... Кому как не мне об этом знать. Я лишь в сорок лет впервые въехал в сколько-нибудь нормальное жилье. До этого десяток лет жил с женой и ребенком в девяностометровой коммунальной каморке.

Сейчас уже не помню, какие именно аргументы взяли во мне верх. Но в какой-то момент, не выдержав стенаний редакторши, я крикнул ей: «Делайте что хотите, уродуйте книгу как угодно, мне это все надоело». И зашагал прочь. Вечером рассказал жене о всей этой истории. Она одобрила меня. «Ты же почти два года вбил в этот труд. И о гонораре не забудь, у нас нет никаких накоплений...» Да, про гонорар, конечно, верно. Литератор живет от книги до книги. И далеко не всякий год видишь свое произведение вышедшим из печати. Все вроде правильно и тем не менее сегодня, глядя на обложку той старой книги, которая никого уже не интересует и интересовать не может, я думаю об измене, которую допустил более тридцати лет назад.

Изменил исторической правде, изменил тем двум ученым, которые доверились мне. Измена? А не точнее ли было бы назвать мое тогдашнее поведение предательством? Ведь согласившись издать книгу в искаженном виде, я подыграл кагэбшникам, на многие годы отодвинул разоблачение одной из гнусных сталинско-гэбэшных акций. Да, они давили на меня. Но в таких случаях, куда пристойнее сжать зубы и промолчать, а не мытьать полуправду.

... Есть у этой грустной истории и одна забавная деталь. Книга вышла в срок, редактор Л.А. получила долгожданную квартиру. Очевидно, и дяди с Лубянки были удовлетворены: пресекли, предотвратили. Ведь кроме всего прочего глава о сузdalском «институте» приоткрывала важный государственный секрет: подписав в 1925 году в Женеве международное соглашение о запрещении бактериологического оружия, Советский Союз активно продолжал заниматься бомбами, начиненными заразой.

Итак, о сузdalском монастыре — ни слова. Но тому, кто возьмет в руки книгу «По следам отступающих» и станет разглядывать фотографии героев, несомненно,бросится в глаза рисунок, помещенный рядом с портретами Эльберта и Гайского: стены старинного монастыря, купола соборов и церквей. Суздаль! Вырвался все-таки кусочек правды из-под спуда. Не досмотрели кагэбшники. Прошлиалили...

Ирина МАРДАРЬ

Хроника необъявленного убийства

Баррикады на железной дороге.
1.06.1962

ОПЕРАТИВНАЯ СЪЕМКА КГБ

В первом номере журнала «Карта» мы публиковали материал Петра Сиуды о новочеркасском расстреле 1962 года. Петр Сиуда, получивший срок за участие в рабочих выступлениях 1962-го. После освобождения посвятил жизнь независимому расследованию тех страшных событий, в частности, поиску мест захоронения убитых земляков, встречая при этом ожесточенное сопротивление правоохранительных органов. Погиб Петр Сиуда при довольно загадочных обстоятельствах.

Сегодня мы хотим познакомить читателей «Карты» с фрагментом монографии журналистки Ирины МАРДАРЬ, посвященным тайному захоронению, поиску и обнаружению останков расстрелянных в 1962 году новочеркассцев.

...Погибших тщательно скрывали. И прежде всего от родственников. А они ходили и ходили весь вечер вокруг морга, отделенного от них высоким забором, охраняемым солдатами.

«О том, что наш сын попал под обстрел и находится в морге, мы узнали от кого-то из военных уже через несколько часов после случившегося», — рассказала О. Е. Артющенко. — Мы с мужем побежали к моргу. Ворота инфекционной больницы, на территории которой находился в то время морг, были закрыты. Я перепрыгнула через забор. Ко мне сразу подошел человек в штатском и спросил, кто я и что здесь делаю. Пришлось ответить, что я работаю в больничной котельной, и он пропустил меня. Я ворвалась в морг. Вокруг лежало много тел, на полу, на столах. Я искала своего Толя. Узнала его по обуви, по новым туфлям, которые мы ему купили накануне всех этих событий. Он лежал на столе. Отдернув простыню, я ахнула. Это был он... До самого конца не верилось, что с моим сыном могло что-то подобное произойти. Кому нужна была жизнь невинного пятнадцатилетнего ребенка, прибежавшего посмотреть на танки и военных с автоматами?

Рядом с сыном, валетом, лежали еще двое детей. Наверное я закричала... Дальнейшее помню смутно. Прибежали какие-то люди, схватили и вытолкали меня из морга. Потом они заставили меня расписаться в какой-то бумажке и сказали, чтобы молчала о том, что здесь увидела. В это время схватили и моего мужа, который тоже перепрыгнул через забор. Его посадили в милиционскую машину и увезли в милицию.»

Им пообещали, что отдадут сына на следующий день. Всю ночь отец Анатолия Артющенко делал гроб. Утром они приехали за сыном. Но... ворота были широко распахнуты, а морг пуст. Ни одного погибшего родственникам не отдали.

Как отмечали работавшие в то время медсестрами инфекционной больницы А. Ф. Болейко и Л. А. Медведева, около 2 часов ночи трупы сложили в две военные крытые машины и увезли.

Живущая в доме напротив морга О. А. Юминова рассказала:

«2 июня к моргу машины подъезжали особенно часто. О собы-

тиях на площади уже было известно по всему городу. В этот день у здания горкома был ранен мой родственник. Куда его отвезли, в больницу или морг, было неизвестно, поэтому я решила встречать каждую машину, подъезжающую к моргу. Убитых везли в течение всего дня после расстрела. Я просматривала трупы во время их выгрузки. Подъезжали две грузовые машины. Они привезли, как мне показалось, каждая по десять человек. Были и другие машины. Всего я просмотрела более 30 трупов, которые были доставлены до позднего вечера. Морг был переполнен. Видела, что потом тела складывали рядом у входа, в кучу. Из-под нее ручейком вытекала кровь. Своего родственника я не нашла. На следующий день мы узнали, что он жив и находится в хирургическом отделении. Ночью я видела из окна, как две грузовые машины медленно стояли от морга. Они двигались вверх по ул. Б. Хмельницкого.»

Многие годы по Новочеркаску ходили самые разнообразные слухи о том, где были похоронены убитые. Какие только места не назывались! Хутор Малый Мишкин, заброшенный глиняный карьер в Грушевке, полигон в Казачьих лагерях. Но все предполагаемые места оказались намного ближе действительных. Мертвых новочеркассцев высшее руководство страны боялось не меньше, чем живых. Их вывозили ночью в лесополосу, в сторону города Шахты. Там убитых фотографировали, надели на них бирки с номерами. На каждого было заведено дело, в котором указывался номер и описание одежды. Впоследствии, по заявлениям родственников, устанавливались фамилии погибших.

Что делать с трупами? Этот вопрос обсуждался довольно долго на заседании, участниками которого были все те же лица, сыгравшие одну из главных ролей в Новочеркасской трагедии.

«Пять часов мы пытались прийти к единому мнению, — вспоминает член Военного совета СКВО Д. А. Иващенко. — На совещании присутствовали: Микоян, Козлов, Плиев, Стрельченко (начальник областного УВД) и я. Вначале предложили: похороним по-человечески, люди поймут. А если не поймут? Если похороны вызовут новую волну беспорядков? Нет, такую ответственность мы взять

на себя не могли. Было такое предложение: выдать трупы семьям, чтобы похоронили сами. Но и от него вынуждены были отказаться. Похороны, поминки... Решили взять вагон-ледник, положить гробы и отправить в Среднюю Азию, захоронить где-нибудь в песках, но и от этого отказались. Тогда Стрельченко предложил похоронить по-морскому: в мешки, привязать камень, погрузить в шаланды и — в Таганрогский залив. Но и на этом не сошлись. Остался последний вариант, с которым согласились все: похоронить по два трупа на разных кладбищах. Это предложил Микоян."

Руководство операцией было поручено Стрельченко. Кладбища выбирались отдаленные, подальше от крупных населенных пунктов. На небольших поселковых кладбищах, как правило, не велся учет могил. Похоронили на трех кладбищах: в поселках Тарасовский и Марцево — по 8 человек, в Новошахтинске — 7.

76 работников милиции и 3 работника Новочеркасского ЗАГСа дали подписки о неразглашении фамилий, количества и мест захоронения убитых. Вот какой документ был написан одной из сотрудниц ЗАГСа:

«Я, Сенченко Прасковья Григорьевна, делопроизводитель городского ЗАГСа, даю настоящую подпись новочеркасскому горотделу милиции в том, что обязуюсь сохранить в строгой тайне работу по оформлению документов граждан, погибших при несчастном случае, имевшем место 2 июня. Об ответственности за разглашение я предупреждена.»

В зависимости от степени участия в работе, связанной с захоронением и расплачиваемой информацией, менялось содержание подписки. Милиционерами, судмедэкспертом были написаны документы, имеющие следующую устрашающую силу:

«Я, Левшин В.В., судебно-медицинский эксперт, даю настоящую подпись в том, что я предупрежден о строгой ответственности за соблюдение в тайне подготовки и выполнении мной работы по захоронению трупов. Об ответственности за разглашение указанной работы и мест захоронения я строжайше предупрежден, вплоть до применения ко мне высшей меры наказания. 4 июня 1962 г.»

Всю жизнь эти несколько предложений не давали спокойно жить людям, которых заставили не по-христиански поступить с мертвими. О том, какие чувства испытывал, в связи с участием в событиях, В.В. Левшин, рассказала его жена Г.А. Воронина: «Муж всегда помнил о данной

подписке и жил под страхом, что его уничтожат, как свидетеля.» Даже близкому человеку Левшин не доверил своей тайны и ушел с ней из жизни.

Благодаря нескольким строчкам подпись, тайна захоронений почти 30 лет оставалась покрытой мраком. Снять печать с уст хранивших молчание людей (даже тогда, когда власть неоднократно переменилась) могли только те, кто гарантировал, что обещанная в подписке смертия казнь не будет приведена в исполнение. Работникам военной прокуратуры с трудом, но все же удалось убедить свидетелей, что данные когда-то подписки не имели и не имеют юридической силы. Вместе с бывшими сотрудниками милиции, производившими захоронение, спустя 30 лет они выехали на места, где были похоронены новочеркасцы. Так как никаких отметок на местности не делалось и не составлялись схемы, восстанавливать места пришлось по памяти.

Сотрудники милиции, участвовавшие в захоронении, не могли не чувствовать своей причастности к чьей-то грязной игре. Их руками были замечены следы кровавого преступления. А. Громенко, бывший милиционер Каменского горотдела, производивший захоронение на кладбище поселка Тарасовский, когда к нему приехали сотрудники военной прокуратуры, встретил их словами: «Я ждал вас 30 лет.»

Переживал свою причастность к захоронениям и К.П. Малышев, бывший в 62-ом заместите-

лем новочеркасского горотдела милиции. Об этом рассказал А.В. Сычев, назначенный в конце июня 1962 года на пост начальника городского отдела КГБ:

«Возглавлял горотдел в то время Николаев, Малышев был первым замом, ему и пришлось заниматься захоронением трупов. Впоследствии он приходил ко мне по служебным делам. Очень переживал случившееся, даже плакал. Говорил: «Не могу жить в городе рядом с родственниками погибших, которые часто приходят в отдел и спрашивают о месте захоронения». Я посоветовал ему сменить место работы, уехать из города, что он вскоре и сделал.»

Долгое время существовал слух о том, что раненых уничтожали. С чем он был связан? Думаю, что своим появлением на свет, как ни странно, он обязан самим раненым, которые все эти годы молчали, не афишировали свои ранения. Помимо болевого шока затем они получили обработку на молчание. Их не убивали. Их лечили и внушали, что это не огнестрельные ранения, а бытовые травмы. Во всех документах того времени: медицинских справках, пенсионных удостоверениях (помимо первичных историй болезни, исчезнувших сразу после выписки больных) значатся травмы. О том, как работал в дни трагедии персонал, рассказала Т.С. Стоянова, в то время хирург в больнице на ул. Красноармейской:

«Раненых привозили на машинах, приходили они и сами. Их

На людях поставили крест раньше, чем они об этом узнали. Вначале крест появился на снимках. Эти снимки показывали тысячам людей, чтобы опознать свои «жертвы». Мало кому удалось пройти сквозь это сито.

(У) Альмано виновата в том, что расовых бороды в 17 образцах были присвоены к комоду

сразу сортировали по степени тяжести ранения. В больнице были освобождены для них первый и третий этажи. Легкораненых отправляли в поликлиники после оказания им первой медицинской помощи. Остальные требовали неотложной помощи: обработки ран, операций. В работе был задействован весь персонал. Иногда не хватало врачебных рук. Ранения, по моему мнению, были нанесены разрывными пулями, осколки которых находились в брюшной полости, в мягких тканях, конечностях. Я сообщила об этом главному врачу больницы. Сколько было раненых — трудно сказать, однако, в течение первых трех дней со дня расстрела врачи и медсестры не выходили из больницы. В помещении находился взвод солдат для охраны, милиция. За жизни раненых медперсонал боролся до конца. Лежали они у нас по 2-3 месяца и более. Думаю, что мы, медики, как никто другой, знаем, какой крови стоила новочеркассцам эта забастовка, какой жестокой была расправа с людьми."

Способствовал распространению слуха об уничтожении раненых и тот факт, что по логике событий должны были быть и умершие от ран, но о них также ничего не было известно. Прокурорская проверка установила, что лишь один из раненых был похоронен родственниками. Это Л.А. Шульга, умерший в больнице от сепсиса 20 июня. Раненые, имевшие серьезные ранения, умирали в первые дни после расстрела. Хирургическая больница 2-го июня была не готова работать в режиме военного времени. Не хватало перевязочных материалов, медикаментов. Необходимо было время для освобождения палат, для переориентации с бытовых травм на огнестрельные, для вызова всех имеющихся в городе хирургов. Именно поэтому было потеряно драгоценное время, в

течение которого умирали раненые. Их увозили в лесопосадку, в которой все еще лежали погибшие 2 июня. В ночь с 3 на 4 июня начальникам горотделов милиции Новошахтинска, Каменска и Таганрога был дан приказ командировать группу сотрудников с машиной для выполнения особо важного задания. Это было сделано. Поскольку сейчас выявились некоторые трудности с местом захоронения в пос. Марцево под Таганрогом, приводим рассказ участника этой операции И.М. Шеменева, проливающий свет на причины, по которым найти точное место пока не удается.

«В 1962 г. я был начальником Таганрогского горотдела милиции. Мне стало известно о волнениях в Новочеркасске и о применении оружия от начальника управления П.Н. Стрельченко. Днем 4 июня он позвонил и приказал в срочном порядке, взяв с собой автозак (машину для перевозки зеков), немедленно выехать в Новочеркаск. Сам Стрельченко в это время находился там. Для какой цели мне нужно было туда ехать я еще не знал и даже не догадывался об этом. В Новочеркасске Стрельченко предложил мне подпись, я ее написал. Затем он мне сказал, что я должен буду взять трупы и захоронить в Таганроге на кладбище так, чтобы об этом никто не знал. Он не сказал мне, чье это указание и зачем нужно было именно так хоронить убитых. Сколько было всего убитых и где будут еще захоронения, я не знал. Затем Стрельченко дал мне сопровождающего и мы поехали за трупами. Помню, что это место было приблизительно в 10 км от города, в лесопосадке. Было уже темно. Там находились какие-то люди. Нам отделили несколько трупов. Помню, среди них были две женщины. Я поинтересовался известны ли фами-

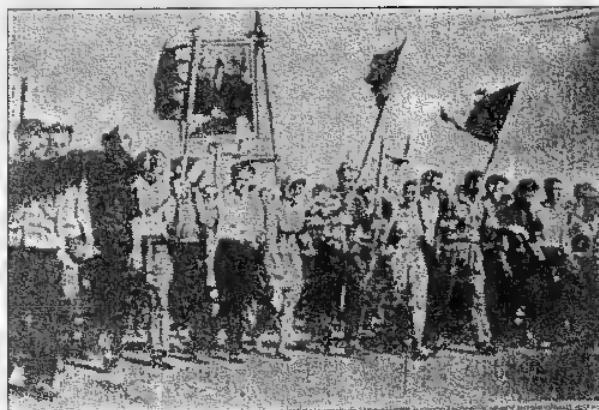
лии погибших. Мне ответили, что на убитых есть бирки, и кто есть кто, кому надо — известно. В эту же ночь, 4 июня, я отдал приказ своим подчиненным выкопать две могилы на кладбище пос. Марцево. Похоронили мы их метрах в 200-ах от железной дороги. Никаких отмечек не ставили, схем не составляли. На этот счет никаких указаний не было. По телефону я доложил о том, что порученное задание выполнил.»

То, что не были составлены схемы, ставит сегодня под вопрос осуществление перезахоронения, так как места, установленные спустя 30 лет, по рассказам участников акции, довольно приблизительны. Особенно это касается кладбища в пос. Марцево.

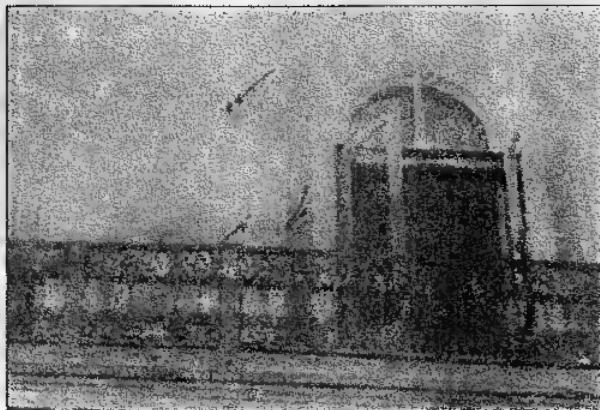
4 июня скончались в больнице еще двое раненых — мужчина и женщина. А поскольку ночью убитых из лесополосы уже забрали и развезли в три разные стороны, сотрудникам новочеркасского горотдела милиции было поручено произвести захоронение этих умерших на близлежащих к городу кладбищах. Акт захоронения, направленный сразу после событий в УВД области, был подписан Глуховым, начальником КПЗ. В нем сообщалось, что захоронение двух трупов — Слепковой Е.И. и неизвестного мужчины — произведено на кладбище ст. Заплавской. К акту были приложены истории болезней.

Но случилось так, что жители станицы, живущие на окраине, заметили, что ночью кем-то производилось захоронение и сообщили в милицию. Как отметил один из сотрудников, им пришлось инсценировать, и объяснять жителям, что это связано с автомобильной катастрофой и что по факту захоронения возбуждено уголовное дело. Куда же дели тела погибших и вновь выкопанных?

Позже всех произвели захоро-

Демонстрация новочеркасских рабочих.

Балкон, с которого выступали рабочие.
ОПЕРАТИВНАЯ СЪЕМКА КГБ

нение каменские милиционеры. Вернее, они похоронили выданные им тела не на кладбище, а в сосновом бору. Получив приказ перезахоронить, они отвезли их в такую глушь, куда не так-то просто было добраться. К этому времени к ним были подвезены еще два неудачно похороненных трупа из ст. Заплавской, 6 июня наконец было сделано окончательное захоронение на заброшенном цыганском кладбище, имевшем всего 5-6 могил.

...Это место красиво. Просто ненормально красиво. Зеленые холмы. Молодой ковыль. Небольшой пруд с ивами по берегу.

«Моему отцу понравилось бы это место. Он любил рисовать.» — сказала Людмила Келеп, дочь одного из убитых, когда родственники впервые посетили место захоронения.

На холме — несколько сиротливых крестиков и рядом большая резная ограда, и свеженасыпанный холм. На ограде прикреплена доска с литыми буквами: «Здесь похоронены жители Новочеркасска, погибшие в результате несчастного случая, в июне 1962 года. Гриценко В.Н., Драчев В.С., Карпенко В.К., Келеп К.К., Константинов В.В., Слепкова Е.И., Федорков В.Ф., Шайхалов М.Г.»

Основательно поработал Тарасовский посовет в 1990-м году, приводя в порядок могилу. Вот только непривычно, видно, было еще людям называть вещи своими именами. «Несчастный случай» — это что-то неожиданное, произошедшее независимо от воли людей. В этих двух словах какая-то безысходность и смиренение. Ну, мол, случилось несчастье, что ж, бывает в жизни и такое. Никто не застрахован от повторения его. Мы, действительно не уверены, что 62-ой не вернется. Но молчание и смиренение могут только увеличить вероятность его повторения.

Соловьевные трели раздавались из ивовых зарослей у пруда. Могильный холм впервые покрыли букеты цветов. Это место, поросшее некогда травой и практически сравнявшееся с ландшафтом, обрело предписанный ему христианскими законами вид. Родные впервые за долгие годы смогли поклониться последнему приюту близких людей, помянуть их по-русски, поставить на могилу стопку водки, накрытую хлебом.

«Ох, как далеко же вас завезли, — причитали женщины. — Как же боялись вас, мертвых...»

Место, действительно, отдаленное от всех жилых поселений. От поселка Тарасовского еще 16 километров в степь. Когда-то, в 40-х годах здесь был цыганский колхоз. Впоследствии он распал-

Участник новочеркасских событий А.Ф. Зайцев.

Демонстранты на крыльце горкома КПСС.
ОПЕРАТИВНАЯ СЪЕМКА КГБ

ся, цыгане уехали, оставив после себя лишь маленькое кладбище. На нем и были похоронены восемь погибших 2 июня в Новочеркасске.

В Новошахтинске захоронение было сделано на окраине города, на кладбище небольшого поселка. Нынешняя его смотрительница — А. В. Скобилева — и не ведала о том, что подобное захоронение существует на вверенной ей территории. Как выяснилось, смотрителем в 62-м был ее отец. Наверняка и он дал подпись о неразглашении тайны, потому что, даже умирая, не рассказал своей дочери о том, что есть на кладбище могилы новочеркассцев.

Можно ли верить тому, что это именно те самые места? Родственники погибших, побывав на могилах, одновременно и верили и не верили, что их не обманывают. Спустя год, как оказалось, сомнения были не случайны. Группа специалистов, выехавшая в середине мая на кладбище Новошахтинска, в указанных местах обнаружила лишь 4 самых обычных, заброшенных потребления жителей близлежащего поселка. Обман, ложный след? Какой смысл в этом сегодня? Группа пришла к выводам, что возможны

два варианта. Первый — количество жертв намного больше и это скрывается. Второй — милиционеров, проводивших захоронения ночью, за 30 лет подвела память. Если захоронения не окажутся и в Тарасовском, можно считать, что подтверждается первая версия.

В том, как были осуществлены захоронения, чувствовалось стремление властей навести порядок любой ценой. И хотя разрозненные тайные захоронения способствовали снятию напряженности в городе, они — признание собственной вины. Тайно хоронят свои жертвы только преступники. И как бы не обрабатывались новочеркасцы многие годы, это убеждение у них — неодолимо. А всякое преступление требует расследования и наказания. И нет для таких преступлений срока давности. До сих пор, произошедшее в Новочеркасске официально не считается убийством, преступлением. Пока что, это — необъявленное убийство.

Редакция благодарит Эльвиру СИУДА за помощь при подготовке материала.

Новочеркасск

Виктор КИРИЛЛОВ

Законодательное обеспечение репрессивной политики советского государства в период 1920-50-х годов

В начальный период существования советской власти, непосредственно после Октябрьской революции 1917 г. и до конца 1918 г., основным источником советского права являлись декреты Всероссийских съездов Советов, ВЦИК, ВРК, ВЧК, приказы народных комиссаров, акты местных советов. Кодификация советского права началась в конце 1918 г. в условиях иностранной интервенции и гражданской войны, что обуславливало репрессивный характер многих законоположений. Статья 65 Конституции РСФСР 1918 г. впервые узаконила длительную практику лишения избирательных прав и иных гражданских прав по классовому признаку. В Кодексе законов о труде, принятом в декабре 1918 г., зафиксировано положение о всеобщей трудовой повинности. В период 1918-1922 г. наряду с общими местами лишения свободы, находящимися в ведении Народного комиссариата юстиции, для изоляции классово-враждебных элементов были созданы лагеря принудительных работ НКВД и лагеря ВЧК. Порядок их организации был изложен в Постановлении ВЦИК (апрель 1919 г.). 10 сентября 1918 г. вступает в силу ныне широко известное постановление ЧНК № 710 «О красном терроре», которое узаконило уже фактически начавшийся террор против врагов советской власти. В декабре 1919 г. ВЦИК принимает «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», где в статье 25 один из пунктов перечня наказаний гласит: «объявление врагам революции и народа». (1) Таким образом, клеймление «врагов народа» началось с ведома В.И. Ленина.

Кровавая вахтангия гражданской войны, унесшая жизни миллионов россиян, была стихией лишь формально управляемой какими-то законодательными актами. Поэтому период 1919-1922 гг. является слишком специфическим для того, чтобы уверенно выделить основные направления формирования законодательной основы Советской власти. Обратимся к времени мирному.

В 1922 г. наступает второй этап кодификации советского права: создаются гражданский, земельный, и уголовный кодексы РСФСР, кодекс законов о труде. КЗОТ 1922 г., в отличие от Кодекса 1918 г., отменил всеобщую трудовую повин-

ность и ввел свободный найм рабочих. Однако уголовное и иные виды законодательства сохранили целенаправленный классовый характер. Это подтверждает ст. 40 УК РСФСР 1922 г., дающая разъяснение о поражении в гражданских правах. Согласно Исправительно-трудовому кодексу РСФСР 1924 г. особо суровый режим содержания устанавливался для «классово враждебных» преступников. (2) Первый советский уголовный кодекс 1922 г. подтвердил необходимость террора и сохранил внесудебное следование. (3)

Новый уголовный кодекс РСФСР был принят в 1926 г. и введен в действие 1 января 1927 г. (формально действовал до 1960 г.). В УК 19-26 гг. против врагов советской власти направлен целый ряд статей и, в первую очередь, знаменитая 58-я статья с четырнадцатью подпунктами. В феврале 1927 г. вступило в силу общесоюзное положение о государственных преступлениях, куда включены «контрреволюционные и особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления». (4) Следует отметить, что УК 1926 г. довел нижний предел возраста уголовно наказуемых до 12 лет. В результате тюрьмы были заполнены «малолетками». Например, в 1927 г. з/к в

возрасте от 16 до 24 лет было 48% от всех з/к. (5)

Понятно, что период 1922-1928 гг. стал самым мягким для «врагов революции», прекративших и помышлять об уничтожении советской власти. Новый этап ожесточенной классовой борьбы открывается в 1929 г., с провозглашением политики «Великого перелома». Террор обрушился на крестьян. В 1927-29 гг. против них активно использовали статьи 60, 61 и 62 УК РСФСР 1926 г., которые позволяли лишать «кулаков» свободы с конфискацией имущества на срок от 1-го до 2-х лет, за отказ от выполнения государственных повинностей. Статья 107 (спекуляция) была повернута против крестьян не сдающих зерно. Согласно циркуляру Наркомюста от 5 сентября 1929 г. разрешались репрессии против «кулаков» и контрреволюционеров с применением вышшей меры наказания — расстрела. А постановление ЧНК РСФСР от 19 ноября 1929 г. давало право на заключение осужденных «кулаков» в конлагеря. (6) В этом же году перешла в активную стадию борьба с оппозицией в партии, с инакомыслящими по всей стране. В 1929 г. издан ряд постановлений об изменении «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» (таким образом редактируется и дополняется УК 1926 г.). Именно в этом году специальным законом СССР граждане, находившиеся за границей и «перебежавшие в лагерь врагов рабочего класса», объявлялись вне закона, и в случае их обнаружения и опознания, подлежали расстрелу в 24 часа; их имущество конфисковывалось. Следует особо подчеркнуть, что этому закону придавалась обратная сила, то есть могли быть расстреляны все, арестованные до его появления.

В 1930-х годах выходит целая серия постановлений, указов инструкций и законов ужесточающих репрессивную политику советского государства. Попытаемся расположить их в хронологическом порядке.

7 августа 1932 г. — Постановление ЦИК и СНК СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». В народе — «указ о семи колосках».

Как пишет А.И. Солженицын: «За стрижку колосьев детям давали не менее 8 лет..., и за карман картошки тоже». Особенно активно использовался «указ о колосках» во время голодовок 30-х и 40-х годов. (7)

22 августа 1932 г. — Постановление ЦИК и СНК СССР «О борьбе со спекуляцией». Этот закон такого же рода, что и предыдущий. Отменены они были совместно Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1953 г., а осужденные по ним — амнистированы. (8) В этом же году была установлена уголовная ответственность за посягательство на ударников и активистов социалистического труда со стороны «классово враждебных элементов», усиlena ответственность за акты террора со стороны «кулаков против крестьян».

1933 г. — принят Закон «Об ответственности служащих государственных учреждений и предприятий за вредительские акты», и 27 июня этого же года — Постановление Верховного совета РСФСР о наказании за недобросовестное выполнение работы, подпадающей под действие закона от 7 августа 1932 г.

8 июня 1934 г. — установлена ответственность за измену Родине (высшая мера наказания или 10 лет заключения). (9) Этот закон в годы войны обрек на несправедливое наказание тех, кто по вине самого государства попал в плен.

2 октября 1934 г. — Инструкция ЦИК СССР о выборах в Советы в 1934-35 гг., где подробнейшим образом перечислялись все категории граждан, лишенных избирательных прав.

10 ноября 1934 г. по Постановлению ВЦИК и СНК РСФСР исправительно-трудовые учреждения НКЮ РСФСР переданы в ведение НКВД СССР. (10)

1 декабря 1934 г. — Постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке и совершении террористических актов».

10 декабря 1934 г. — Постановление ВЦИК и СНК РСФСР (утвержденно 9 февраля 1936 г.) «О дополнении уголовно-процессуального кодекса РСФСР главой XXXII». Эта глава носила название «О расследовании и рассмотрении дел о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти». Вот выдержки из Постановления, определяющие его суть: «... Следствие по делам о террористических организациях и террористических актах против работников Советской власти (ст. 58/8 и 58/11 УК) должно быть закончено в срок не более 10 дней... Обвинительное заключение вручается обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде... Дела слушаются без участия сторон... Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств не допускается... Приговор о высшей мере наказания приводится в исполнение немедленно по вынесении приговора...». (11)

14 сентября 1937 г. — Постановление ЦИК СССР, по которому обвиняемым во вредительстве и диверсиях обвинительное заключение вручалось за сутки до разбирательства дела и не допускалось кассационное обжалование.

2 октября 1937 г. — Постановление ЦИК СССР по повышению срока наказания за

особо опасные государственные преступления — шпионаж, вредительство и диверсию — с 10 до 25 лет. (12)

2 февраля 1938 г. — Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О дополнении УПК РСФСР главой XXXIV» — «О рассмотрении дел о контрреволюционном вредительстве и диверсии», где говорилось: «... Кассационное обжалование по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 58/7 УК РСФСР (вредительство) и 58/9 (диверсия) не допускается... Приговоры о высшей мере наказания (расстреле) приводятся в исполнение немедленно по отклонении ходатайств осужденных о помиловании». (13)

1939 г. — отменено применение условно-досрочного освобождения осуждаемых и, фактически, прекратил свое действие исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 г., который обеспечивал хотя бы минимальные права заключенных. (14)

Уже в 1940 г. выходит целый ряд указов Президиума Верховного Совета СССР, которые очень похожи на мобилизационные мероприятия военного периода. Это позволяет некоторым авторам (см.: Кнышевский П.Н. Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории, N 2, 1994, с. 54) утверждать, что «конструктивные детали» механизма мобилизации оттачивались еще в 20-х годах, а перед войной нашли воплощение в указах Верховного Совета. Вот хронологический ряд этих указов:

10 февраля 1940 г. «О запрещении продажи, обмена, отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия».

10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Срок наказания по этому указу от 5 до 8 лет. Учитывая качество продукции и дисциплину в нашем социалистическом производстве, можно понять, что этот указ грозил многим и многим тысячам организаторов и исполнителей в промышленности. (15)

17 июля 1940 года «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях».

26 июля 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» (отменен 25 апреля 1956 г.). (16)

10 августа 1940 г. «О рассмотрении народными судами дел о прогулках и самовольном уходе с предприятий и учреждений, без участия народных заседателей» и «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» (срок — 1 год). (17)

2 октября 1940 г. «О государственных трудовых резервах СССР», по которому молодежь, фактически, насильно мобилизовывалась в систему ФЗО. По более позднему указу, за побег из школ ФЗО детям давали 6 месяцев заключения. Пострадали очень многие. Только 18 марта 1955 г. вышел указ

ПВС СССР «Об отмене призыва (мобилизации) молодежи в ремесленные и железнодорожные училища». (18)

19 октября 1940 г. «О порядке обязательного перевода инженеров, техников, мастеров, служащих и квалифицированных рабочих с одних предприятий и учреждений в другие».

28 декабря 1949 г. «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)».

Как пишет Кнышевский: «Совокупность этих законов являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации. Лишь за полгода, с 26 июня 1940 г., за самовольный уход, прогулы и опоздания на работу было осуждено более 2,09 млн. человек, из них свыше 1,7 млн. отбывали 6-месячный исправительно-трудовой срок по месту работы. С начала 1941 г. показатели карательной политики упали, ибо меры принуждения возымели действие и система прижилась, да так, что и в военное время она не потребовала радикального изменения...». (Вопросы истории, N 2, 1994, с.54).

Теперь от предвоенного времени перешедшем к войне 1941-1945 гг. Весьма характерно, что законодательство 1930-х годов плавно переходит в годы 40-х и новые жесткие законы военного времени не очень сильно отличаются от законов мирного времени. Складывается такое впечатление, что война для советского народа началась уже в 1929 году. Вот хронологический ряд законов периода войны.

26 июня 1941 г. — указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время», с установлением на предприятиях, в сельском хозяйстве и на транспорте сверхурочных работ от 1 до 3 часов в день.

29 июня 1941 г. — директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Все для фронта, все для победы».

Далее Кнышевский приходит к выводу: «Крупные поражения советских войск летом и осенью 1944 г. повлекли за собой дестабилизацию местного и военного управления во многих районах и вызвали социально-экономическую напряженность в тылу. Для преодоления нарастающего кризиса власти Сталин пошел по пути ужесточения репрессивных мер. Таков приказ Ставки ВГК N 270 от 26 августа 1941 г. Не менее жестким было постановление ГКО за N 903 «сс» от 17 ноября 1941 г., состоявшее всего из двух пунктов: «1. Привести в исполнение все приговоры о ВМН без утверждения их в Высших инстанциях; 2. Особому Совещанию НКВД дано право выносить наказания вплоть до ВМН по ст. 58/1-58/14, 59/2, 59/3, 59/3а, 59/36, 59/4, 59/7-59/10, 59/12, 59/13 УК РСФСР и СССР. Тотчас прокатилась волна массовых расстрелов.» (ВИ, N 2, 1994, с.55).

«Постановление N 903 «сс» имело прямое отношение к выполнению мобилизационных, экономических и оборонно-производственных задач и до конца войны оставалось прототипом многих последующих распоряжений и постановлений ГКО» — заме-

чает Кнышевский (там же, с.55). Достаточно было намека и ОСО и НКВД занимались срывом выполнения производственных заданий как контрреволюционным преступлением.

26 декабря 1941 г. вышел указ ПВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» (отменен 13 января 1953 г.). Этот указ установил, что самовольный уход с предприятий, в том числе эвакуированных, «рассматривать как дезертирство, а лиц виновных в самовольном уходе, карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет, дела же о виновных передавать в военные трибуналы». (19)

15 апреля 1942 г. — указ ПВС СССР «Об ответственности колхозников за невыработку обязательного минимума трудодней» (отменен 28 октября 1953 г.) и указ «Об ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы или за самовольный уход мобилизованных с работы». (20) Следует отметить, что «невыполнение норм влечло за собой уголовную ответственность, а основанием для привлечения к суду являлся даже простой список лиц, заверенный счетоводом». (ВИ, N 2, 1994, с. 60)

10 июля 1942 г. — постановление ГКО N 2005 «есо — одна из самых массовых мобилизаций молодежи 14–18 лет и направления ее в ремесленные, железнодорожные училища и школы ФЗО промышленных центров восточных областей (ВИ, N 2, 1994, с. 62)

Наряду со всеми этими указами и постановлениями следует помнить о следующих видах репрессивной практики мобилизации трудовых ресурсов в годы войны: чистка войсками НКВД, органами милиции, госбезопасности и народными дружинами прифронтовой полосы и бывших оккупированных территорий, с целью осуждения за уклонение от трудовой мобилизации; формирование рабочих колонн из представителей репрессированных народов и других категорий «врагов народа»; использование труда узников ГУЛАГа; использование труда военнопленных и такого спецконтингента, как бывшие советские военнопленные и интернированные лица не прошедшие проверки; с конца 1944 г. интернированное гражданское население Германии количеством более 140 тыс. человек.

В тяжелых условиях послевоенной разрухи и голода 1946–47 гг. был принят репрессивный указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Срок наказания по нему был определен в 7 — 25 лет. Под его действие попали десятки тысяч малолетних преступников и вконец обнищавших людей. (Именно они были освобождены по амнистии 1953 года). А 10 января 1955 года был принят новый указ, который предусматривал наказание за мелкое хищение (не выделенное особо в указе 1947 г.) в 3 месяца лишения свободы или от 6 месяцев до 1 года исправительных работ. (21)

15 февраля 1947 года принимается нелепо-жестокий указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами» (отменен 26 апреля 1954 г.). (22)

Жестокое уголовное и трудовое законодательство тоталитарного государства неумолимо изобретало все новые указы о наказании своих, задавленных тяготами реальной жизни граждан. Когда сегодня мы пытаемся всплыть сколько же сидело в тюрьмах и лагерях незаконно репрессированных, нам доказывают, что политических в лагерях было мало, что в основном там сидели уголовники. Таким образом неосталинисты утверждают, что жертвы сталинщины было не так уж и много, что в основном наказывались «за дело». Однако суть заключается в том, что жертвами были отнюдь не только осужденные по 58-й статье. Репрессивных статей хватало и без нее. Когда после смерти «вождя народов» началась кампания амнистий и отмена наиболее одиозных репрессивных законов, мы обнаружили как много было этих жертв...

По амнистии от 27 марта 1953 г. освободили значительную часть тех, кто попал в заключение за мелкие хищения по указу 1947 г. По указу ПВС СССР от 8 сентября 1953 г. амнистировали тысячи тех, кто был осужден по указам от 7 и 22 августа 1932 г. По указу ПВС СССР от 28 октября 1953 г. отменили уголовную ответственность за невыработку колхозниками обязательного минимума трудодней. Только в 1954 г. повысили возраст уголовно наказуемых за любые деяния до 16 лет. Как отмечает Солженицын: «Сталинские законы о малолетках просуществовали 20 лет — до Указа от 24 апреля 1954 г., освободившего тех, кто отбыл более трети срока. Двадцать возрастов свихнули в преступление и разрыв». (23)

Только в июле 1954 г. восстановили практику условно-досрочного освобождения, прерванную в 1939 году. За это время многие десятки тысяч людей стали закоренелыми преступниками, пройдя воспитание лагерями и тюрьмой.

17 сентября 1955 г. вышел указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг.», который наряду с подлинными коллаборационистами, освободил и тех, кто по вине Сталина попал в плен в первые годы войны.

20 сентября 1956 г. этот указ был распространен на военнослужащих, побывавших в плену и осужденных по статьям 193 /22 и 58/.

Закон Верховного Совета СССР «Об отмене лишения избирательных прав по суду» вышел только 25 декабря 1958 г. (24), хотя еще в марте 1937 г. было принято Постановление ЦИК СССР «О прекращении производством дел о лишении избирательных прав граждан СССР по мотивам социально-го происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности..»

В декабре 1956 г. принятые новые (после 1924 г.) Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик. Здесь в статье 3, впервые в советской практике, провозглашено, что наказание может даваться только по решению суда. Кроме того, уголовная ответственность начиналась теперь с 16 лет. Из перечня видов наказаний в Основах исключили такие меры, как: объявление врагом трудящихся с изгнанием из СССР навсегда; удаление из СССР на неопределенный

срок и поражение политических прав по суду, в том числе избирательных прав. 27 октября 1960 г. Верховный Совет РСФСР принял новый УК РСФСР. (25) Однако это отнюдь не означало, что советское право рассталось с прошлым. 25 декабря 1958 г. был принят новый закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», в котором присутствовали: ст. 1 «Измена Родине...», ст. 6 «Вредительство...», ст. 7 «Антисоветская агитация и пропаганда (срок от 3 до 10 лет)...», ст. 9 «Организационная деятельность, направленная на совершение особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации...». (26)

Излишне напоминать современному о том, что сохранилась практика изгнания неугодных лиц за границу, поражения политических прав, да к тому же добавилось принудительное лечение в специальных больницах. И еще одна характерная деталь — на указах, отменяющих жестокие законы сталинщины зачастую встречается гриф: «Без спубликования в печати». Тайна свято хранилась и во времена оттепели...

Примечания

- (1) История государства и права в СССР // ч. 2, М., 1981, сс. 132, 115.
- (2) Там же, сс. 178, 188, 259.
- (3) Уголовный кодекс РСФСР // М., 1929.
- (4) См. (1) с. 259.
- (5) Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ // т. 2, М., 1990, с. 84.
- (6) Книга памяти // Екатеринбург, 1994, сс. 31, 32. и Базаров А. Кулак и Агрогулаг // Челябинск, 1991, с. 129.
- (7) Сборник документов и материалов по истории СССР советского периода // М., 1966, сс. 300–301 (полный текст постановления); и см. (5) с. 86.
- (8) Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1953–1991 гг.) // Казань, 1992, с. 17.
- (9) История государства и права СССР // ч. 2, М., 1981, сс. 261, 262; История советского уголовного права. 1917–1947 гг. // М., 1948, с. 412.
- (10) История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. Сб. док. // М., 1955, сс. 551–552.
- (11) Там же, сс. 466–470, 553.
- (12) См. (9) сс. 323, 324.
- (13) См. (10) сс. 471–473, 574.
- (14) История советского государства и права // т. 3, М., 1985, с. 183.
- (15) См. (9) с. 323. .
- (16) См. (7) с. 361; и (8) с. 29.
- (17) См. (10) с. 84.
- (18) См. (7) с. 362.
- (19) См. (8) с. 323.
- (20) Там же, сс. 17, 25.
- (21) История советской конституции. 1917–1956 гг. // М., 1957, сс. 840–841.
- (22) Там же, с. 891.
- (23) См. (8) сс. 15–17, 22; и (5) с. 97.
- (24) Сборник законов и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1958 гг. // М., 1959, сс. 23, 27, 30; и (21) с. 773.
- (25) См. (15/1) сс. 417, 420.
- (26) См. (24/1) сс. 52–58.

Юрий ВДОВИН.

Они не захотели стать карателями

Советские танки против берлинских рабочих. 17 июня 1953 года.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

В наше странное время бомбардировок Россией части своего народа, (или суверенного независимого иностранного государства — разные взгляды есть на проблему, но совпадение в одном — это страшное время!), даже проявления естественного чувства справедливости у военнослужащих может повлечь за собой новые трагедии.

В этой связи уместно вспомнить трагическую историю, которая произошла в сходной (по внешним признакам, хотя бы,) ситуации, более сорока одного года назад в нашей доблестной армии-освободительнице.

17 июня 1953 года жители Германии в Советской оккупационной зоне, в которой было образовано марionеточное государство ГДР, восстали против навязываемого им тоталитарного коммунистического режима. Их можно понять — 12 лет фашистского тоталитаризма, который привел их к национальной катастрофе, им, вопреки их воле, заменили новым, не менее бесчеловечным, а возможно и более безжалостным, тоталитаризмом. К сожалению, история подтвердила справедливость их устремлений. Вырвавшиеся из-под гнета коммунизма в 1949 году немцы Восточной Германии оказались отброшенными за годы своего «счастливого» существования в ГДР в своем экономическом и социальном развитии от соотечественников из Западной Германии, как минимум, на четверть века. И возвращение их в состав немецкого государства идет очень болезненно...

А тогда, в 1953 году, это восстание было безжалостно подавлено советскими оккупационными войсками из печально знаменитой теперь ЗГВ. (О подробностях восстания 17 июня 1953 года — см. «Карту» N2 — РЕД.) Погибло от рук советских карателей около 250 человек. 21 человек был расстрелян по приговору военно-полевого суда, в том числе три сотрудника народной полиции. Было арестовано и задержано около 20000 человек, около 3000 были отданы под

суд, который приговорил их, в сумме, к 8000 годам заключения, при этом 1393 человека получили 4318 лет из этих 8000. Было вынесено еще четыре смертных приговора, один из которых в последствии был заменен пожизненным заключением. Все эти сведения опубликованы в Германии в книге Райнера Хильдебранда «17 июня».

Судили граждан ГДР по знаменитой 58-й статье уголовного кодекса... РСФСР И реабилитируют граждан Германии теперь в Российской прокуратуре на основании статей 3 и 5 закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий». По состоянию на июнь 1994 года Генеральной прокуратурой реабилитировано эж двое немцев.

В той же книге есть информация о расстрелах советских военнослужащих, отказавшихся принимать участие в карательных операциях оккупационных властей против немецкого народа. Естественно, что собрать достоверные сведения об этой трагедии пока невозможно, потому что в России до сих пор нет свободы информации.

Из имеющихся скучных данных можно «выыжать» следующее. В июне 1953 года, за отказ от участия в карательных операциях советской армии против безоружных немцев, был расстрелян 41 советский военнослужащий. 18 — в Бидерице около Магдебурга, и 23 — в Берлине. Подробности расстрелов в Берлине неизвестны. Известно только, что в операциях против немецкого народа в Берлине принимали участие: 12 танковый гвардейский дивизион, 1-я и 14-я механизированные гвардейские дивизии. О расстрелах в Бидерице известно чуть больше.

17 июня из различных подразделений мотострелковой дивизии, расквартированной в окрестностях Бидерица, была сформирована команда, которую и направили на усмирение восставших немцев — «фашистов», как было объявлено в приказе, — в Магдебурге-Нойштадте. Восставшие штурмовали тюрьму, требуя освободить заключенных. Но солдаты, увидев, что немцы, требующие освобождения заключенных, безоружны, отказались стрелять. Это позволило освободить заключенных в Магдебурге.

А в воскресенье, 28 июня, в летнем полевом лагере 73-го стрелкового полка мотострелковой дивизии, расквартированной в Бидерице, сформированная 17 июня команда была построена без оружия, и Каждому двадцать пятому приказали выйти вперед, после чего они были расстреляны на просеке в лесу под Бидерицем. Их расстреляли тремя группами на краю братской могилы. Расстрел осуществляло спецподразделение, ни обозначение которого, ни принадлежность, естественно, неизвестны. Также как неизвестно, кто подписал приговор или

приказ о расстреле. Известны имена только трех расстрелянных: рядовой Василий Дятловский, ефрейтор Александр Шербина и старшина Николай Туляков. Имена остальных хранят тайные архивы канцелярий ЗГВ или КГБ...

Какие-то подробности этой героической трагедии, в которой столкнулись человечность простых людей и безжалостная тоталитарная коммунистическая машина, стали известны благодаря бежавшему на Запад в 1953 году майору Никите Роншину. Что-то сообщала какая-то организация российского сопротивления. В России эта трагедия практически неизвестна. Немецкая организация «17 июня» обращалась по этому поводу к Михаилу Горбачеву в 1987 году. Надо ли говорить, что ответа получено не было?

Но Германия помнит об этом. На шоссе между Берлином и Потсдамом, недалеко от Целендорфского кладбища, на разделительной полосе стоит деревянный крест памяти борцам за свободу Германии 17 июня и памятный камень с высеченными словами «Русским офицерам и солдатам, которые умерли, ибо отказались стрелять в борцов за свободу 17 июня».

Это место легко отыскать гостям Берлина из России. Сейчас это практически в городе — в пяти минутах езды от станции метро Ванзее, в сторону Берлина по Потсдамско-му шоссе.

Общественная Санкт-Петербургская организация «Гражданский контроль», ставящая перед собой задачу реализации общественного контроля над деятельностью силовых структур в части соблюдения прав человека и содействия организации такого контроля через представительные органы власти, пытается собрать информацию о трагедии 1953 года. Мы убеждены, что достоверная информация об этих событиях, предоставленная гражданам России, поможет нам осознать заблуждения и предостеречь от совершения новых трагических ошибок. Однако нет уверенности, что официальные структуры, к которым мы обращаемся, будут способствовать информированию общественности о подробностях этой трагедии.

Но Россия должна знать имена расстрелянных в Германии молодых людей, не желавших принимать участие в преступной акции преступного режима. Мы можем ими гордиться, ими должны гордиться их родственники и близкие.

Германия готова помнить их поименно. Именно поэтому мы обращаемся ко всем, кто располагает хоть какими-то сведениями об этой трагедии, сообщить нам в «Гражданский контроль» по адресу:

191028, Санкт-Петербург, а/я 11В.

Санкт-Петербург

«КАРТА» № 1:

И. Блинишов «Дешевое топливо» – строительство военнопленными и узниками ЛПЛ газопровода Саратов–Москва (1945).

Н. Петров «Палктика руководства КГБ в отношении архивного дела была преступной...» – структура архивов советской госбезопасности (1918–1991).

Решение об архивах КГБ – Передача документов госбезопасности на государственное хранение.

В. Лозинский «Мозанка дома нашего» – Из истории советско-польских взаимоотношений (1939–1992).

П. Митцнер «Российский «Мемориал» и польская история – Совместная исследовательская программа историков и неправительственных организаций Польши и России.

Е. Рожковски «Голодовка» – Воспоминания польского учителя об акции протеста в лагере НКВД 17В-454 Рязань–Дягилево (1947).

П. Сиуда «Новочеркасская трагедия» – Подробности подавления рабочего восстания (1962).

В. Ханевич «Крепкий хозяин» – Репрессии в Сибири по национальному признаку (1938).

Р. Яковец «Поляки в Сибири» – История репрессий против польской общины Прибайкалья (1863–1937).

И. Дубровина «В Котлясской ссылке» – Поляки в Архангельской области (1938–1942).

А. Замбровский «Путь дезертира» – История Александра Янышева, дезертира СА, в годы военного положения скрывавшегося в польском подполье (1981–1985).

А. Блинушов «Острова скорби» – Кладбища военнопленных и интернированных второй мировой войны.

М. Кох, Г. Шипманн «Мой путь в рязанский плен» – Обзор положения немецких военнопленных в СССР, лагеря ГУПВИ в Рязанской области России (1943–1948).

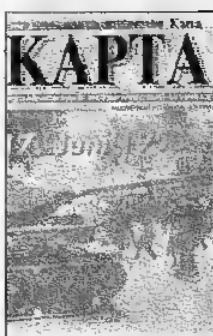
Список немецких военнопленных, похороненных на рязанских кладбищах.

И. Лившиц «Российский офицер: за белых или за красных?» – К 75-летию начала Гражданской войны в России (1918–1921).

«Акт расследования по делу об избрании большевиками в лазаретах станицы Елизаветинской раненых и больных участников Добровольческой армии» (1919).

«Memorial. The Human Rights Defending, Historical-Educational and Charity Society. The Russian Federation, Ryazan» – Представление рязанского правозащитного, историко-просветительского и благотворительного общества «Мемориал».

«Солдаты второй войны» – Презентация международного проекта.

«КАРТА» № 2:

А. Рогинский «Без указания причин смерти» – фальсификация причин смерти заключенных в СССР (1939–1989).

А. Блинушов «Таких лагерей предстоит много...» – Войско Польское и НКВД (1943–1949).

Указ Президента РФ «О снятии ограничительных грифов с законодательных и иных актов, служивших основанием для массовых репрессий и посягательств на права человека».

М. Рогачев «Размещены исключительно в тяжелых условиях» – Спецпоселенцы в Коми АССР (1940–1944).

А. Вологодский, К. Завойский «Мертвая дорога» – музей коммунизма под открытым небом – История строительства железной дороги Салехард–Игарка (1949–1953).

Т. Кизны «Я убедился, в каком аду строили заключенные эту дорогу...» – Фоторепортаж с «Мертвой дороги».

И. Михайловская «О парламентском контроле над спецслужбами» – Правовед анализирует действующее законодательство и законопроекты, регламентирующие деятельность тайной полиции в России.

В. Рубанов «Важно, в каком направлении мы движемся» –

Бывший начальник аналитического управления КГБ СССР о перспективах преобразования российской тайной полиции.

«Танки на Сталинграде» – К сорокалетию берлинского восстания 17 июня 1953 года.

Список немецких военнопленных и интернированных, похороненных на рязанских кладбищах.

И. Блинушов «Мы были обречены на страдание...» – Трагедия Куйманской общины Истинно Православной Церкви (1930–1993).

Е. Месило «Польские «банды УПА» – Провокационная деятельность органов госбезопасности Польши и СССР (1944–1954).

«Поляки, репрессированные в Смоленске» – Из архива исследователя Алексея Забелина.

Л. Алексеева «Движение за социально-экономические права, СМОТ» – Из истории инакомыслия в СССР (1978–1989).

В. Долинин «...Факты победили марксизм» – Интервью члена СМОТ.

А. Скобов «Солидарность» живя! СМОТ» – Интервью члена СМОТ.

П. Митцнер «Karta продолжилась в России. Значит все не так уж безнадежно...» – Биография польского исторического журнала «Karta» (1982–1993).

«Project Modern History Independent Research Center – Karta journal» – Журнал «Карта» – Независимый исследовательский Центр новейшей истории.

«КАРТА» № 3:

Закон Российской Федерации об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан.

«Прага. Август 1968» – Фоторепортаж из оккупированного города.

«За вашу и нашу свободу!» – К 25-летию ввода советских войск в Чехословакию. Акции протеста в Советском Союзе.

Ф. Й. Штраус «Драма, в которой вы виноваты...» – Воспоминания западногерманского политика о событиях «Пражской весны».

«Прага. Август 1968» – Фоторепортаж об оккупации.

В. Лозинский «Институт «вечных рабов» и «только помощников» – Чекистские будни. Агентурная работа (1918–1993).

И. Чухин «Звончай, кайло, греми...» – К 60-летию окончания строительства Беломоро-Балтийского канала (1931–1933).

Г. Зольтау «Проповедники мира» – Деятельность Немецкого Народного Союза по уходу за могилами жертв войны и репрессий (1919–1993).

«Нас спасет гильотина...» – НКВД СССР в послевоенной Германии (1945–1948).

«Нельзя уступать силе. Некрасиво...» – Интервью с правозащитником, редактором еженедельника «Экспресс-хроника» Александром Подрабинеком.

«Поляки, репрессированные в Смоленске» – Из архива исследователя Алексея Забелина.

В. Ханевич «Неизвестное восстание» – Крестьянское восстание в Томской губернии России (1920).

И. Блинушов «Восстановись, мигновенье!...» – История в письмах российской женщины (1921–1948).

«To the notice of those, who want to support the struggle for human rights and historical justice restoration in the former USSR» – Представление проектов журнала «Карта».

КАРТА ТВОЕЙ ИСТОРИИ

«КАРТА» № 4:

Е. Писарев «Рада, ты ма, тыма ГУЛАГа...» — Французы в советских концлагерях (1943-1952).

«Острова скорби» — Карта и список кладбищ НКВД-МВД для в/пленных и интернированных в Ленинградской области России (1944-1947).

Г. Мартirosian «Об одной белой странице черного предательства» — Как большевики уничтожали армянскую армию (1921).

Списки репрессированных офицеров — из архива рязанской ЧК (1921).

Александру Солженицыну — 75 лет.

Экспедиция «Карты» по Воркутлагу — Лагерь строгого режима на реке Харбей. Фоторепортаж С. Романова.

«Положиzinн у Харбeя» — Свидетельство Григория Архипенкова (1936-1954).

«Берия — Сталину» — Создание иностранных воинских подразделений в Советской Армии (1940-1943).

Г. Жегоронков «Сверхсекретный объект» — Расстрелы в дивизии им. Костюшко (1942-1943).

К. Ласкович «Страйбатальоны» — Советские армейские «зо-

ны» для иностранцев (1940-1942).

Б. Куява «Из моего места мог быть и я...» — Из личного архива солдата вермахта (1944-1945).

Г. Краузе «Пятилетка в советском плену» — Свидетельство немецкого военнопленного (1944-1948).

Дислокация лагерей НКВД для военнопленных и интернированных в Рязанской области России.

«Я твой окоп, добро...» — ЦК КПСС против Юлия Даниэля (1965-1966).

«Хорошо, что мы — большевики...» — Трагедия «солдат партии» (1956).

«А боль не проходит...» — Почта «Карты», Иркутск.

«Комментарий излишний» — Почта «Карты». Слюдянка.

«Штрихи к портрету» — Почта «Карты». Рязань.

«Российский Правозащитный и Просветительский Центр «Карта» — Презентация программ Центра.

«КАРТА» № 5:

П. Митцнер «Последняя концентрация» — Трагедия польских антифашистов (1944-1947).

А. Блинушов «Здравствуй, отец...» — Партизанский командир Армин Крайовой в советском концлагере (1946).

«Мы вернемся в Варшаву...» — Список поляков, погибших в лагере НКВД N 178-454 (1944-1947).

И. Евстифеев, В. Панкратов «Солдаты второй войны» — Фоторепортаж о создании мемориала памяти на лагерном кладбище в Рязани.

А. Пашков, Г. Дударец «Депортации на Сахалине» — Репрессивная политика СССР на Дальнем Востоке (1937).

С. Панфилов «Я — боюсь...» — Судьба эмигранта (1922-1990).

А. Горелник «Уровень общества = уровень права» — Интервью с сопредседателем Красноярского Фонда «Правовая защита».

А. Даннэль «Самиздат: поиски определения» — Из истории инакомыслия (1946-1990).

А. Соколов «Судьба самурая» — Японцы в ГУЛАГе (1945-1956).

«Мы никогда не мстили мертвым?» — Лагерные кладбища Нижнего Тагила.

«Архив. Документы обличают» — Коммунистический террор в действии (1921-1938).

«И вот пришли...» — Почта «Карты». Рязань.

«Блошный срок» — Почта «Карты». Томск.

«Права человека — свобода слова — гражданское общество» — Презентация проекта Российского Центра «Карта».

«Котлас — «ворота ГУЛАГа» — строительство памятника жертвам политических репрессий в Котласе.

«КАРТА» № 6:

«Правозащитная сеть» — Программа Московской Хельсинкской Группы.

«Правозащитные организации стран бывшего СССР» — База данных МХГ.

«Правозащитные организации мира» — База данных Центра «Карта».

Ф. Арков «Правозащитная библиотека» — Активисты правозащитного движения Урала.

В. Каменский «Вот и сидят люди...» — К вопросу о правовой реформе.

«Архив. Чекисты и террористы» — Как КГБ СССР вооружал палестинских боевиков (1974).

М. Шлоер «Чекисты и террористы: страницы великой дружбы» — Опекуны террористов из госбезопасности ГДР. «Штази» против «Солидарности» (1982-1988).

«Совершенно секретно... тов. Ивашико» — ЦК КПСС и архивы СЕПГ. Михаил Горбачев и Маркус Вальф (1991).

А. Гурьянов, А. Кокурин «Эвакуация тюрем» — Литва, Украина и Белоруссия: трагедия 1941-го.

А. Васильев «Бой под Кронштадтом» — К 55-летию начала Второй мировой войны (1939).

«Кто встречал Яна Боярского?» — Польский мальчик в советской танковой части (1945).

В. Бескоромный «Словакская трагедия» — НКВД в Восточной Европе (1944-1946).

В. Лозинский «Место, куда декрет об отмене смертной казни не распространяется...» — Убийство, как государственная политика советской власти (1918-1962).

«Черная книга памяти» — Палачи и их хозяева (1917-1985).

М. Корти «О некоторых аспектах диссиденческого движения» — Из истории инакомыслия в СССР (1965-1972).

М. Каргинский «Пошелуй вампира» — Из истории польской оппозиции (1956-1989).

«Рязанскому «Мемориалу» — 5 лет» — Фрагменты фотохроники. Отчет о деятельности.

